

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»

ПРАВОПОРЯДОК И ЕГО ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ

**СБОРНИК ТРУДОВ молодых ученых –
участников международной научной конференции**

(Воронеж, 31 мая – 1 июня 2019 г.)

Воронеж
НАУКА-ЮНИПРЕСС
2019

УДК 340.114:172.12
ББК 67.0
П68

Редакционная коллегия:

кандидат философских наук, доцент М.А. Беляев,
кандидат юридических наук, доцент В.В. Денисенко

*Проведение конференции
и издание сборника трудов
осуществлено при поддержке РФФИ
(проект № 19-011-20008)*

П68   Правопорядок и его институциональные основы: Сборник трудов молодых ученых – участников международной научной конференции (Воронеж, 31 мая – 1 июня 2019 г.) / [редколл.: Беляев М.А., Денисенко В.В.]. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2019. – 161 с.

ISBN 978-5-4292-0177-1

Сборник включает статьи, подготовленные молодыми учеными – участниками международной научной конференции, организованной Воронежским государственным университетом и приуроченной к 90-летию со дня рождения ведущего немецкого социального философа Юргена Хабермаса. В центре внимания исследований, представленных в данном сборнике, находится правопорядок как категория правовых и социологических дисциплин, интегрально характеризующая уровень и качество реализации правовых предписаний. Многие авторы не ограничиваются в своих исследованиях эмпирическим взглядом на отечественный или международный правопорядок, предлагая собственные варианты его дальнейшего совершенствования.

Для исследователей, аспирантов и студентов социальных и гуманитарных специальностей.

УДК 340.114:172.12
ББК 67.0

ISBN 978-5-4292-0177-1

© Коллектив авторов, 2019

Содержание

Анникова В.А. <i>Проблемы технико-юридического конструирования ст. 213 УК РФ «Хулиганство» как преступления, посягающего на общественный порядок</i>	5
Березин А.А. <i>Синергетические модели правопорядка: российский и зарубежный опыт</i> .	11
Бражникова Т.В. <i>Суд ЕАЭС как орган правопорядка в системе евразийской интеграции</i> . . .	15
Булгакова Д.В. <i>Правапорядок в России и роль правоохранительных органов в борьбе с коррупцией</i>	23
Глебова В.К. <i>Правапорядок и дискурс в трудах Ю. Хабермаса</i>	28
Глебова Д.А. <i>Проблема противодействия коррупции и формирование в РФ необходимого уровня правопорядка</i>	31
Гончарова А.А. <i>Общественная экспертиза – метод принятия демократических решений в российском обществе?</i>	36
Донских А.А. <i>Правапорядок как элемент эффективности правового регулирования</i> . . .	44
Кожевникова В.П. <i>Уголовно-правовые средства обеспечения правопорядка в России</i>	50
Кокорев В.Г. <i>Отграничение преступления, сопряженного с оскорблением религиозных чувств верующих, от некоторых преступлений против общественного порядка</i>	56
Котова А.И. <i>Медиация как институциональное основание правопорядка</i>	61
Курова К.Н. <i>К вопросу об общественной опасности деяния, сопряженного с деятельностью религиозной организации, посягающей на жизнь и здоровье граждан, как преступления, посягающего на общественную безопасность и общественный правопорядок</i>	67
Маргарян В.А. <i>Преступление и наказание по «Законам Хаммурапи»: специфические черты вавилонского законодательства</i>	76
Недиков В.Б. <i>Роль и значение уголовного права в поддержании правового порядка</i> . . .	79

Переславцева Е.М. <i>Правопорядок как часть биополитики в концепциях М. Фуко</i>	83
Пожилых А.И., Бородин Е.П. <i>Проблемы принятия публично-значимых решений при реализации права граждан на местное самоуправление.</i>	90
Себряков Я.И. <i>Идеология классического либерализма</i>	95
Сенюков А.Н. <i>Современные тенденции развития наднационального правопорядка</i>	104
Скрынников Р.А. <i>Административная ответственность за нарушение лесного законодательства как средство обеспечения экологического правопорядка</i>	112
Федоров А.С., Виноградова С.А. <i>Трансформация государственно-правовой системы и её влияние на правопорядок: на примере Японии</i>	123
Цепляев Н.А. <i>Профилактика преступлений среди несовершеннолетних, посягающих на общественный порядок.</i>	134
Ширин И.В. <i>Правопорядок сегодня.</i>	141
Якушин И.С. <i>Нормы отечественного и зарубежного уголовного законодательства, регламентирующие уголовную ответственность за посягательство на жизнь и здоровье лиц, осуществляющих правосудие или предварительное расследование.</i>	147
Яркина А.Г. <i>Тенденции развития охраны правопорядка и общественного порядка в российском государстве</i>	154
Сведения об авторах.	160

**ПРОБЛЕМЫ ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ
СТ. 213 УК РФ «ХУЛИГАНСТВО»
КАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩЕГО НА ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК**

Виктория Андреевна Анникова
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

В Российской Федерации происходит совершенствование уголовно-правовой нормы, сопряженной с совершением хулиганства, о чем могут свидетельствовать принимаемые федеральные законы¹. Данное преступление является одним из деяний, посягающих на общественный порядок, что отражено в диспозиции данной статьи УК РФ.

В настоящее время данное преступление характеризуется грубым нарушением общественного порядка, выражающим явное неуважение к обществу, совершенным с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, по экстремистскому мотиву, что относит деяние к преступлениям экстремистской направленности (примечание 2 к ст. 282.1 УК РФ) либо совершенным в определенном месте (транспорте общего пользования); в случае отсутствия данных признаков действия виновного не могут квалифицироваться правоохранительными органами по ст. 213 УК РФ.

Вместе с тем необходимо заметить, что такие признаки объективной стороны, как «грубое нарушение общественного порядка» и «выражение явного неуважения к обществу» являются оценочными, что негативно влияет на квалификацию действий виновного лица. Так, применимо к первому признаку отсутствует четкое его толкование. Единственное, что отмечается в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиган-

---

¹ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 08 дек. 2003 г. № 162-ФЗ (ред. от 07.12.2011) : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 нояб. 2003 г. : одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26 нояб. 2003 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2003. - № 50, ст. 4848 ; 2011. - № 50, ст. 7362 ; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму (ред. от 22.02.2014) : федер. закон Рос. Федерации от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 6 июля 2007 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 11 июля 2007 г. // Рос. газ. - 2007. - 1 авг. ; 2014. - 26 февр. ; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 24 нояб. 2014 г. № 370-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 11 нояб. 2014 г. : одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 19 нояб. 2014 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. - № 48, ст. 6651 ; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 03 апр. 2017 г. № 60-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 17 марта 2017 г. : одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 29 марта 2017 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2017. - № 15, ч. I, ст. 2135.

стве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений», что «судам следует учитывать способ, время, место их совершения, а также их интенсивность, продолжительность и другие обстоятельства»¹.

При этом на доктринальном уровне под признаком объективной стороны подразумевается нарушение норм общественной нравственности, выражающееся в причинении виновным лицом существенного вреда личным и общественным интересам². Относительно второго признака объективной стороны состава преступления дается более четкое толкование в указанном постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а именно: «умышленное нарушение общепризнанных норм и правил поведения, продиктованное желанием виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним»³.

В свою очередь следует справедливо разделить критические замечания ряда ученых касательно закрепления в п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ совершения хулиганства по мотиву политической, национальной и иной ненависти или вражды⁴. Также о том, что нельзя одновременно квалифицировать по мотивам ненависти или вражды и хулиганским побуждениям, указывается в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (абз. 2 п. 3)⁵.

Касаемо совершения хулиганства в общественном транспорте можно отметить, что это является обоснованным, особенно с учетом совершения подобных деяний во время авиаперелета. При этом в период совершенствования ответственности за хулиганство отечественным законодателем была декриминализована ответственность за классическое хулиганство, которое представляло собой проявление явного неуважения к отдельным гражданам и обществу в целом – подобная его трактовка была свойственна УК РСФСР 1922 г. и 1926 г⁶. В последующем в УК РСФСР 1960 г. оно нашло

---

¹ О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15 нояб. 2007 г. № 45 // Рос. газ. – 2007. – 21 нояб.

² Рагулин А. В. Хулиганство: уголовно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. С. 7; Хренов А. В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с хулиганством: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 23; Пономарев С. С. Оценочные признаки хулиганства в уголовном праве // Молодой ученый, 2015. - № 20. - С. 377.

³ О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15 нояб. 2007 г. № 45 // Рос. газ. – 2007. – 21 нояб.

⁴ См.: Агешкина Н.А., Беляев М.А., Белянинова Ю.В. и др. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. – Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2013.

⁵ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 20.09.2018) // Рос. газ. – 2011. – 4 июля; 2018. – 27 сент.

⁶ Уголовный кодекс РСФСР от 01 июня 1922 г. // СУ РСФСР. - 1922. - № 15, ст. 153; Уголовный кодекс РСФСР от 22 нояб. 1926 г. // СУ РСФСР. - 1926. - № 80, ст. 600.

иное проявление, но по факту содержание осталось прежним: «умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу», и в первоначальной редакции УК РФ было отражено, что хулиганство представляет собой «грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся применением насилия к гражданам либо угрозой его применения, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества»¹.

В связи с чем можно разделить позицию ряда криминалистов, что современное совершенствование уголовного закона России характеризуется противоречиями, необоснованностью и проблемами технико-юридического конструирования норм².

В силу этого, по нашему мнению, в целях следования исторической правопреемственности (которая является одним из аспектов уголовной ответственности за то или иное деяние и показывает особенности появления и развития преступления с учетом политических, экономических причин, распространенности, способа совершения и прочего, что влияет на содержание определенной уголовно-правовой нормы, регламентирующей ответственность за конкретное деяние – см. об этом работы отечественных ученых советского и постсоветского периодов³) нормы УК РФ о хулиганстве подлежат изменению.

---

¹ Уголовный кодекс РСФСР от 27 окт. 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. - 1960. - № 40, ст. 591.

² Боер А. Л. Уголовно-правовая охрана жизни и здоровья: некоторые проблемы уголовно-правовой политики // Социология и право. 2013. № 1 (18). С. 68-75 ; Яшин А. В., Яшин Н. А. Некоторые проблемы современной уголовно-правовой политики // Вестник Пензенского государственного университета. 2014. № 4 (8). С. 52-56 ; Гордеев Н. С. Преступления экстремистской направленности: последние изменения, проблемы и тенденции уголовной политики // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 210-213 ; Непомнящая Т. В. Современная российская уголовная политика: проблемы правотворчества и правоприменения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 2 (16). С. 86-94 ; Кокорев В. Г., Зайцев И. А. Право на свободу совести и вероисповеданий и условия его ограничения по отечественному законодательству // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11. № 7. С. 78-86 ; Осокин Р. Б., Кокорев В. Г. Статья 148 УК РФ как гарантия права на свободу совести и вероисповеданий // Образовательные программы и профессиональные стандарты: поиск эффективного взаимодействия : сборник материалов по итогам Международной научно-методической конференции / под общ. ред. Е. А. Каменевой. М. : ИТКОР, 2016. С. 128-132 ; Кочои С. М. Уголовно-правовая политика противодействия терроризму: недостатки и перспективы // Противодействие экстремизму и терроризму : материалы Международной научно-практической конференции. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. С. 117-119 ; Петрянин А. В. Внутриотраслевые коллизии как следствие реализации ряда новаторских направлений современной уголовной политики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43). С. 203-208.

³ Осокин Р. Б. Законодательство советского периода о мошенничестве и его способах // Правовая реформа и развитие российского законодательства : сборник. М. : Московский государственный университет экономики, статистики и информатики, 2002. С. 235-241 ; Бессонова И. В. История развития уголовной ответственно-

Мы полагаем, что необходимо отразить в ч. 1 ст. 213 УК РФ классическое хулиганство, при этом дать в примечании более конкретное толкование, что следует понимать под тем или иным его признаком, чтобы правоохранительные органы могли более точно квалифицировать действия виновного лица.

Кроме того, необходимо исключить из данной статьи указание на мотив ненависти или вражды, так как в случае совершения подобного деяния по данному мотиву действия виновного могут быть квалифицированы по статьям Особенной части уголовного закона, регламентирующих ответственность за преступления, посягающие на жизнь и здоровье человека или гражданина, а также основам конституционного строя, что в целом будет соответствовать позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, а также совершение хулиганства в общественном транспорте необходимо отразить в ч. 2 ст. 213 УК РФ, что будет соответствовать правилам построения статей Особенной части УК РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агешкина Н.А., Беляев М.А., Белянинова Ю.В., Бирюкова Т.А., Болдырев С.А., Буранов Г.К., Воробьев Н.И., Галкин В.А., Дудко Д.А., Егоров Ю.В., Захарова Ю.Б., Копьев А.В. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. – Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2013. 848 с.

сти за преступные нарушения правил охраны труда // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2009. № 10. С. 172-182 ; Чхвимиани Э. Ж. Развитие уголовного законодательства об ответственности за вымогательство в истории России // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2010. № 3. С. 39-42 ; Осокин Р. Б. Генезис норм об уголовной ответственности за жестокое обращение с животными в досоветский период // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Вып. 12-1 (104). С. 396-399 ; Дворецкий М. Ю., Кокорев В. Г. Возникновение, развитие и перспективы оптимизации в отечественном законодательстве вида наказания в форме лишения свободы на определенный срок в целях повышения эффективности уголовной ответственности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Вып. 12 (116). С. 502-508 ; Осокин Р. Б. Состояние уголовно-правового противодействия преступлениям против общественной нравственности в некодифицированный период развития российского уголовного законодательства // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 2. С. 86-89 ; Осокин Р. Б., Кокорев В. Г. Реализация и уголовно-правовая охрана права на свободу вероисповедания в России: история и современность // Эволюция государства и права: история и современность : сборник научных статей II Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета ; отв. ред. С. Г. Емельянов. Курск : Университетская книга, 2017. С. 291-296 ; Макаровский С. В. Становление и развитие церковных и уголовно-правовых запретов на самоубийство в российской истории // Молодой ученый. 2018. № 42 (228). С. 109-110 ; Савватеев Е. А. История развития уголовной ответственности за налоговые преступления в отечественном праве // Аллея науки. 2018. Т. 1. № 1 (17). С. 521-526.

2. Бессонова И. В. История развития уголовной ответственности за преступные нарушения правил охраны труда // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2009. № 10. С. 172-182.
3. Бояр А. Л. Уголовно-правовая охрана жизни и здоровья: некоторые проблемы уголовно-правовой политики // Социология и право. 2013. № 1 (18). С. 68-75.
4. Гордеев Н. С. Преступления экстремистской направленности: последние изменения, проблемы и тенденции уголовной политики // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 210-213.
5. Дворецкий М. Ю., Кокорев В. Г. Возникновение, развитие и перспективы оптимизации в отечественном законодательстве вида наказания в форме лишения свободы на определенный срок в целях повышения эффективности уголовной ответственности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Вып. 12 (116). С. 502-508.
6. Кокорев В. Г., Зайцев И. А. Право на свободу совести и вероисповеданий и условия его ограничения по отечественному законодательству // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11. № 7. С. 78-86.
7. Кочои С. М. Уголовно-правовая политика противодействия терроризму: недостатки и перспективы // Противодействие экстремизму и терроризму: материалы Международной научно-практической конференции. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. С. 117-119.
8. Макаровский С. В. Становление и развитие церковных и уголовно-правовых запретов на самоубийство в российской истории // Молодой ученый. 2018. № 42 (228). С. 109-110.
9. Непомнящая Т. В. Современная российская уголовная политика: проблемы правотворчества и правоприменения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 2 (16). С. 86-94.
10. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму (ред. от 22.02.2014) : федер. закон Рос. Федерации от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 6 июля 2007 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 11 июля 2007 г. // Рос. газ. - 2007. - 1 авг. ; 2014. - 26 февр.
11. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 24 нояб. 2014 г. № 370-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 11 нояб. 2014 г. : одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 19 нояб. 2014 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2014. - № 48, ст. 6651.
12. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 03 апр. 2017 г. № 60-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 17 марта 2017 г. : одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 29 марта 2017 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2017. - № 15, ч. I, ст. 2135.
13. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 08 дек. 2003 г. № 162-ФЗ (ред. от 07.12.2011) : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 нояб. 2003 г. : одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26 нояб. 2003 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2003. - № 50, ст. 4848 ; 2011. - № 50, ст. 7362.
14. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 20.09.2018) // Рос. газ. - 2011. - 4 июля ; 2018. - 27 сент.

15. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15 нояб. 2007 г. № 45 // Рос. газ. – 2007. – 21 нояб.
16. Осокин Р. Б. Генезис норм об уголовной ответственности за жестокое обращение с животными в досоветский период // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Вып. 12-1 (104). С. 396-399.
17. Осокин Р. Б. Законодательство советского периода о мошенничестве и его способах // Правовая реформа и развитие российского законодательства : сборник. М. : Московский государственный университет экономики, статистики и информатики, 2002. С. 235-241.
18. Осокин Р. Б. Состояние уголовно-правового противодействия преступлениям против общественной нравственности в некодифицированный период развития российского уголовного законодательства // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 2. С. 86-89.
19. Осокин Р. Б., Кокорев В. Г. Реализация и уголовно-правовая охрана права на свободу вероисповедания в России: история и современность // Эволюция государства и права: история и современность : сборник научных статей II Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета ; отв. ред. С. Г. Емельянов. Курск : Университетская книга, 2017. С. 291-296.
20. Осокин Р. Б., Кокорев В. Г. Статья 148 УК РФ как гарантия права на свободу совести и вероисповеданий // Образовательные программы и профессиональные стандарты: поиск эффективного взаимодействия : сборник материалов по итогам Международной научно-методической конференции / под общ. ред. Е. А. Каменевой. М. : ИТКОР, 2016. С. 128-132.
21. Петрянин А. В. Внутриотраслевые коллизии как следствие реализации ряда новаторских направлений современной уголовной политики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43). С. 203-208.
22. Пономарев С. С. Оценочные признаки хулиганства в уголовном праве // Молодой ученый, 2015. - № 20. - С. 376-379.
23. Рагулин А. В. Хулиганство: уголовно-правовые аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. 24 с.
24. Савватеев Е. А. История развития уголовной ответственности за налоговые преступления в отечественном праве // Аллея науки. 2018. Т. 1. № 1 (17). С. 521-526.
25. Уголовный кодекс РСФСР от 01 июня 1922 г. // СУ РСФСР. - 1922. - № 15, ст. 153.
26. Уголовный кодекс РСФСР от 22 нояб. 1926 г. // СУ РСФСР. - 1926. - № 80, ст. 600.
27. Уголовный кодекс РСФСР от 27 окт. 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. - 1960. - № 40, ст. 591.
28. Хренов А. В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с хулиганством : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 30 с.
29. Чхвимиани Э. Ж. Развитие уголовного законодательства об ответственности за вымогательство в истории России // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2010. № 3. С. 39-42.
30. Яшин А. В., Яшин Н. А. Некоторые проблемы современной уголовно-правовой политики // Вестник Пензенского государственного университета. 2014. № 4 (8). С. 52-56.

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПРАВОПОРЯДКА: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Алексей Алексеевич Березин
Воронежский государственный университет

Правопорядок – институционально-нормативный каркас общества, обеспечивающий его стабильность и целостность. Он представляет собой состояние общественных отношений, при котором обеспечивается соблюдение закона и иных правовых норм, будучи одной из составных частей общественного порядка. Это состояние фактического урегулирования социальных связей, качественное выражение законности.

Правопорядок характеризуется уровнем законности в государстве и степенью реализации прав и свобод граждан, а также исполнением ими и государственными органами возложенных законом обязанностей.

Международный порядок - одновременно как статичное, так и динамичное, развивающееся состояние межгосударственных отношений. Это не только определенный уровень (статика), но и процесс поступательного мирного урегулирования (динамика), который не прекращается в отдельных регионах мира ни на секунду.

В современном мире вопросы организации правопорядка (его охраны или радикальных преобразований) всё в большей степени переносятся из внутригосударственных, демократических контекстов в раздутые до глобальных масштабов корпоративно-ценностные, что в конечном счёте приводит не к конструктивным, а к деформирующим трансформациям правопорядка.

Об этом свидетельствуют не только прецеденты «экспорта демократии», сопряжённые с разрушением государственности ряда стран Ближнего Востока (Ливия, Сирия). Проявляются такого рода тенденции и в выборных кампаниях, как в странах с неустойчивым политическим режимом (Украина), так и в странах с достаточно стабильным правопорядком (Югославия).

Этот ныне довольно распространённый феномен можно охарактеризовать как «двурукую демократию»: в одной руке бюллетень для голосования, а в другой – арматура и средства поджога. Не составляют исключения и западные страны с развитой демократией: если легитимные результаты выборов противоречат интересам влиятельных корпораций, запускаются механизмы гражданской информационной войны.

Так, законно избранный президент США Трамп в первые сто дней подвергся со стороны противников его избрания травле, по степени непримиримости и тону схожей с традиционно адресуемой президенту Сирийской Арабской Республики Башару Асаду. То, что это явное и грубое нарушение демократического правопорядка, не имеющее под собой достаточных оснований, стало особенно очевидно, когда «анафема» новому президенту была весьма оперативно снята. Это произошло не вследствие неких внутривнутриполитических бонусов населению со стороны президента, а сразу после санкционированной им демонстративной «точечной» бом-

бёжки в Сирии, совершённой в обход процедур, предусмотренных для такого рода действий законами США, резолюциями Совета Безопасности Организации Объединённых Наций, международным правом в целом.

Наличие схожих черт в упомянутых реальных сценариях деформации национального и международного правопорядка во многом объясняется доминированием в политическом сознании синергетической модели «порядок из хаоса». Синергетика представляет собой учение о сложно организованных системах и проблемах их самоорганизации. Синергетика базируется на следующих постулатах: процесс развития может совершаться лишь в открытых системах, взаимодействующих с окружающей средой. Закрытые системы изменяются лишь в направлении усиления их беспорядка, хаоса, дезорганизации; случайные отклонения системы в открытых системах накапливаются, усиливаются и в итоге приводят к разрушению прежнего порядка и возникновению новой системы; чем выше на эволюционной лестнице находится система, тем больше требований к ней предъявляется, и тем более сложно протекают в ней процессы самоорганизации¹.

Данная синергетическая модель трансформации правопорядка реализуется в различного рода «цветных революциях». Она основана на преднамеренном программировании разрушения существующего правопорядка или нанесения ему существенного ущерба путём провоцирования дезорганизации общественной жизни с целью «расчистки» социального пространства для установления политического режима, соответствующего теневым корпоративным интересам.

В России перестроечные процессы 1990-х гг. обошлись без разгула «двурукой демократии» и гражданской информационной войны, но синергетическая модель смены правопорядка по принципу «порядок из хаоса» просматривается в сфере экономических процессов того периода. Надо отдать должное отечественной юриспруденции: правовой институт частной собственности был введён оперативно и квалифицированно. Однако практика проведения экономических реформ во многом осуществлялась на неправовых и внеэкономических основаниях: на развалинах социалистической экономики был устроен «дикий рынок», сопряжённый с идеологией «шоковой терапии».

Оглядываясь назад, можно с уверенностью сказать, что положение спасли два решающих фактора. Во-первых, правосознание граждан было на тот момент достаточно монолитным, что обуславливалось отнюдь не тоталитарным политическим укладом, а высоким качественным уровнем среднего и высшего образования и всеобщей образованностью граждан, воспитанных на идеалах отечественной и мировой культуры. Но главное, отечественная юридическая наука, несмотря на идеологические ограничения, развивалась в контекстах мирового правового пространства, внося в него существенный вклад – не только в области теории, но и в сфере

---

¹ Рузавин Г.И. Концепции современного естествознания: Учебник для вузов. / Г.И. Рузавин. - М.: ЮНИТИ, 2008. - 287 с.

международно-правовой практики (Нюрнбергский процесс, практика заключения и реализации Советским Союзом международных конвенций, правовое обоснование позиций, отстаиваемых в процессе принятия решений на уровне ЮНЕСКО и ООН).

В настоящее время, когда стали очевидными негативные результаты широкого применения в политико-экономической сфере синергетического принципа «порядок из хаоса», очень важно найти в самой синергетической традиции альтернативы этому деструктивному принципу.

Исходя из того, что синергетика – это теория самоорганизации сложных систем, и в обществе, относящемся к их числу, все процессы, осуществляемые людьми, имеют информационно-кодovou основу, следует использовать методологические потенциалы кодовой теории самоорганизации социума¹.

С точки зрения этой концепции общество представляет собой сложную систему, антропоцентричность которой реализуется в синергичных человеческих взаимодействиях на основе культурных кодов. Культурные коды – это доминирующие в общественном сознании программы самоорганизации социума, задающие ориентиры социального конструирования. На них основаны коды правосознания, являющиеся по сути силовыми линиями правового пространства.

Такая модель весьма упрощена в области проблем организации правопорядка. В первую очередь потому, что в социальном конструировании, в которое входит и организация правопорядка, устойчивость последнего обеспечивается синергетической согласованностью базовых кодов правосознания законодателей и граждан. Эта согласованность не подчиняется идеологическому диктату. Она закладывается в процессе образования на культурной основе. Именно в культуре, прежде всего в лучших литературных образцах, правосознание формируется в единстве с нравственными ориентирами. Но это только первичная, общегражданская основа устойчивости правопорядка.

В процессах самоорганизации социума право занимает особое место как сфера нормативного конструирования социальной реальности. С этой точки зрения законодательство может рассматриваться как вид социально-проектной деятельности.

В законодательстве находят выражение определенные социальные интересы, ценности. Побочным следствием этого являются скрытые тенденции лоббизма², порой связанного с конфликтом интересов. Кроме того, наличие партийных кластеров в законодательных структурах неизбежно сопряжено с конфликтами по поводу различных интерпретаций социальной реальности, а также с мировоззренческими столкновениями, для которых в условиях демократии невозможен и не нужен моноидеологический третейский суд.

---

¹ Миланова И.П. Синергетика: кодовые основания социального конструирования / И.П. Миланова // Рос. юрид. журн. - 2016. - №5.

² Автономов А.С. Азбука лоббирования. / А.С. Автономов. – М.: ИРИС, 2004. – 112с.

Универсальной основой правотворческого консенсуса является правовая культура¹, формирующаяся в сфере правовой науки и практики на основе базовых культурных кодов и транслируемая в юридическом образовании. Правотворческие проблемы, связанные с позиционированием в области юридического мировоззрения и собственно правовой методологии, относятся к компетенции теории государства и права.

Эффективность правового регулирования общественных отношений существенно зависит от учета базовых культурных кодов в правотворческой деятельности, поскольку сама по себе социальная реальность, как уже отмечалось, может быть интерпретирована в различных версиях, с использованием весьма широкого спектра социологических схем, выбор которых зависит от политических предпочтений. Эта проблематика требует применения философско-правовых методов, без которых законотворчество во многом становится областью мнений, позиций, порой замешанных на корпоративных интересах, на лоббировании, что, как правило, приводит к законодательному браку. Без высокой теории, дающей методологические основания правовой деятельности, юридические практики склонны к рутинизации.

Для целей настоящего исследования предлагается понимать под методом способ организации деятельности, инвариантный к ее содержанию, а под методологией – совокупность методов, системообразующим основанием которой является единство дискурса, т. е. понятийного аппарата, выступающего инструментарием реализации данных методов.

Стоит отметить, что в дореволюционном российском юридическом образовании философия права² была наряду с теорией права обязательной академической дисциплиной. И в системе современного юридического образования необходимы такие дисциплины, как философия права и юридическая герменевтика³, формирующие методологические и мировоззренческие основания правового мышления, а также навыки достижения законодательного консенсуса на общих методологических платформах, далеких от политико-идеологических и субъективистских коннотаций.

Правопорядок – динамичная система и существенно зависит от качества уровня законотворческой и правоприменительной деятельности, синергетически-конструктивный потенциал которых во многом определяется качеством образования, в том числе юридического. В современных условиях экстремально динамичных изменений в правовой картине мира велика потребность в актуализации выработанных человечеством философско-правовых универсалий, придающих потенциалы устойчивости мировому правопорядку.

---

¹ Абсалямов И.С. Многообразие подходов к характеристике правовой культуры / И.С. Абсалямов // Правовое государство: теория и практика. - 2013. - №3.

² Юрчук В.С. Философия права / В.С. Юрчук. - М.: МИЭМП, 2007. - 140 с.

³ Тонков Е.Н. Юридическая герменевтика в XXI веке / Е.Н. Тонков, Ю. Ю. Ветютнев. - СПб.: Алетей, 2016. - 440 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абсалямов И.С. Многообразие подходов к характеристике правовой культуры / И.С.Абсалямов // Правовое государство: теория и практика. - 2013. - №3
2. Автономов А.С. Азбука лоббирования. / А.С. Автономов. - М.: ИРИС, 2004. - 112с.
3. Миланова И.П. Синергетика: кодовые основания социального конструирования / И.П. Миланова // Рос. юрид. журн. - 2016. - №5.
4. Рузавин Г.И. Концепции современного естествознания: Учебник для вузов. / Г.И.Рузавин. - М.: ЮНИТИ, 2008. - 287 с.
5. Тонков Е.Н. Юридическая герменевтика в XXI веке / Е.Н. Тонков, Ю. Ю. Ветютнев. - СПб.: Алетея, 2016. - 440 с.
6. Юрчук В.С. Философия права / В.С. Юрчук. - М.: МИЭМП, 2007. - 140 с.

Суд ЕАЭС КАК ОРГАН ПРАВОПОРЯДКА В СИСТЕМЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Таисия Владимировна Бражникова
Воронежский Государственный Университет

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) по праву может считаться одной из наиболее динамичных среди существующих ныне международных организаций экономической интеграции. Учредительный договор ЕАЭС был подписан главами государств-учредителей 29 мая 2014 г., 1 января 2015 г. он вступил в силу, а уже 2 января 2015 г. вступил в силу договор о присоединении к ЕАЭС нового члена — Республики Армения. 21 мая 2015 г. подписан договор о вступлении в ЕАЭС Киргизии. Помимо расширения членского состава Союз начинает укреплять свои внешние связи: 25 мая 2015 г. подписано соглашение между Вьетнамом и государствами — членами ЕАЭС о создании зоны свободной торговли. Ряд других государств заявляет о своей заинтересованности в установлении партнерских связей и развитии сотрудничества с новой евразийской межгосударственной организацией, что свидетельствует о его складывающемся весе и растущем значении в мировой экономической системе¹.

Изначально такая структура предполагала создание и эффективную работу единого экономического пространства (таможенного союза, общего рынка), которое впоследствии образовало экономико-правовое пространство. Сам же ЕАЭС справедливо представляется учеными в роли международной организации во многом благодаря хорошо структурированной системе органов. Особенностью ЕАЭС является то, что наряду с исполнительными структурами в организации наличествует и такой особый орган, как Суд ЕАЭС.

Суд ЕАЭС — судебный орган Союза, который рассматривает споры по вопросам реализации международных договоров в рамках ЕАЭС и реше-

---

¹ Капустин А.Я. Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс // Журнал российского права. 2015. № 11.

ний органов Союза. Он создан для обеспечения единообразного применения права ЕАЭС государствами — членами Союза и его органами. Суд ЕАЭС действует на основании:

1. Договора о ЕАЭС,
2. Статута Суда ЕАЭС (приложение № 2 к Договору о ЕАЭС)
3. Регламента Суда Союза.

Суд является процессуальным правопреемником Суда Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС).

Нормативную базу данного суда составляет особый Статут Суда ЕврАзЭС — то есть акт, учреждающий суд, который был принят Решением Межгосударственного совета ЕврАзЭС от 27 апреля 2003 года № 122. Новая редакция Статута Суда ЕврАзЭС, предусматривающая компетенцию по рассмотрению дел в связи с формированием Таможенного союза Беларуси, Казахстана и России, была принята в 2010 году.

Фактически Суд был создан к 1 января 2012 года. До этого времени присутствие его в правовом поле ЕврАзЭС обеспечивалось Решением Совета глав государств СНГ о возложении на Экономический суд СНГ функций Суда ЕврАзЭС от 19 сентября 2003 года и Соглашением между СНГ и ЕврАзЭС о выполнении Экономическим судом СНГ функций Суда ЕврАзЭС (подписано 3 марта 2004 года, утратило силу с 1 января 2012 года в связи с началом самостоятельного функционирования Суда ЕврАзЭС). 19 декабря 2011 года Межгосударственным советом ЕврАзЭС принято Решение № 583 «О формировании и организации деятельности Суда ЕврАзЭС». С 1 января 2012 года Суд ЕврАзЭС начал вести самостоятельную деятельность, к этому времени был определен его состав. Деятельность Суда ЕврАзЭС прекращена с 1 января 2015 года на основании Договора о прекращении деятельности Евразийского экономического сообщества и Решения Межгосударственного совета ЕврАзЭС № 652 о прекращении деятельности Евразийского экономического сообщества (оба документа от 10 октября 2014 года). Однако решения Суда ЕврАзЭС продолжают действовать в прежнем статусе в соответствии со статьей 3 Договора о прекращении деятельности Евразийского экономического сообщества.

За 2012–2014 годы Суд ЕврАзЭС рассмотрел пять дел, посвященных вопросам единого таможенно-тарифного регулирования в рамках ТС, классификации товаров в соответствии с ТН ВЭД, иным проблемным вопросам, связанным с функционированием единой таможенной территории ТС, а также оспариванию действий (бездействия) ЕЭК.

В списке судебных актов Суда ЕврАзЭС значатся также еще порядка 10 дел, связанных с различными вопросами, в том числе с претензиями компаний из третьих стран (Индии, Китая, Германии) к решениям Коллегии ЕЭК о применении антидемпинговых мер в отношении их товаров.

В числе наиболее заметных — дело № 1–7/1–2013, по результатам рассмотрения которого Суд ЕврАзЭС обязал ЕЭК исполнить его решение. Заявитель в лице ОАО «Угольная компания «Южный Кузбасс» успешно оспорил пункт 1 Решения Комиссии Таможенного союза от 17 августа 2010 года № 335 («О проблемных вопросах, связанных с функционирова-

нием единой таможенной территории, и практике реализации механизмов Таможенного союза»). Указанный пункт, касавшийся таможенного декларирования и контроля на внутренних границах ТС, был признан Судом не соответствующим международным договорам, заключенным в рамках ТС, и подлежал отмене.

Также заслуживает внимания дело № 1-7/2-2013 по заявлению ПАО «Новокраматорский машиностроительный завод» (Украина) об оспаривании Решения Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 года № 904 «О мерах по защите экономических интересов производителей стальных кованых валков для прокатных станов в Таможенном союзе». В частности, решение Суда ЕврАзЭС по данному делу привело к выработке правила, согласно которому в случае выявления Судом ЕАЭС несоответствия права ЕАЭС праву ВТО применению подлежит право ВТО.

Таким образом, Суд ЕврАзЭС сыграл значимую роль в формировании современного права ЕАЭС, в том числе заложил основы работы Суда ЕАЭС.

В отличие от Комиссии (Единая Экономическая Комиссия ЕАЭС), находящейся в Москве, местом пребывания Суда Союза определен Минск, что также должным образом подчеркивает наднациональный характер организации. По двое судей от каждого государства-члена обеспечивают равное представительство в Суде ЕАЭС. Судьи назначаются на должности и освобождаются от них Высшим советом. В соответствии с Регламентом Суда ЕАЭС двое судей из двух разных государств-членов избираются на должности Председателя, осуществляющего руководство деятельностью Суда, и его заместителя сроком на три года. Суд рассматривает дела в составе Большой коллегии Суда (все судьи), Коллегии Суда (по одному судье от государства-члена) и Апелляционной палаты Суда (занимается заявлениями об обжаловании решений Коллегии Суда по делу и представлена судьями, не принимавшими участие в рассмотрении данного дела).

Согласно пункту 49 главы IV Статута, Суд работает со спорами, возникающими по вопросам реализации права Союза, как по заявлению государств-членов, так и по заявлению хозяйствующих субъектов. Споры, рассматриваемые Судом Союза по заявлению государства-члена:

- о соответствии международного договора в рамках Союза или его отдельных положений Договору о ЕАЭС;

- о соблюдении другим государством-членом (другими государствами-членами) Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза;

- о соответствии решения ЕЭК или его отдельных положений Договору о ЕАЭС, международным договорам в рамках ЕАЭС и (или) решениям органов Союза;

- об оспаривании действия (бездействия) ЕЭК. Споры, рассматриваемые Судом Союза по заявлению хозяйствующего субъекта, ограничены исключительно возможными нарушениями прав и законных интересов такого субъекта со стороны ЕЭК. Следует понимать, что под хозяйствующим субъектом подразумевается как юридическое лицо, так и физическое лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предприни-

мателя. В Статуте Суда ЕАЭС прямо не указано, что Суд компетентен рассматривать дела, связанные с реализацией международных договоров Союза с третьей стороной. Из этого следует, что государства-члены и хозяйствующие субъекты не могут рассчитывать на поддержку Суда ЕАЭС в случае выявления правонарушений в рамках таких договоров. Вместе с тем в Статуте Суда закреплено, что государства-члены «могут отнести к компетенции Суда иные споры, разрешение которых Судом прямо предусмотрено Договором, международными договорами в рамках Союза, международными договорами Союза с третьей стороной или иными международными договорами между государствами-членами» (пункт 40 главы IV приложения № 2 к Договору о ЕАЭС). Например, Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и Вьетнамом не содержит ни одного упоминания о Суде ЕАЭС. Как правило, споры в рамках таких соглашений подлежат урегулированию специально учреждаемой арбитражной (третейской) группой в соответствии с нормами ВТО.

Одна из проблем, с которыми сталкивается Суд ЕАЭС, — приоритет национального права над правом Союза в случае конфликта между ними. Например, на данный момент приоритет нормы права ЕАЭС поставлен в зависимость от условий, установленных Конституцией России и Конституцией Казахстана, а потому не является абсолютным на всей территории ЕАЭС. (В Конституции РФ закреплено применение положений Конституции в случае, если она предоставляет более высокий уровень защиты прав и свобод гражданина, чем нормы международного права или международного договора).

Сходная проблема существовала и в практике Европейского союза, где конституционные суды Германии и Италии около двадцати лет отдавали приоритет национальному праву, а не актам Европейских сообществ. Так, Германия не признавала верховенства европейских норм до тех пор, пока Суд ЕС не расширил права человека в рамках всего интеграционного объединения до уровня, сопоставимого с гарантируемым Конституцией Германии.

Это примеры случаев, когда национальное законодательство может повлиять на совершенствование норм наднационального регулирования. Вместе с тем двойственность правового регулирования в ЕАЭС может вести к дополнительным трудностям.

К примеру, хозяйствующим субъектам, ведущим деятельность в одной и той же сфере, в разных государствах-членах может предоставляться разный объем и уровень льгот и преференций, либо требования, применяемые по отношению к физическим и юридическим лицам в каком-либо государстве-члене, могут быть более жесткими, чем установлено Договором о ЕАЭС.

В качестве примера рассмотрим дело Суда ЕАЭС № СЕ-1-2/2-15-КС. Оно касается ограничения прав хозяйствующих субъектов, вытекающего из непридания Техническому регламенту прямого действия. Индивидуальный предприниматель из Казахстана, осуществлявший ввоз в Казахстан автомобилей для перевозки грузов, столкнулся с тем, что при выпус-

ке товара таможенные органы Казахстана доначислили заявителю акцизный налог. Это произошло в связи с признанием ввозимых автомобилей транспортными средствами, произведенными на шасси легкового автомобиля, которые в соответствии с Налоговым кодексом РК являются подакцизными товарами. Предприниматель обратился в ЕЭК с утверждением о том, что указанные органы нарушают принципы единообразного применения и реализации международных договоров, формирующих договорно-правовую базу Таможенного союза. В своем ответе ЕЭК указала, что правовая оценка правомерности деятельности и решений таможенных органов государств — членов ЕАЭС выходит за рамки ее компетенции. Не согласившись с доводами Комиссии, предприниматель обратился в Суд ЕАЭС. В декабре 2015 года Коллегия Суда приняла решение об отказе в удовлетворении заявления и признала бездействие ЕЭК соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза и не нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Вместе с тем в случаях правовой неопределенности или проявления дуализма правового регулирования Суд ЕАЭС и высшие судебные инстанции государств-членов могут дополнять друг друга, действуя комплементарно и совершенствуя таким образом правовое поле Союза. Следует также упомянуть о консультативной функции Суда ЕАЭС, востребованность которой будет только расти. Согласно Статуту, Суд Союза разъясняет нормы и положения права ЕАЭС, а также положения международных договоров Союза с третьей стороной, если это предусмотрено такими договорами, и выдает консультативное заключение. Пока заявления на получение консультативного заключения могут подавать либо государства — члены Союза (по вопросам, связанным с правом Союза), либо сотрудники и должностные лица органов Союза (по вопросам трудовых правоотношений)¹.

Важно и то, что обращения в Суд ЕАЭС хозяйствующих субъектов могут быть направлены как на оспаривание действий (бездействий) комиссии, так и на выявление соответствия решения ЕЭК праву ЕАЭС. Но вот заявления об обжаловании решения ЕЭК по делу о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках Суд ЕАЭС принимает к рассмотрению без предварительного обращения в ЕЭК для урегулирования вопроса в досудебном порядке, чем объясняется интерес органов в защите конкуренции между хозяйствующими субъектами соответственно.

Если в целом анализировать работу Суда, характеристику и частотность обращений, а также принятых решений, то можно выявить некие любопытные закономерности, которые складываются в процессе его деятельности. Так, в 2016 году судьей Суда Евразийского Экономического Союза, д.ю.н., профессором Татьяной Николаевной Нешатаевой был подготовлен доклад «Европейская конвенция и интеграция интеграций: роль

---

¹Карлюк М.В. Судебная система ЕАЭС: её ограничения и перспективы развития // Евразийские исследования URL: <http://eurasian-studies.org/archives/6009> (дата обращения: 30. 04.2019).

судов в преодолении фрагментации международного права»¹, в котором автор выявила целый ряд проблем в примени и реализации Права ЕАЭС среди которых ей описывалась так называемая «Фрагментация международного права»:

«... Сегодня на повестке дня иная проблема – фрагментация международного права, происходящая из-за разночтений единых международных норм различными международными судами и, как следствие, углубляющиеся расхождения в понимании этих норм в национальных судах.

1. Впервые феномен фрагментации был отмечен Уилфредом Дженксом (британским международником и председателем МОТ) более пятидесяти лет назад. По его мнению, в основе фрагментации лежат две причины:

(1) создание международных договоров в различных исторических функциональных и региональных условиях; (2) постоянное развитие права за счет судебной практики. Добавлю еще одну причину – недостаточное знание общего международного права практикующими юристами.

2. В отчете рабочей группы Комиссии по международному праву ООН на тему «Фрагментация международного права: трудности, вызванные диверсификацией и экспансией международного права» (2006 год) отмечено: все большую роль играет т.н. «функциональная дифференциация»

– парадокс глобализации, при котором большее единообразие социальной жизни приводит к росту фрагментации различных ее сфер, в том числе правовых институтов, областей юридической практики и, как следствие, к фрагментации права. Каждая сфера общественных отношений получает особое правовое оформление.

То, что когда-то зародилось как общее международное право, со временем стало пространством для выделения торгового права, прав человека, права окружающей среды, европейского права, морского права, инвестиционного права и пр. Причем каждая новая сфера общего международного права приобрела собственные принципы и институты, а затем началось своеобразное игнорирование общих принципов права в пользу специальных принципов. Между тем, в международном праве особо значима общая часть, создаваемая веками, и всеми признанная: так называемые свехимперативные нормы – *jus cogens*. Зачастую специальные нормы игнорируют *jus cogens*.

Происходит это за счет увеличения количества международных договоров. Усугубляет ситуацию положение, когда один и тот же вопрос оказался урегулирован несколькими международными договорами.

3. Следствием выделения отдельных сфер в общем международном праве либо регулирования одного и того же вопроса разными международными договорами стало создание специализированных судов и трибуналов, и уже их разнородная практика стала следующей причиной развития и распространения фрагментации. Эта проблема дополнилась и существованием международных судов и трибуналов в изоляции друг от

---

¹ Нешатаева Т.Н. «Европейская конвенция и интеграция интеграций: роль судов в преодолении фрагментации международного права» // Доклад судьи ЕАЭС. Минск: 2016.

друга, ее еще образно называют «клинической изоляцией». Результат – посягательство судов на юрисдикцию друг друга.

Первый показательный пример того, как один и тот же вопрос регулируется разными международными договорами, каждый из которых предусматривает свой орган по разрешению споров, – это т.н. дело MOX Plant. Трибунал, учрежденный на основе Конвенции ООН, признал Великобританию невиновной. Ирландия обратилась в Суд ЕС, который признал компетентным себя.

Вопрос радиоактивных выбросов британского завода, в разрешении которого была заинтересована Ирландия, оказался предметом регулирования трех международных договоров:

универсального – Конвенции ООН по морскому праву;

регионального – Конвенции по защите морской природной среды Северо-Восточной Атлантики;

регионального – права ЕС и Евроатома в сфере окружающей среды.

Возникло два взаимосвязанных вопроса:

это вопрос морского права или взаимоотношений в рамках ЕС?

какой суд или трибунал компетентен разрешить этот конфликт:

трибунал, созданный на основе Конвенции по морскому праву, или трибунал, созданный в соответствии с Конвенцией по защите морской природной среды Северо-Восточной Атлантики, или Суд ЕС?

В итоге по соглашению сторон были созданы трибуналы по обеим Конвенциям, а затем последовало обращение в Суд ЕС. Трибунал на основе Конвенции ООН по морскому праву признал у себя наличие компетенции, а при вынесении решения использовал только Конвенцию. Трибунал признал, что Великобритания не нарушает Конвенцию. Трибунал на основе Конвенции по защите морской природной среды Северо-Восточной Атлантики указал, что компетентным органом по разрешению морского спора может быть [постоянно действующий] Трибунал по морскому праву, Суд ООН или *ad hoc* трибунал. Одновременно с началом процедур в данном Трибунале Еврокомиссия в интересах Великобритании обратилась в Суд ЕС, указывая на то, что Ирландия нарушает правопорядок ЕС, требуя рассмотрения спора за пределами правопорядка ЕС, хотя проблемные вопросы – это сфера права ЕС. В Трибунале рассмотрение дела не было завершено. Суд ЕС посчитал, что поскольку ЕС ратифицировала Конвенцию ООН по морскому праву, Конвенция стала частью правопорядка ЕС. Кроме того, вопросы, поднятые в споре, урегулированы правом ЕС, что предоставляет юрисдикцию Суду ЕС. Суд прямо указал: «международное соглашение (такое как Конвенция ООН по морскому праву) не влияет на исключительную юрисдикцию Суда ЕС как органа, компетентного разрешать споры между государствами – членами ЕС, если разрешение таких споров одновременно связано с применением коммунитарного права». Считается, что дело MOX Plant было первым, в котором наглядно продемонстрированы потенциальные проблемы взаимодействия исключительной юрисдикции Суда ЕС и многообразия международных судов и трибуналов. Ясна и позиция Суда ЕС – последовательное отстаивание исключительности своей компетенции.

Вместе с тем Суд ЕС не располагает механизмом, который бы запретил государствам – членам ЕС обращаться в другие суды и трибуналы...»¹.

«...На основании санкций ООН в отношении бывшей Югославии, имплементированных в ЕС самостоятельной директивой, Ирландия конфисковала самолет государственной югославской авиакомпании, находящийся в лизинге у компании Bosphorus. Правомерность конфискации была предметом рассмотрения в Суде ЕС. Суд ЕС признал конфискацию законной. Тогда компания Bosphorus обратилась в ЕСПЧ, указывая на нарушение ее права собственности. ЕСПЧ не установил нарушение права собственности. ЕСПЧ также указал, что уровень правовой защиты, представленный ЕКПЧ, отличен от того, что действует в рамках ЕС. Далее ЕСПЧ констатировал: «до тех пор пока уровень защиты основных прав и свобод в рамках ЕС не является очевидно недостаточным, ЕСПЧ не намерен осуществлять свою юрисдикцию». Критики решения ЕСПЧ по делу Bosphorus указывают на недостаточную конкретику понятия «до тех пор пока уровень защиты основных прав и свобод в рамках ЕС не является очевидно недостаточным». Возражая им, следует заметить, что продемонстрированный ЕСПЧ подход, напротив, позволяет довольно тонко и применительно к обстоятельствам конкретного дела разрешать чувствительные вопросы столкновения права ЕС и ЕКПЧ, чего, к сожалению, нельзя сказать о Консультативном заключении Суда ЕС 2014 года на проект соглашения о присоединении ЕС к ЕКПЧ, которое показало, что фрагментация продолжает существовать.

Пришло время создавать механизмы преодоления фрагментации, возникающей из-за решений международных судов.

Фрагментация в актах ЕСПЧ и Комитета ООН по правам человека возникла в деле *Achabal*. Заявление было признано неприемлемым в единоличном решении Суда, а затем признано приемлемым и принято к рассмотрению Комитетом ООН по правам человека. Причем в акте последнего была отмечена неудовлетворительная мотивировка акта ЕСПЧ. Не раскрывая сути этих дел, а лишь называя эти примеры, пытаюсь показать опасность таких разночтений, ибо снижается авторитет судов и подрывается единство мирового правопорядка, который, как известно, не имеет механизмов взаимодействия международных судов. Например, в ЕС – два суда: Суд справедливости (г. Люксембург) и ЕСПЧ (г. Страсбург), и отсюда возникает вопрос об интеграции интеграций»².

На основании вышесказанного нетрудно представить себе, как много правовых пробелов только предстоит ликвидировать не только в рамках деятельности ЕАЭС.

Таким образом, можно заключить, что роль Суда ЕАЭС в формировании и дальнейшей выработке наднационального права весьма значительна и перспективна в будущем благодаря автономности его полномочий по отношению к иным органам ЕАЭС.

---

¹ Нешатаева Т.Н. Указ. соч.

² Там же.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Капустин М.В. Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс // Журнал российского права. 2015. № 11.
2. Карлюк М.В. Судебная система ЕАЭС: её ограничения и перспективы развития // Евразийские исследования URL: <http://eurasian-studies.org/archives/6009> (дата обращения: 30. 04.2019).
3. Нешатаева Т.Н. Европейская конвенция и интеграция интеграций: роль судов в преодолении фрагментации международного права. Доклад судьи ЕАЭС. Минск: 2016.
4. C. Wilfred Jenks. The conflict of law-making treaties, BYBIL vol.30, (1953). P. 403.

ПРАВОПОРЯДОК В РОССИИ И РОЛЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ

Дарья Владимировна Булгакова

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

На протяжении нескольких десятилетий борьба с коррупцией является наиболее острой и актуальной проблемой России. В 90-х годах экономические реформы привели к экономическому кризису, который повлиял на идеологию и общественные ценности граждан. Успехи человека стали измеряться наличием материальных благ, где нравственная составляющая их приобретения не являлась первостепенной, это дало толчок к развитию такого общественно опасного явления как «коррупция», которая проявилась во всех слоях общества.

Она все больше набирает обороты и укореняется во властных органах, приобретая угрожающий характер для национальной безопасности нашего государства. Коррупция дестабилизирует институты общества, чем подрывает отношение законопослушных граждан к властным органам и государственному управлению.

Несмотря на то, что с каждым годом законодатель разрабатывает новые законопроекты либо актуализирует действующие нормативные правовые акты, основной целью которых является профилактика, борьба, минимизация и ликвидация коррупционных правонарушений, она (коррупция) продолжает активно существовать. Проблемой российского законодательства в борьбе с коррупционными преступлениями является наличие противоречий и коллизий, к ряду нормативных правовых актов сложно применить общие принципы правового регулирования, слабая развитость законодательства в субъектах РФ, это проявляется в дублировании норм федеральных законов, а не в его усовершенствовании. Вместе с тем, требуется развитие инновационных технологий, позволяющих прогнозировать, планировать и регулировать коррупционные риски, повысить содержание и специфика деятельности граждан, организаций, государственных и муниципальных органов, правоохранительных органов в большинстве случаев не соответствует действующему российскому законодательству.

Основной задачей современного государства является обеспечение правопорядка, как одного из условий эффективного развития современного цивилизованного общества. Правопорядок выступает системой общественных отношений, который достигается путем гарантирования реализации законов, а также соблюдения всеми субъектами права, должностными лицами и гражданами законодательства. А.В. Степанов, анализируя правопорядок, как юридический термин предлагает свою трактовку, а именно «состояние упорядоченности правом общественных отношений, при котором государством гарантируются реализация и защита субъективных прав, исполнение юридических обязанностей участников правоотношений, характеризующееся стабильностью, прочностью, динамизмом»¹.

Правопорядок в России активно подрывается коррупционными действиями со стороны коррупционеров – должностных лиц, которые наделены полномочиями распоряжаться различными ресурсами имущественного и неимущественного характера и стремятся получить личную выгоду. Сюда же относятся и лица, поощряющие противоправные действия с целью получить тот или иной интересующий ресурс, при этом заинтересованным лицом в получении ресурса могут выступать не только государственные и муниципальные служащие, но также участники уголовного дела, где фигурируют лица, работающие в правоохранительных органах, на которых возложена обязанность обеспечивать правопорядок в обществе и государстве. Из этого следует, что коррупция стала частью жизни граждан как один из результативных методов решения различного рода проблем, при этом подрывая доверие к лицу, наделенному должностным положением, и к нормам права, которые не только несовершенны, но и неэффективны.

Современный правопорядок нацелен на противостояние коррупции, но при этом, как отмечает Т.Я. Хабриева, «служит препятствием для противодействия ей»². Это объясняется тем, что правопорядком устанавливаются границы, в которых должны осуществляться правовые и иные гарантии прав различных субъектов: человека, организации, хозяйствующих субъектов, должностных лиц и т.д., что в последствии приводит к возникновению трудностей в работе правоохранительных органов, осуществляющих укрепление правопорядка и борьбу с коррупционными правонарушениями. И несмотря на то, что государственная политика направлена на усиление правопорядка путем обеспечения субъектов правоотношений гарантии их прав, в ряде случаев правоприменительные органы, в том числе и правоохранительные, сталкиваются с правовыми ограничениями и запретами, усложняющими процесс противодействия коррупции.

---

¹Степанов А.В. Правопорядок: понятие, анализ точек зрения. Миграционный правопорядок как один из видов правопорядка // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 4 (33). С. 186.

²Хабриева Т.Я. Коррупция и правопорядок в фокусе юридической доктрины // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 4 (59). С. 5.

Как ранее отмечалось, борьба с коррупцией является одним из приоритетных векторов внутренней политики Российской Федерации, направленной на укрепление правопорядка в стране. Противодействие коррупции осуществляется государством путем актуализации законодательства, укрепления законности, трансформации структуры органов исполнительной власти с распределением между ними полномочий, изменением идеологического восприятия граждан к праву.

Несмотря на активную борьбу государства и институтов гражданского общества с коррупцией, она приобрела системный характер, даже укрепление законности и правопорядка не всегда дает действенные результаты, к сожалению, она влияет на статус государства, а именно правовой, ведь государство может называться правовым при условии, что в нем прочная законность. Правопорядок в современном государстве не должен формироваться исходя из материальных потребностей должностных лиц, наделенных властью, их корыстных желаний и амбиций, порождающих регулярную потребность в незаконном обогащении.

Только формирование в обществе антикоррупционного правового сознания и увеличение числа юридически грамотных граждан позволит достичь положительных результатов в борьбе с коррупцией и тем самым укрепить состояние правопорядка.

Особая роль в пресечении, борьбе и ликвидации противоправного явления - коррупции, отведена правоохранительным органам, поскольку являясь государственными органами, они наделены правоохранительными задачами и функциями, среди которых можно выделить: мониторинг и анализ исполнения законодательства о противодействии коррупции; выявление коррупционных проявлений в деятельности различных государственных органов и органов местного самоуправления и проведение по ним соответствующих проверок; возбуждение административных, гражданских и уголовных дел по фактам коррупционных правонарушений и т.д.

Ежегодно Генеральный прокурор Российской Федерации выступает с докладом в Совете Федерации, освещая ключевые направления организованной деятельности по противодействию с коррупцией. Он отметил, что в 2018 году «увеличилось число выявленных деяний, причинивших существенный материальный ущерб. Причем его размер вырос на 66% по сравнению с предыдущим годом (с 39,6 до 65,7 млрд руб.)»¹. Также на основании докладов Ю. Чайки за 2017, 2018 годы, представленных на заседании Совета Федерации Федерального Собрания РФ, составлена Таблица 1, где показано снижение нарушений антикоррупционного законодательства и преступлений коррупционной направленности, но увеличилось количество уволенных в связи с утратой доверия за грубые нарушения антикоррупционных требований.

---

¹ Доклад Генерального прокурора РФ Юрия Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания РФ [Электронный ресурс] // Новости прокуратуры РФ <https://procrf.ru/news/734623-doklad-generalnogo-prokurora-rf.html> (дата обращения: 21.04.2019).

Таблица 1

Нарушения и преступления	Год	
	2017	2018
Нарушения антикоррупционного законодательства	Прокурорами выявлено свыше 245 тыс.	Прокурорами выявлено 231 тыс.
За грубые нарушения антикоррупционных требований в связи с утратой доверия уволены	1 тыс. 250 должностных лиц.	1,3 тыс. должностных лиц.
Количество преступлений коррупционной направленности	30, 5 тыс. преступлений	30 тыс. преступлений

Согласно portalу правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ наблюдается рост экономических преступлений и преступлений, предусмотренных статьей 290 УК РФ (Получение взятки) в 2018 году по сравнению с 2017 годом.

Рис. Показатели преступности России¹

При этом количество коррупционных преступлений в начале 2019 года продолжает расти, так в марте официальный представитель Генпрокуратуры Александр Куренной заявил, что «в январе-феврале 2019 года количество преступлений коррупционной направленности в России выросло на 8% по сравнению с аналогичным периодом 2018 года. «Получение взятки — почти на 30% увеличение, дача взятки — 37,3%, сократилось на 11,4% количество преступлений, которые квалифицируются как мелкое взяточничество»².

Таким образом, несмотря на активную борьбу правоохранительных органов с коррупцией, количество преступлений коррупционного харак-

¹ Показатели преступности России [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики - URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 23.04.2019).

² Чайка оценил ущерб от коррупционных преступлений в 2018 году [Электронный ресурс] // РБК - URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5cac34c89a79472500259cdf> (дата обращения: 20.04.2019).

тера практически не сокращается и даже растет, что подтверждает доклад Генерального прокурора РФ и правовая статистика Генеральной прокуратуры РФ. При этом сложно выявить основные причины неэффективности мер борьбы с коррупцией, предпринимаемых правоохранительными органами. Снижение коррупции можно достичь путем взаимодействия всех структур правоохранительных органов и функционирования согласно действующему законодательству.

Необходимо обозначить несколько предложений по эффективной борьбе с коррупцией в дополнение к имеющимся.

Во-первых, привлечение молодежи к участию в борьбе с коррупцией с использованием современных информационных технологий (социальных сетей, интернет-каналов, мобильных приложений, видео-блогов и т.д.). Также в образовательных учреждениях среднего специального и высшего образования следует проводить сотрудниками правоохранительных органов интерактивные игры, направленные на воспитание нетерпимости к коррупционным проявлениям.

Во-вторых, нужно проводить правоохранительным органам профилактические беседы с гражданами, например, о совершении коррупционных действий отдельными лицами.

В-третьих, сделать приоритетным практическое противодействие коррупции, нежели теоретическое, поскольку при большом разнообразии теоретических пособий и нормативных правовых актов этого недостаточно для противодействия коррупции.

В-четвертых, увеличить применение инновационных методов борьбы с коррупцией правоохранительными органами, как отмечает Д.С. Науменко, «Общезвестный факт, что с развитием прогресса появляется огромное количество новых видов махинаций и ухищрений, которые позволяют так или иначе преступать закон, либо вообще не могут быть обнаружены без наличия определённой информации у правоохранительных органов, антикоррупционных подразделений в организациях. Таким образом, должностные лица могут обращаться к специалистам различных областей (психология, социология, программирование, биржевая торговля), перечень которых не ограничен, чтобы консультироваться по интересующим их вопросам»¹.

В заключение хотелось бы отметить, что теоретическое понимание правопорядка претерпевает ряд деформаций при практическом его применении, причины могут крыться в низкой правовой и культурной грамотности населения, имеет значение и профессиональная среда, в которой уровень отторжения взяточничества в среде лиц, занимающих руководящие государственные и муниципальные должности, невелик. Коррупция подрывает правопорядок в стране, дестабилизируя различные сферы жизни гражданина. Даже активная борьба правоохранительных органов с этим недугом не дает максимально положительных результатов и, как ранее уже отмечалось, борьба с коррупцией должна быть направлена в первую оче-

---

¹Науменко Д.С. Коррупция в Российской Федерации и роль прокуратуры в борьбе с ней // Ростовский научный журнал. 2018. № 1. С. 153.

редь не на ликвидацию последствий, а на предотвращение их наступлений. Наиболее действенным способом для достижения поставленной цели будет воспитание молодого поколения с формированием в них соответствующих нравственных качеств и правильной системы ценностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Доклад Генерального прокурора РФ Юрия Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания РФ [Электронный ресурс] // Новости прокуратуры РФ <https://procrf.ru/news/734623-doklad-generalnogo-prokurora-rf.html> (дата обращения: 21.04.2019).
2. Науменко Д.С. Коррупция в Российской Федерации и роль прокуратуры в борьбе с ней // Ростовский научный журнал. 2018. № 1. С. 145-156.
3. Показатели преступности России [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики - URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 23.04.2019).
4. Степанов А.В. Правопорядок: понятие, анализ точек зрения. Миграционный правопорядок как один из видов правопорядка // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 4 (33). С. 186-191.
5. Хабриева Т.Я. Коррупция и правопорядок в фокусе юридической доктрины // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 4 (59). С. 5-13.
6. Чайка оценил ущерб от коррупционных преступлений в 2018 году [Электронный ресурс] // РБК - URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5cac34c89a79472500259cdf> (дата обращения: 20.04.2019).

ПРАВОПОРЯДОК И ДИСКУРС В ТРУДАХ Ю. ХАБЕРМАСА

Валерия Константиновна Глебова

Воронежский Государственный Университет

Аннотация: в данной статье рассматривается понятие дискурса в социальной теории Юргена Хабермаса, базовые принципы дискурса и его роль в жизни общества. Также уделяется внимание правопорядку и дискурсивным практикам, характерным для правотворчества и оценки эффективности правового регулирования.

Ключевые слова: Юрген Хабермас, дискурс, консенсус, легальность, легитимность, правопорядок, теория дискурса, значимость, фактичность, правовые нормы.

LAW AND ORDER AND DISCOURSE IN THE WRITINGS OF JÜRGEN HABERMAS

Valeria K. Glebova

Voronezh State University

Abstract: this article examines the concepts of discourse in the framework of the social theory of Jürgen Habermas, its basic principles and role in society. Attention is also paid to the rule of law and the participation of discourse in the adoption of legal norms and the evaluation of their effectiveness.

Keywords: Jürgen Habermas, discourse, consensus, legality, legitimacy, law and order, theory of discourse, legal views of Jürgen Habermas, significance, factuality, legal norms.

Юрген Хабермас по праву является одним из наиболее видных и авторитетных деятелей науки современности. Он примеряет и с успехом адаптирует идеи неклассической рациональности к условиям современного, имеющего сложнейшую структуру мультикультурного общества. Это придает его взглядам еще большую научную ценность и порождает интерес к их подробному рассмотрению.

В первую очередь, мне хотелось бы остановиться на более детальном рассмотрении такого понятия как дискурс, основополагающего для работ Хабермаса начиная с 1980-х годов. Внимание к дискурсу и коммуникации сопровождало переход немецкого философа с неомарксистских позиций к более широким взглядам. Этот переход отразился и на его представлении о государстве и праве.

Дискурс рассматривается ученым преимущественно в рамках универсальной прагматики, где он приводит в систему все требования, предъявляемые в теории коммуникации к дискурсу (общественно-политическому, поскольку этот тип является, по Хабермасу, моделью для всех иных разновидностей). Большое внимание уделяется тому обстоятельству, что любой участник дискурса обязан быть компетентным в рамках обсуждаемого вопроса, иметь четкую позицию своих интересов и взглядов, которую он должен уметь аргументировано донести до остальных участников обсуждения, опираясь при этом только на объективную и актуальную информацию. Краеугольным камнем любого дискурса является равенство всех участников и гарантии их безопасности от психологического и морального воздействия или давления. Дискурс справедлив и свободен, он полностью базируется на информации и умении участников быть объективными, любое принуждение в рамках дискурса исключено¹. Свобода коммуникации предполагает и принцип консенсуальной истины, к которому следует прибегать в тех случаях, когда налицо несколько хорошо обоснованных позиций об одном и том же решении, а объективного критерия, чтобы предпочесть какое-либо одно мнение другому, не существует².

Ю. Хабермас в период работы над «Теорией коммуникативного действия» активно отказывается от монологизма как характеристики субъективной рациональности, как она сложилась благодаря работам И. Канта. В своих умозаключениях категорический императив, предложенный И. Кантом, он повсюду меняет на рациональный консенсус. Таким образом, Ю. Хабермас старается вывести в качестве основного результата не только простой поиск истины, но и достижение взаимопонимания между участниками дискурса³. По мнению Ю. Хабермаса, дискурс являет собой

---

¹ Посконин В.В., Посконина О.В. Значимость понятия «дискурс» в модели делиберативной демократии // Вестн. Удм. ун-та. Сер. Правоведение. 2007. № 6. С. 42

² Беляев М.А. Эпистемологическая характеристика делиберативной демократии // Вестник Воронежского гос.ун-та. Серия Философия. 2015. № 2. С. 97.

³ Бусова Н.А. Модернизация, рациональность и право / Н.А. Бусова. - Харьков: Прометей-Пресс, 2004. С. 114-115

обширный диалог, освобожденный от любого давления извне, где господствующая роль принадлежит исключительно аргументации¹.

Некоторые придерживаются позиции, что достижение консенсуса возможно только в том случае, если есть прямое обобщение интересов всех участников, что является возможным далеко не во всех ситуациях². И именно поэтому многие ученые критикуют позицию Ю. Хабермаса относительно дискурса. Например, Б. Фливерберг говорит, что «Идеи Хабермаса разработаны как идеалы политики, но слабы в понимании реальных ее процессов. В реальной социально-политической жизни корысть и конфликт не уступят место некоему общинному идеалу Хабермаса. Более того, чем демократичнее общество, тем больше оно позволяет группам определять собственные способы жизни и легитимирует конфликт интересов между ними»³.

Однако я не считаю возможным полностью согласиться с этой критикой. В своем фундаментальном труде *Between Facts and Norms* («Фактичность и значимость» немецкий оригинал 1992 г., перевод 1996 г.), Ю. Хабермас детально разъясняет, что достигнутый в результате дискурса рациональный консенсус являет собой меру легитимности полученного решения, не оспаривая того, что консенсус может и не быть достигнут. В такой ситуации необходимо обратиться к компромиссу, который позволит принять наиболее подходящее решение⁴.

Далее мне хотелось бы уделить немного внимания тому, как понимается правопорядок в исследованиях Ю. Хабермаса. Важнейшим пунктом в вопросе принятия норм права ученый выделяет синтез легальности и легитимности принимаемых и применяемых правовых норм⁵. Ученый убежден, что радикальный императив, чаще всего не приносит искомого результата, так как подразумевает под собой не учет интересов максимально вовлеченной аудитории, но принуждение и давление. Легальность и легитимность иначе можно преподнести как фактичность и значимость правовых норм⁶, которые обеспечивают не только порядок посредством реализации, но и представляют собой результат «общей воли», которая отражает в себе интересубъективное понимание, наиболее важное в рамках современного мультикультурного общества.

Исходя из этого можно сформулировать следующий вывод: Ю. Хабермас предлагает рассматривать и использовать дискурс в качестве своеобразной проверки универсальности правовых норм. Следует понимать, что он не призывает игнорировать ценности, защищаемые правом и

---

¹ Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaates, Frankfurt a/M. 1992.

² Денисенко В.В. Легитимация права с позиции иррациональности в теории юридического постмодернизма // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Право. 2015. №1. С. 69-78.

³ Фливерберг Б. Хабермас и Фуко – теоретики гражданского общества // СоцИс. 2000. № 2. С. 130, 134.

⁴ Habermas J. *Between Facts and Norms*. Oxford: MIT Press. – 1998./ - p.282

⁵ Habermas J. Faktizität und Geltung. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1992. - s. 664.

⁶ Habermas J. Kultur und Kritik. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1973. – s. 369

законом, но выступает скорее за то, чтобы выработать некую модель «всеобщего закона», конечной целью которого выступит мирное существование и коммуникация различных социальных групп.

Таким образом, так или иначе, мы возвращаемся к понятию дискурса (в различных его проявлениях), как основной действующей силе достижения консенсуса или компромисса, способных обеспечить спокойное и эффективное существование общества.¹ Именно исходя из этого, я полагаю, что подробное изучение и попытки интеграции идеи дискурса Юргена Хабермаса в условиях современного мира могут принести положительные результаты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Беляев М.А. Эпистемологическая характеристика делиберативной демократии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Философия. 2015. № 2. С. 95 – 101.
2. Бусова Н.А. Модернизация, рациональность и право / Н.А. Бусова. - Харьков: Прометей-Пресс, 2004.
3. Денисенко В.В. Легитимация права с позиции иррациональности в теории юридического постмодернизма // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Право. 2015. №1. С.69-78.
4. Посконин В.В., Посконина О.В. Значимость понятия «дискурс» в модели делиберативной демократии // Вестн. Удм. ун-та. Сер. Экономика и право. 2007. № 6. С. 41 – 56.
5. Фливерберг Б. Хабермас и Фуко – теоретики гражданского общества // СоцИс. – 2000. - № 2. С. 127 – 136.
6. Habermas J. Between Facts and Norms. Oxford: MIT Press. – 1996.
7. Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaates, Frankfurt a.M., 1992.
8. Habermas J. Kultur und Kritik. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1973.
9. Habermas J. The theory of communicative action. London, 1984.

ПРОБЛЕМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ И ФОРМИРОВАНИЕ В РФ НЕОБХОДИМОГО УРОВНЯ ПРАВОПОРЯДКА

*Дарья Александровна Глебова
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

Вопрос о коррупции очень остро стоит на протяжении длительного периода российской истории. Все дело в том, что коррупция – это такое явление, которое негативно сказывается абсолютно на всех сферах общественной жизни, которая подрывает общественный порядок, наносит ущерб стабильности и безопасности жизни граждан и тормозит развитие общества.

С определенной периодичностью выходят указы Президента РФ о планах противодействия коррупции. Так, если судить по последнему указу Прези-

---

¹ Habermas J. The theory of communicative action. London, 1984. P. 397.

дента Российской Федерации от 29 июня 2018 года № 378 “О Национальном плане противодействия коррупции на 2018-2020 годы”¹ законодательные меры по борьбе с коррупцией не стоят на месте. Данный указ содержит полный перечень этих мер, которые должны улучшить эффективность деятельности в этой сфере. Основными задачами в этом плане ставятся: совершенствование системы запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции, обеспечение единообразного применения законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции в целях повышения эффективности механизмов, предотвращения и урегулирования конфликта интересов, совершенствование мер по противодействию коррупции в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд и в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц и др. Данный нормативный правовой акт содержит подробный план на ближайшие два года.

Стоит отметить, что Российская Федерация активно сотрудничает с группой Совета Европы по борьбе с коррупцией, понимая, что проблема стоит не только на государственном, но и на международном уровне. Наша страна почти полностью выполнила 10 рекомендаций Совета Европы. Также Россия присоединилась к соглашению Организации экономического сотрудничества и развития об обмене экономической информацией с налоговыми службами других стран.²

Как мы видим, законодательные меры по борьбе с коррупцией существуют, дополняются, что является неотъемлемым элементом любого развивающегося общества. С одной стороны, совокупность данных факторов создает видимость того, что с коррупцией активно борются. Но принятые меры нельзя назвать исчерпывающими, поскольку уровень коррупции в России продолжает оставаться высоким. Поэтому одних законодательных мер недостаточно, необходимо подключить к борьбе с коррупцией практически все институты гражданского общества и очень активно поощрять помощь в противодействии коррупции.

Для успешного преодоления коррупции, или как минимум, значительного снижения ее уровня нашему государству потребуются приложить огромное количество усилий по тем основным проблемам, которые возникают в этой сфере. На современном этапе можно выделить следующие трудности в борьбе с коррупцией в нашей стране.

Во-первых, недостаточная политическая инициатива государства, что ведет к несовершенству законодательства, которое имеет большое количество коллизий и пробелов, а это, в свою очередь, создает благоприятные условия для использования должностными лицами своих полномочий в корыстных целях.

Так, в Российской Федерации до сих пор не был утвержден 20 пункт Конвенции ООН против коррупции, который предполагает необходи-

---

¹ Указ Президента РФ от 29.06.2018 №378 “О Национальном плане противодействия коррупции на 2018-2020 годы” // СПС Консультант плюс.

² Коррупция стоит на месте. 131-м. // Московский комсомолец. 2017. 26 января.

мость введения в УК статьи о незаконном обогащении, который бы стал рассматривать случаи, при которых расходы чиновников значительно превышают их доходы, и пресекать их соответственно. Более того, не ведется проверок прокуратурой или СК по соблюдению требований к служебному поведению госслужащих, а также Указом Президента РФ от 1 июля 2008 год №821 госслужащий имеет право отказаться предоставлять сведения о доходах по “объективным причинам”.

Именно с такой непрозрачностью в деятельности государственных органов и нужно бороться, потому что она создает крайне благоприятную почву для распространения коррупции.

Во-вторых, в России так и не создан отдельный федеральный уполномоченный орган по борьбе с коррупцией, хотя это противоречит 36 статье Конвенции ООН против коррупции, которая рекомендует каждому государству иметь такой орган, который осуществлял бы антикоррупционную деятельность.

В-третьих, государство само в какой-то степени противодействует антикоррупционной политике. Это проявляется в том, что органы власти с большим нежеланием предоставляют информацию о своей деятельности, о бюджетном процессе.

Неподотчетность власти перед гражданами, перед людьми, которые и избрали эту власть, очень сильно подрывает ее авторитет и доверие к ней, а равно и создает условия для роста коррупции. Так, в качестве примера, можно привести расследования негосударственной организации по борьбе с коррупцией “Фонд Борьбы с Коррупцией”, на которые власть очень неоднозначно реагирует. В 2017 году ФБК был выпущен видеоролик под названием “Он вам не Димон”, в котором очень детально были расписаны якобы коррупционные махинации премьер-министра нашей страны – Дмитрия Анатольевича Медведева. Это видео вызвало большой резонанс в сети набрав миллионы просмотров, а также побудило десятки тысяч людей выйти на протестные акции на улицы своего города. Должной реакции властей на это не последовало – не сообщено ни о какой прокурорской проверки по фактам, изложенным в видеоролик, не было опровергающих фактов и от самого Д.А.Медведева. Он не предоставил никаких доказательств, а лишь назвал все факты в видео чушью. И таких прецедентов предостаточно. Поэтому пора бы уже и задуматься о введении большей подотчетности.

В-четвертых, низкая степень развития демократических политических институтов в стране, что ведет за собой низкую степень общественно-политических свобод. Слабый уровень демократии способствует увеличению коррупции, а коррупция, в свою очередь, ослабляет демократию.¹ Это ведет к низкой степени участия гражданского общества в помощи по противоборству с коррупцией, что обусловлено незащищенностью граждан и правовым нигилизмом, который в свою очередь и порожден недоверием к власти.

---

¹ Шедий М.В. Коррупция в современной России: проблемы противодействия // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. С. 244.

Перечень проблем, перечисленных мной, безусловно не является исчерпывающим и его можно продолжать очень долго, однако, на мой взгляд, именно на их преодолении государство должно сконцентрировать сильное внимание.

Для успешной борьбы с коррупцией, я считаю жизненно важным, перенимать опыт других стран. Так, по данным того же самого Transparency International лидирующие места занимают – Швеция (3/180), Сингапур (6/180) Нидерланды (8/180), Германия (11/180), США (20/180), Китай (30/180).¹

Швеция, входящая в число лидеров по отсутствию коррупции среди стран всего мира, обладает независимостью государственного аппарата, судебной системы, прозрачностью деятельности государственных органов. Это обусловлено высокой развитостью демократических институтов и гражданского общества, а также правильным и системным законодательством, и верховенством закона, который существует не только декларативно. Одним из преимуществ Швеции в антикоррупционном плане считается ее прозрачность: там нет деклараций о доходах, так как вся информация содержится в налоговой службе, и любой гражданин, при желании, может получить сведения об имуществе, доходах и расходах любого государственного служащего². Также, в Швеции особенно велика роль средств массовой информации, независимость которой сильно обеспечивается государством, что также способствует снижению уровня преступлений должностных лиц.

В Сингапуре же, стране, которая является также эталоном некоррупционности, существует, например, независимая организация по борьбе с коррупцией – Бюро по расследованию случаев коррупции.³ Сингапурская государственная служба основана на так называемом кодексе поведения, которые излагают высокие стандарты поведения чиновников, основанные на таких принципах как честность, неподкупность, прозрачность.

В США, в стране, где провозглашается, что соблюдение законов стоит на эталонном уровне, государственная служба традиционно рассматривается как сфера деятельности, в которой исключены различные финансовые интересы, а также злоупотребления властью. Теперь поговорим о мерах, принимаемых там: чиновники в Соединенных Штатах Америки не имеют возможность получать дополнительный доход сверх основной зарплаты, что позволяет легко контролировать разницу между их расходами и доходами. Очень большое внимание уделяется декларациям о доходах: декларируется абсолютно все, касающееся расходов и доходов за весь предыдущий год. Также, непосредственно важным считаю отметить, что США в плане антикоррупционного законодательства вышла на новый уровень, так как в 1977

---

¹ Corruption Perception Index 2018: Results [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2018/

² Купцова А.А., Рютлов Д.Ю. Зарубежный опыт противодействия коррупции // Интерактивная наука.2017. №12 (22). С.101.

³ Официальный сайт компании GAN [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ganintegrity.com/>

году был издан первый закон, выходящий за пределы национальной юрисдикции, посвященный коррупции – Foreign Corrupt Practices Act, который представлял собой определенный механизм правовой регуляции коррупционной деятельности, работающий по принципу криминализации взяточничества иностранных должностных лиц.¹

Безусловно ввиду особенностей исторического пути в сфере коррупции в нашей стране, мы не сможем абсолютно точно повторить опыт других стран и теми же мерами снизить уровень до их уровня, однако многие способы и применимы для нас. Так, для наиболее эффективного противодействия коррупции, исходя из опыта других стран, мы можем осуществить следующие меры: сделать работу чиновников более прозрачной и подотчетной, увеличить роль гражданского общества в помощи по противодействию коррупции, ужесточить наказания за всех коррупционные деяния, закладывать постепенно в общественное сознание нетерпимость к любым проявлениям коррупции, сделать более сильный акцент на гласности в средствах массовой информации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные правовые акты:

- 1) Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 23.04.2019 N 65-ФЗ).
- 2) Федеральный закон "О противодействии коррупции" от 25.12.2008 N 273-ФЗ.
- 3) Указ Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378 "О Национальном плане противодействия коррупции на 2018 - 2020 годы".
- 4) Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года.
- 5) Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Принята 15 ноября 2000 года.
- 6) Указ Президента от 18 мая 2009 г. №557 "Об утверждении перечня должностей федеральной государственной службы...".

Научная литература:

- 1) Пермяков М.В. История возникновения коррупции в Российской Федерации // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 4. С. 120-126.
- 2) Ковтун Г.С. Концептуализация продажности власти и должностных лиц в отечественной социологии // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 1(5). С. 40-45.
- 3) Финогентова О.Е. Понятие и ответственность за взятку по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845г. и Уголовному уложению 1903г. // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 9. С. 22-30.
- 4) Волженкин Б.В. Взятничество в истории советского уголовного законодательства (1918-1927 гг.) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1993. № 2. С. 59-67.
- 5) Касьянов В.С. Коррупция и борьба с ней в Советской России. // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2014. № 4. С. 12-20.

---

¹ The Foreign Corrupt Practices Act of 1977, PL-95-213. Dec 19, 1977.

6) Викленко С.В., Соколов А.Н. Противодействие коррупции: чему учит опыт истории // Философия Права. 2013. № 3. С. 81-90.

7) Шедий М.В. Коррупция в современной России: проблемы противодействия // Известия Тульского государственного университета, Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 242 - 251.

8) Коррупция стоит на месте. 131-м. // Московский комсомолец. 2017. 26 января.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЭКСПЕРТИЗА – МЕТОД ПРИНЯТИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ?

Анна Александровна Гончарова
Волгоградский государственный университет

«Демократия — плохая форма правления,
однако ничего лучшего человечество
не придумало»

У. Черчилль

Демократический политический режим предполагает, что источником власти является народ, а граждане участвуют в процессе принятия значимых решений. Право на участие в управлении делами государства является одним из основных политических прав граждан в Российской Федерации. В литературе данное право характеризуется как комплексное, многосоставное¹. Элементами системы участия граждан в управлении делами государства являются конкретные формы участия², под которыми понимаются совокупность внешне однородных действий, реализуемых на основе способов и средств, предусмотренных законодательством и направленных на реализацию конституционного права граждан на участие в управлении делами государства³. При этом различные формы участия предполагают свой способ воздействия на процесс принятия решений, а результаты их реализации имеют неодинаковую юридическую силу.

М.А. Липчанская называет независимую общественную экспертизу проектов нормативных правовых актов формой участия граждан в управлении делами государства, а также указывает на перспективность

---

¹ Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. Учебник для ВУЗов / Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин // 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Юристъ, 2003. - 585 с.; Зайцев М.С. Конституционное право граждан РФ на участие в управлении делами государства: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград. Академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, 2014. - 244 с.; Щеголева Н.А. Право на участие в управлении делами государства: понятие и ограничения // Среднерусский вестник общественных наук. - 2011. - № 3. - С. 114 -116.

² Липчанская М.А. Участие граждан Российской Федерации в управлении делами государства: конституционно-правовое исследование. Дисс. ... докт. юрид. наук. - Саратов, 2012. - С. 79.

³ Волкова М.А. Политические партии как конституционно-правовой институт реализации права граждан Российской Федерации на участие в управлении делами государства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. - С. 10-11.

использования такой формы участия как общественная экспертиза деятельности государственных и муниципальных органов¹.

В.Е. Гулиев предлагает разделение форм политического участия по степени обязательности для государства решений субъектов участия на три группы:

- консультативное (обсуждение проектов, внесение предложений);
- сорешающее (совместные решения государственных органов и общественных организаций);
- решающее (референдум, выборы)².

Заключение общественной экспертизы не имеет решающего, императивного значения для органов власти, юридическая сила данного заключения по-разному описывается законодателем в отношении различных видов общественных экспертиз.

В соответствии с Федеральным законом «Об экологической экспертизе», заключение общественной экологической экспертизы направляется федеральному органу исполнительной власти в области экологической экспертизы или органу государственной власти субъекта Российской Федерации, осуществляющему государственную экологическую экспертизу, заказчику документации, подлежащей общественной экологической экспертизе, органам, принимающим решение о реализации объектов экологической экспертизы, органам местного самоуправления и может передаваться другим заинтересованным лицам. Юридическую силу заключение общественной экологической экспертизы приобретает после утверждения его федеральным органом исполнительной власти в области экологической экспертизы или органом государственной власти субъекта Российской Федерации.

Согласно Федеральному закону «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» заключение по результатам независимой антикоррупционной экспертизы носит рекомендательный характер и подлежит обязательному рассмотрению органом, организацией или должностным лицом, которым оно направлено, в тридцатидневный срок со дня его получения. По результатам рассмотрения гражданину или организации, проводившим независимую экспертизу, направляется мотивированный ответ, за исключением случаев, когда в заключении отсутствует предложение о способе устранения выявленных коррупциогенных факторов.

Статья 26 Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» содержит положение о результатах общественного контроля, которые также не имеют решающего характера: органы государственной власти, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные организации, иные органы и организации, осуществляющие в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, обязаны рассматривать направленные им итоговые документы, под-

---

¹ Липчанская М.А. Там же. С.470.

² Гулиев В.Е. Теоретические вопросы социалистического самоуправления // Советское государство и право. 1986. № 2. С. 10.

готовленные по результатам общественного контроля, и в установленный законодательством Российской Федерации срок направлять соответствующим субъектам общественного контроля обоснованные ответы.

На региональном уровне общественная экспертиза также имеет рекомендательный характер:

В соответствии со статьей 22 Закона Пермского края 13 января 2009 года N 381-ПК «Об общественной палате Пермского края» заключения Общественной палаты по результатам общественной экспертизы проектов законов Пермского края, проектов нормативных правовых актов органов исполнительной власти Пермского края, проектов правовых актов органов местного самоуправления носят рекомендательный характер и направляются соответственно в Законодательное Собрание Пермского края, губернатору Пермского края, в органы местного самоуправления¹.

Как правило, в законодательстве фиксируется обязанность органов власти рассмотреть заключение общественной экспертизы. В соответствии с пунктом 8 Постановления Правительства Воронежской обл. от 29.10.2010 N 916 «Об утверждении Порядка разработки и утверждения административных регламентов по предоставлению государственных услуг исполнительными органами государственной власти Воронежской области», по результатам независимой экспертизы составляется заключение, которое направляется в орган, являющийся разработчиком административного регламента. Орган, являющийся разработчиком административного регламента, должен рассмотреть все поступившие заключения независимой экспертизы и принять решение по результатам каждой такой экспертизы².

На муниципальном уровне правовое регулирование общественной экспертизы в отношении рассматриваемого вопроса не сильно отличается от федерального и регионального. В соответствии со ст. 19 Положения об Общественной палате городского округа город Воронеж, утвержденного решением Воронежской областной Думы от 22.10.2008 г. № 351-II «Об утверждении Положения об Общественной палате городского округа город Воронеж», заключения Общественной палаты по результатам общественной экспертизы проектов нормативных правовых актов органов местного самоуправления подлежат обязательному рассмотрению соответствующими органами местного самоуправления³. Обращает на себя внимание тот факт, что отсутствует обязанность компетентного органа

---

¹ Закон Пермского края от 13.01.2009 N 381-ПК «Об Общественной палате Пермского края» (принят ЗС ПК 18.12.2008) // Собрание законодательства Пермского края». N 2. II часть. 25.02.2009.

² Постановление Правительства Воронежской обл. от 29.10.2010 N 916 (ред. от 28.03.2018) «Об утверждении Порядка разработки и утверждения административных регламентов по предоставлению государственных услуг исполнительными органами государственной власти Воронежской области» // Собрание законодательства Воронежской области, 08.12.2010, N 11, ст. 700.

³ Решение Воронежской городской Думы от 22.10.2008 № 351-II «Об утверждении Положения об Общественной палате городского округа город Воронеж» // Воронежский курьер. N 124. 01.11.2008.

предоставить мотивированный ответ по результатам рассмотрения заключения общественной экспертизы.

Если вопрос о придании заключению юридической силы решается органами власти, можно ли говорить вообще о том, что заключение по результатам общественной экспертизы имеет юридическую силу? Если да, то в чем она заключается?

В.Т. Кабышев в конституционном механизме власти народа различает два вида институтов:

1) Институты осуществления власти (выборы, референдум). Они носят императивный характер и не нуждаются в санкции государственной власти.

2) Институты участия во власти (митинги, демонстрации, обсуждения, обращения граждан). Эти институты носят консультативный характер. При этом «независимо от юридической природы различных институтов прямого волеизъявления, их влияние на механизм принятия государственных решений всегда велико, ибо в них находит выражение воля народа. Игнорирование данных институтов есть признак имитационной системы, замкнутой лишь на саму себя»¹.

Общественная экспертиза относится к консультативным демократическим институтам. И.В. Иванов, отмечая, что вопрос о юридической силе характеризует одну из проблем исследования консультативных институтов непосредственной демократии в России и мире, ставит вопрос о применении термина «юридическая сила» в отношении имеющих рекомендательный характер форм общественного участия². Д.И. Здунова предлагает следующее определение: «под юридической силой нормативно-правового акта следует понимать обязательность любого нормативного акта, либо имеющего приоритет перед другими актами, либо самому подчиняющегося иным нормативно-правовым актам»³. Учитывая, что заключение по результатам общественной экспертизы не обладает признаком обязательности и приоритетности, говорить о его юридической силе действительно не совсем правильно. Представляется более уместным термин «юридическое значение». «ГОСТ Р 7.0.8-2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» предлагает следующие определения: «юридическая значимость документа - свойство документа выступать в качестве подтверждения деловой деятельности либо событий личного харак-

---

¹ Кабышев В.Т. Народовластие в системе конституционного строя России: конституционно-политическое измерение // Вестник СГЮА. 2012. Дополнительный выпуск. №85. С. 43.

² Иванов И.В. Общественное обсуждение как конституционно-правовой институт в Российской Федерации // Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Российский государственный университет правосудия, 2016. - С. 140-144.

³ Здунова Д.И. К вопросу о сущности юридической силы нормативно-правовых актов // ВЭПС. 2016. №4. С. 155.

тера»; «юридическая сила документа - свойство официального документа вызывать правовые последствия»¹. Если перенести данные термины из области гражданского права в сферу конституционно-правовых отношений, также напрашивается вывод, что юридической силой как свойством вызывать правовые последствия общественная экспертиза не обладает.

Юридическое значение демократического института общественной экспертизы состоит в том, что, во-первых, содержащиеся в экспертном заключении выводы сформулированы представителями гражданского общества и в конечном счете представляют собой выражение идей народа, а во-вторых, учитывая специфику, принципы, цели и задачи общественной экспертизы, в частности тот факт, что общественная экспертиза является компетентным участием граждан в управлении делами государства, объективное и обоснованное экспертное заключение должно представлять особую ценность для субъектов, принимающих властные решения.

Автор настоящей статьи не является сторонником придания обязательного характера результатам общественной экспертизы, рекомендательное их значение согласуется с правовой природой данной формы участия граждан в управлении делами государства. Последствия проведения общественной экспертизы и ее высокое юридическое и политическое значение обеспечиваются следующими законодательно закрепленными гарантиями, которые реализуются на разных стадиях проведения общественной экспертизы:

1. Право направлять запрос о предоставлении документов и материалов, необходимых для проведения экспертизы. В соответствии со статьей 18 Федерального закона «Об Общественной палате Российской Федерации» Общественная палата по рекомендации рабочей группы может направить в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления запрос о предоставлении документов и материалов, необходимых для проведения экспертизы. Согласно статье 22 Федерального закона «Об экологической экспертизе», общественные организации (объединения), осуществляющие общественную экологическую экспертизу в установленном настоящим Федеральным законом порядке, имеют право получать от заказчика документацию, подлежащую экологической экспертизе.

2. Право направлять своих представителей для участия в работе соответствующих органов, которые рассматривают проекты нормативных правовых актов, являющиеся объектом экспертизы. В соответствии со статьей 18 Федерального закона «Об Общественной палате Российской Федерации» Общественная палата по предложению рабочей группы вправе направить

---

¹ ГОСТ Р 7.0.8-2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения (утв. Приказом Росстандарта от 17.10.2013 N 1185-ст) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

членов Общественной палаты для участия в работе комитетов и комиссий Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации при рассмотрении законопроектов, являющихся объектом экспертизы, а также Правительства Российской Федерации, коллегий федеральных органов исполнительной власти, на которых рассматриваются проекты нормативных правовых актов, являющиеся объектом экспертизы.

Первые две гарантии реализуются в процессе проведения общественной экспертизы и обеспечивают общественных экспертов тем объемом информации, который необходим для объективных и достоверных выводов, отражаемых в экспертном заключении.

3. Гарантия обязательного рассмотрения подготовленного по результатам общественной экспертизы заключения. При характеристике общественной экспертизы законодатель всегда обязует уполномоченный орган рассматривать заключение общественной экспертизы. В соответствии со статьей 26 Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» органы государственной власти, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные организации, иные органы и организации, осуществляющие в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, обязаны рассматривать направленные им итоговые документы, подготовленные по результатам общественного контроля, и в установленный законодательством Российской Федерации срок направлять соответствующим субъектам общественного контроля обоснованные ответы. Представляется, что закрепление обязательности рассмотрения экспертного заключения недостаточно. По нашему мнению, необходимо установить обязанность уполномоченных органов принимать решение с учетом результатов общественной экспертизы. Такое положение не придает императивного значения институту общественной экспертизы, но подчеркивает важный аспект: даже если решение принимается вопреки содержащимся в экспертном заключении выводам, уполномоченный орган должен учитывать мнение общественности, по возможности искать консенсус, а также в дальнейшем при принятии и реализации властных решений считаться с выводами, содержащимися в заключении по результатам общественной экспертизы.

4. Предоставление обратной связи гражданам и организациям, которые проводили общественную экспертизу, является важным этапом, предполагающим коммуникацию между гражданским обществом и властью. Однако этот этап, к сожалению, не всегда законодательно закреплен как обязательный. Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» устанавливает, что орган, организация или должностное лицо, получившие заключение по результатам независимой антикоррупционной экспертизы, после его рассмотрения направляют мотивированный ответ гражданину или организации, проводившим независимую экспертизу. Аналогичное правило сформулировано в Федеральном законе «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», в соответ-

ствии с которым субъекты, рассматривающие заключение по результатам общественной экспертизы (и иные итоговые документы общественного контроля) в установленный законодательством Российской Федерации срок должны направлять соответствующим субъектам общественного контроля обоснованные ответы. В то же время в Федеральном законе «Об экологической экспертизе» не сказано ничего о необходимости мотивировать отказ федерального органа исполнительной власти в области экологической экспертизы или органа государственной власти субъекта Российской Федерации в утверждении заключения общественной экологической экспертизы, тогда как такой отказ влечет за собой отсутствие у заключения юридической силы. Представляется, что мотивированный и обоснованный ответ на экспертные заключения в обязательном порядке должен направляться гражданам и организациям, которые общественную экспертизу производили. Мотивированный ответ при этом выполняет две важные функции. С одной стороны, подготовка мотивированного ответа гарантирует детальное изучение уполномоченными органами заключения по результатам общественной экспертизы. С другой стороны, получение мотивированного ответа создает у субъектов общественного контроля уверенность в том, что итоги их работы по производству экспертизы нашли отклик у органов, уполномоченных принимать властные решения, а обоснование даст понимание причин, по которым итоги общественной экспертизы не могут быть реализованы на практике и найти отражение, например, в принимаемом нормативном правовом акте.

5. Публичность общественной экспертизы и обнародование ее результатов – еще одна важная гарантия, которая достигается благодаря положениям законодательства об опубликовании в средствах массовой информации и в интернете заключения по результатам общественной экспертизы. При этом в соответствии с пунктом 4 статьи 23 Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» задача обнародования информации о результатах общественного контроля возлагается на субъектов общественного контроля. Представляется, что орган власти, который принимает решение по результатам общественной экспертизы, также должен принимать меры к тому, чтобы придать публичность и обнародовать итоги общественной экспертизы, в том числе на своем сайте в сети «Интернет». Кроме того, по нашему мнению, обнародовать необходимо не только заключение по результатам общественной экспертизы, но и мотивированный ответ, предоставленный на указанное заключение. Только в таком случае мы сможем говорить об открытости общественной экспертизы как формы общественного контроля.

6. Главной гарантией юридического значения общественной экспертизы является демократическая модель организации власти. При отсутствии этой основополагающей гарантии все вышеперечисленные гарантии потеряют смысл, будут соблюдаться формально и не смогут обеспечить учет общественного мнения при реализации любой формы участия граждан в управлении делами государства, и общественной экспертизы в том числе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. N 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 11 апреля 2005 г. N 15 ст. 1277.
2. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. N 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Российская газета. 23.07.2014.
3. Федеральный закон от 23.11.1995 N 174-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «Об экологической экспертизе» // Собрание законодательства РФ. 1995. N 48, ст. 4556.
4. Федеральный закон от 17 июля 2009 г. N 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Российская газета от 22 июля 2009 г. N 133.
5. Закон Пермского края от 13.01.2009 N 381-ПК «Об Общественной палате Пермского края» (принят ЗС ПК 18.12.2008) // Собрание законодательства Пермского края. N 2. II часть. 25.02.2009.
6. Постановление Правительства Воронежской обл. от 29.10.2010 N 916 (ред. от 28.03.2018) «Об утверждении Порядка разработки и утверждения административных регламентов по предоставлению государственных услуг исполнительными органами государственной власти Воронежской области» // Собрание законодательства Воронежской области, 08.12.2010, N 11, ст. 700.
7. Решение Воронежской городской Думы от 22.10.2008 № 351-II «Об утверждении Положения об Общественной палате городского округа город Воронеж» // Воронежский курьер. N 124. 01.11.2008.
8. ГОСТ Р 7.0.8-2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения (утв. Приказом Росстандарта от 17.10.2013 N 1185-ст) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Кабышев В.Т. Народовластие в системе конституционного строя России: конституционно-политическое измерение // Вестник СГЮА. 2012. Дополнительный выпуск. №85. С. 39-45.
10. Иванов И.В. Общественное обсуждение как конституционно-правовой институт в Российской Федерации // Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Российский государственный университет правосудия, 2016. – 235 с.
11. Здунова Д.И. К вопросу о сущности юридической силы нормативно-правовых актов // ВЭПС. 2016. №4. С. 155-157.
12. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. Учебник для ВУЗов / Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин // 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Юристъ, 2003. - 585 с.
13. Зайцев М.С. Конституционное право граждан РФ на участие в управлении делами государства: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград. Академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, 2014. – 244 с.
14. Щеголева Н.А. Право на участие в управлении делами государства: понятие и ограничения // Среднерусский вестник общественных наук – 2011. - № 3. - С. 114 -116.
15. Липчанская М.А. Участие граждан Российской Федерации в управлении делами государства: конституционно-правовое исследование. Дисс. ... докт. юрид. наук. – Саратов, 2012. – 474 с.
16. Волкова М.А. Политические партии как конституционно-правовой институт реализации права граждан Российской Федерации на участие в управлении делами государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. – 27 с.
17. Гулиев В.Е. Теоретические вопросы социалистического самоуправления // Советское государство и право. 1986. № 2. С. 3-11.

ПРАВОПОРЯДОК КАК ЭЛЕМЕНТ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Ангелина Александровна Донских
Воронежский государственный университет

Правопорядок – это составная динамическая часть общественного порядка в государстве, благодаря которой поддерживается равновесие между интересами гражданского общества и государства, создается необходимая безопасность, то есть такое упорядоченное состояние, когда можно предвидеть решения юридических ситуаций и рассчитывать на гарантированное осуществление прав. Правопорядок определяется уровнем профессиональной правовой культуры, качеством правовой деятельности – законотворческой (закладывается в правовых нормах, проявляется в эффективности функционирования законов) и правоприменительной (устанавливается в результате реализации правовых норм, в своевременном выявлении и пресечении любого их нарушения)¹.

В настоящее время в период бурного политического и социально-экономического развития российского государства, основным элементом его реформ является совершенствование государственного аппарата как эффективного инструмента достижения задач, стоящих перед страной. Четкое определение функций государственных органов, их соответствующее распределение между государственными институтами, совершенствование форм и методов подготовки реализации принимаемых решений являются необходимым условием осуществления правоприменительной деятельности и обеспечения правопорядка. Эффективное правовое регулирование способствует упрочению правопорядка.

Традиционный подход к рассмотрению вопроса об эффективности правового регулирования той или иной сферы жизнедеятельности общества сопряжен с исследованием целей и задач осуществляемого государства с помощью правовых средств воздействия на общественные отношения, с оценкой полученного в результате такого воздействия состояния общественной жизни, с измерением потенциала средств, применяемых для достижения желаемых целей правового регулирования².

Говоря о важности данной проблемы необходимо отметить то, что существует огромное количество факторов, влияющих на правопорядок, а также на применение права, его толкование (от распространения медиации до заимствования зарубежного опыта) – здесь, какие бы ответы наука ни давала, по истечении уже небольшого количества времени они должны быть пересмотрены, причем не единожды. Следовательно, этот

---

¹ Скакун О.Ф. Правовая система, национальный правопорядок, мировой правопорядок: теоретико-правовой анализ их взаимосвязи. М., 2017. С.5.

² См., например: Пашков А. С. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления // Советское государство и право. 1965. No 8. С. 3; Кудрявцев В. Н., Никитинский В. И., Самощенко И. С., Глазырин В. В. Эффективность правовых норм. М., 1980. С. 22; Лейст О. Э. Сущность права. М., 2002. С. 93.

факт дает мне право утверждать, что в актуальности выбранной мной темы нет никаких сомнений.

При изучении данной проблемы кроме вопроса о том, что такое правопорядок, возникает иной, не менее насущный вопрос про правопорядок как элемент правового регулирования. Ответ на него и будет освещен в данной научно-исследовательской работе.

Можно с уверенностью констатировать тот факт, что любая правовая норма создается и принимается законодателем для достижения социально полезного результата. В силу различных причин эта цель может быть как достигнута полностью, так и лишь отчасти, а в некоторых случаях и вообще возможно установление совершенно негативного результата. Этот факт и порождает проблему определения эффективности правовых норм и предупреждения возможных негативных последствий их реализации.

В юридической литературе преобладает мнение о том, что эффективность правовой нормы определяется соотношением между фактическим результатом ее действия и той социальной целью, для достижения которой эта норма была принята¹.

Как же обеспечить правопорядок и эффективность реализации правовых норм в том или ином обществе? Как писал знаменитый французский философ Жак-Жак Руссо, «Подобно архитектору, который, прежде чем воздвигнуть большое здание, обследует и изучает почву, чтобы узнать, сможет ли она выдержать его тяжесть, мудрый законодатель не начинает с сочинения законов, самых благих самих по себе, но испытает предварительно, способен ли народ, которому он их предназначает, их выдержать»². Из этого изречения можно сделать однозначный вывод: эффективная реализация правовых норм возможна лишь при условии их соответствия требованиям нравственности и закономерностям развития национально ориентированных регулируемых отношений³.

Прежде чем начинать освещать относительно новую, но тем не менее актуальную проблему влияния процесса юридикации общества на правопорядок, для наиболее полного раскрытия вопроса необходимо обратиться к фундаментальному определению юридикации и разобрать суть этого процесса.

Юридикация общества – расширение сферы правового регулирования и «увеличение плотности нормативного материала»⁴. Это понятие

---

¹ Эффективность правового регулирования : [сайт]. – URL: <http://www.grandars.ru> (дата обращения 13.10.2018).

² Корнев А.В. Социология права. Социальные основания правотворчества. М., 2015. – С. 228.

³ Эффективность правового регулирования : [сайт]. – URL: <http://www.grandars.ru> (дата обращения 13.10.2018).

⁴ Беляев М.А. Модель развития права: от эволюции к взрыву // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия Юридические науки. 2016. № 3. С. 12; Денисенко В.В. Эффективность права в контексте юридикации общества // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости: Сборник трудов международной научной конференции (Воронеж, 02-04 июня 2016 г.) /

связано с социальным государством, т.е. с такой политической формой организации общества, которая служит исключительно интересам групп людей, объединенных общими целями, интересами и ценностями.

До индустриализации, промышленного переворота, до процесса перехода от аграрного типа общества к индустриальному, во всех странах мира существовала традиционная (патриархальная) экономика, т.е. такая экономическая система, в которой традиции и обычаи определяют практику ограниченных ресурсов. В те времена существовало сословное право, в котором те или иные стороны социальной жизни попадали в сферу правового регулирования лишь в момент возникновения конкретных потребностей, определяемых членами различных сословий. Потребности, в свою очередь, напрямую зависели от уровня взаимодействия индивидуумов: чем он был ниже, тем меньший круг вопросов необходимо было упорядочить с помощью правовых норм и, соответственно, наоборот. Огромное количество норм права было смешано с нормами неюридического характера. Между ними довольно сложно провести видимую грань. Особенно, если речь заходит о таких нормах, как церковных или канонических. Нормы сословного права не имели универсального характера, а их единообразие появилось гораздо позднее, лишь при формулировании основных принципов, которым должны отвечать все нормы права без исключения (примером этому может служить принцип справедливости). Также следует подчеркнуть, что во времена, когда господствовал традиционный тип экономики, не более 15% от всех общественных отношений, возникающих между людьми, регулировались правом. Нормы сословного права носили как устный, так и письменный характер. Они были понятны населению.

С процессом перехода общества к индустриальному типу, к обществу модерна (последнее десятилетие XIX – начало XX века), образовалась промышленная, городская экономика (ярким примером того времени служит Европа). Появился важнейший принцип – принцип формального равенства, то есть равенства граждан перед законом. Образовалось социальное государство.

Переход к промышленной экономике привел к неизбежному увеличению системы права, ее отраслей, институтов, правовых норм. Произошло значительное расширение правового регулирования. Это, в свою очередь, связано с тем, что при господстве традиционного типа экономики была соответствующая структура семьи – у моногамных пар рождалось много детей, которые помогали обрабатывать земельные участки, собирать урожай и т.д., а также люди выживали благодаря тому, что занимались фермерством – сами выращивали продукты питания, рынок был слабо-развит. В индустриальном, а позже постиндустриальном обществе люди перебрались из сельских поселений в густонаселенные города, стали существовать с отсутствием иных источников доходов, кроме как заработной платы, изменилась структура семьи – поздние браки, в среднем не

[редкол.: Денисенко В.В. (отв. ред.), Беляев М.А.]. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016. С. 144.

более двух детей у пары. Образовалось формальное равенство – основной признак современного права.

Этот процесс юридикации повлек за собой существенные недостатки в области эффективности правового регулирования: во-первых, образовались неизбежные юридические коллизии – расхождения, противоречия между отдельными нормативно-правовыми актами, появившиеся из-за большой плотности нормативного материала, а во-вторых, произошло снижение эффективности норм права. Обнаружив данный процесс, многие теоретики начали активную разработку этой проблемы и сформулировали социологические теории, которые направлены на повышение эффективности закона.

Первая, наиболее значимая и яркая теория под названием аутопоэсис, что означает самовоспроизводство, была сформулирована знаменитым немецким юристом Никласом Луманом. Он рассматривал право как самостоятельную систему, которая имеет собственные правила. Теоретик выявляет такую проблему, как кризис идентичности. Это означает, что в современном мире, развитые, индустриальные страны имеют в своей основе сложное, объемное право. Люди, проживающие на той или иной территории, сталкиваются с проблемой непонимания права. Это можно трактовать как юридическую безграмотность населения, низкий уровень правовой культуры и прочее. Тем не менее, факт остается фактом. Законы сложны и непонятны для подавляющего большинства населения.

Никлас Луман связывает с этой проблемой две основные особенности. Во-первых, теоретик предлагает рассматривать право как систему, внутри которой происходит постоянный, непрерывный обмен информацией. По мнению Лумана, право — это не банальная доктрина доводов, а сложная конструкция, подобная живому организму, внутри которой не прекращается обмен коммуникациями. Во-вторых, Луман рассматривает право как закрытую систему, а развитие определенной совокупности людей, объединенных способом производства материальных благ на конкретной ступени исторического развития, определенными производственными отношениями¹ - усложнением, дифференциацией (от лат. *differentia* — разность, различие), т.е. стороной процесса развития, связанной с разделением, расчленением развивающегося целого на части, ступени, уровни² взаимоотношений. Общество рассматривается как совокупность различных, сложных, закрытых систем, а не как единое и целостное образование.

Учёный считает, что общество в равной степени состоит и взаимодействует с кругом сфер, являющихся сложными, разнообразными сами по себе (примером могут являться такие системы, как право, экономика, политика, наука) — каждая из которых обладает определенным бинарным кодом. Для передачи и коммуникации информации существует определенная программа. Важно отметить тот факт, что даже в случае изменения про-

---

¹ Баранов П.А. Обществознание. Просвещение, М., 2017. – С. 43.

² Дифференциация: [сайт]. – URL:<https://dic.academic.ru> (дата обращения 10.10.2018)

грамм бинарный код всегда остается неизменным. А через форму (источники) права можно передать информацию. Пример бинарной программы для наглядности можно обрисовать следующими примерами. Истинно/ложно – в науке; победа/поражение – в политике, прибыль/убытки – в экономике; законно/не законно – в праве. Так как современные системы являются закрытыми и автономными, то кризис правового регулирования объясняется последствиями замены политикой юридических норм. Сторонникам данной концепции предлагается теория косвенного правового регулирования, ярким примером тому является отрасль трудового права. То есть государство устанавливает законодательные рамки, а субъекты сами регулируют отношения, начинают в полном объеме обладать субъективными правами и юридическими обязанностями.

Вторая, не менее яркая теория, которая связана с проблемой правопорядка и повышения эффективности правового регулирования в условиях юридикации общества, принадлежит знаменитому немецкому социологу Юргену Хабермасу. Этот теоретик не соглашается со своим предшественником Максом Вебером в том, что все в обществе является рациональным – действует для достижения успеха и цели. Он считает, что есть два вида действий – инструментальный и коммуникативный¹. Инструментальное действие основывается на постановлениях государственной власти, на силе принуждения. Коммуникативное же действие регулируется горизонтально, с помощью сложившихся правил нравственности, обычаев. Также существует взаимное признание, или легитимность, и, наконец – база, перформатив (от ср.-лат. *performo* — действую — слово или высказывание, эквивалентное действию, поступку)². Кроме того, следует подчеркнуть, что общение всегда интересубъективно (консенсус – соглашение).

В процессе юридикации происходит замена коммуникативного действия инструментальным, так как правовые нормы замещают мораль, обычаи и прочие общественные регуляторы. В связи с этим возникает потребность в делиберативной демократии. В переводе с латинского «*deliberare*» означает «размышлять», «советоваться», «взвешивать за и против», «проводить консультации». В английском языке «*deliberation*» понимается как обсуждения или дискуссии. В общем, делиберация — это акт размышлений, тщательные обсуждения и экспертиза.³ Делиберативная демократия – демократия участия, так как право регулирует большинство отношений и должны быть закреплены консенсуальные процедуры, когда гражданин напрямую участвует в правотворчестве или правоприменении. Ярким примером тому может служить медиация в гражданском процессе, восстановительное судопроизводство в уголовном процессе.

---

¹ Основные понятия и идеи теории коммуникативного действия Хабермаса : [сайт]. – URL:filosof.historic.ru (дата обращения 15.10.2018)

² Педагогическое речеведение. Словарь – справочник. Перформатив: [сайт]. – URL:<http://enc-dic.com> (дата обращения 15.10.2018)

³ Право: современные тенденции: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2016 г.). — Краснодар: Новация, 2016. — С. 10-13. — URL <https://moluch.ru/conf/law/archive/180/9738/> (дата обращения: 19.10.2018).

В условиях юридификации нужна совершенно другая модель правотворчества и правоприменения. Если обратиться к истории, то можно выявить, что в Средние века существовали идеологии, которые обеспечивали исполнение закона. Так, в дореволюционный период в процентном соотношении право регулировало не больше 15% общественных отношений. В современных условиях нельзя идеологией заменить коммуникации. Современное право не должно заменять коммуникацию (коммуникативное действие), но обязано ее поддерживать. Таким образом, необходимо содержание юридических процедур, обеспечивающих коммуникацию для того, чтобы упразднить кризис легитимности, возникновение различных радикальных церковных организаций. Чтобы право было понятно людям, для его признания и исполнения населением.

В современном мире, в современной России актуальной проблеме правопорядка как элемента эффективности правового регулирования уделяется все больше и больше внимания. Это, конечно же, не может не радовать. Можно с уверенностью говорить о том, что обеспечивает устойчивость правопорядка повсеместный, всеобщий и универсальный контроль граждан и институтов общества, уполномоченных органов государства (экспертиза законопроектов, соответствия им подзаконных актов, результативность юридической практики — деятельности судов, прокуратуры, полиции, адвокатуры и др.), а также базирование на высоких нравственных устоях, уважении прав человека, его достоинства и чести. В немалой степени уровень национального правопорядка определяется качеством образования, прежде всего, юридического.¹

Основным фактором, влияющим на эффективность правового регулирования, является усовершенствование законодательства, правотворчества, правоприменения и правовой охраны, а также повышение уровня правовой культуры субъектов права.

Про усовершенствование законотворчества, правоприменения и правовой охраны можно сказать следующее: в их процессе в нормах права (с учетом высокого уровня законодательной техники) наиболее полно выражаются общественные интересы и те закономерности, в рамках которых они будут действовать. Я считаю необходимым создавать с помощью соответствующих юридических и информационных средств такое положение, когда соблюдение закона будет выгоднее его нарушения. Также необходимо соединение нормативного регулирования и правоприменения, так как взятые по отдельности, они сразу начинают демонстрировать свои "слабые стороны": нормативное регулирование без усмотрения превращается зачастую в формализм, а правоприменение без общих правил – в произвол.

Повышение уровня правовой культуры – еще один немаловажный аспект. Оно всегда будет влиять на качество правового регулирования, на процесс укрепления законности и правопорядка.

---

¹ Скакун О.Ф. Правовая система, национальный правопорядок, мировой правопорядок: теоретико-правовой анализ их взаимосвязи. М., 2017. С.7.

В заключение хотелось бы сказать, что именно интересы человека являются главным ориентиром для совершенствования элементов механизма правового регулирования, повышения его эффективности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баранов П.А. Обществознание. Просвещение, М., 2018. – С. 43.
2. Беляев М.А. Модель развития права: от эволюции к взрыву // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия Юридические науки. 2016. № 3. С. 9-20.
3. Денисенко В.В. Эффективность права в контексте юридификации общества // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости: Сборник трудов международной научной конференции (Воронеж, 02-04 июня 2016 г.) / [редколл.: Денисенко В.В. (отв. ред.), Беляев М.А.]. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016. С. 143- 150.
4. Дифференциация: [сайт]. – URL:<https://dic.academic.ru> (дата обращения 10.05.2019)
5. Корнев А.В. Социология права. Социальные основания правотворчества. М., 2015. – С. 228.
6. Кудрявцев В. Н., Никитинский В. И., Самощенко И. С., Глазырин В. В. Эффективность правовых норм. М., 1980. С. 22;
7. Лейст О. Э. Сущность права. М., 2002. С. 93.
8. Основные понятия и идеи теории коммуникативного действия Хабермаса: [сайт]. – URL:filosof.historic.ru (дата обращения 15.10.2018)
9. Педагогическое речеведение. Словарь – справочник. Перформатив: [сайт]. – URL:<http://enc-dic.com> (дата обращения 15.10.2018)
10. Пашков А. С. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления // Советское государство и право. 1965. No 8. С. 3
11. Право: современные тенденции: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2016 г.). — Краснодар: Новация, 2016. — С. 10-13. — URL <https://moluch.ru/conf/law/archive/180/9738/> (дата обращения: 19.05.2019).
12. Скакун О.Ф. Правовая система, национальный правопорядок, мировой правопорядок: теоретико-правовой анализ их взаимосвязи. М., 2017. С.5-7.
13. Эффективность правового регулирования: [сайт]. – URL: <http://www.grandars.ru> (дата обращения 13.05.2019).

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОПОРЯДКА В РОССИИ

Виктория Павловна Кожевникова

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

В ст. 2 Конституции Российской Федерации провозглашено, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства», в ст. 17 Конституции акцентируется внимание на гарантии прав и свобод каждого человека и гражданина, при этом их осуществление не должно нарушать права и свободы иных лиц. В ст. 18 Основного закона России указывается, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, и в соответствии с ними осу-

ществляется деятельность государственной власти и органов местного самоуправления.

При этом имеют место ограничения прав и свобод в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации¹, которые полностью соответствуют международным договорам, ратифицированным и нашей страной².

Правопорядок в основе своей имеет реализацию законности, тем самым он представляет собой реализацию законности, а законность является одним из главных источников обеспечения правового порядка. При этом реализация правового порядка обеспечивается и нормами уголовного закона (который характеризуется тем, что в отличие от гражданского законодательства и КоАП РФ устанавливает ответственность только за общественно опасные деяния, которые - с учетом установленной санкции за то или иное преступление - подразделяется на следующие категории: небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие преступления (ст. 15 УК РФ). Карательный характер УК представляет собой необходимость для надлежащего восприятия права в общественном сознании и оказывает индивидуальное влияние (частное предупреждение) на сознание индивида, совершившего определенное уголовно-наказуемое преступление, который основывается в том числе и на принципе законности (ст. 3 УК РФ) и содержит одну из задач выраженную в охране общественного порядка (ч. 1 ст. 2 УК РФ).

В настоящее время в УК РФ выделяются две статьи, регламентирующие ответственность за нарушение общественного порядка: ст. 213 УК РФ «Хулиганство» и ст. 214 УК РФ «Вандализм».

В настоящее время под хулиганством понимается совершение грубого нарушения общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, которое обязательно сопряжено: с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия; с мотивами политической, идеологической ненависти или вражды и подобным, руководствуясь которыми виновное лицо нарушает принцип равенства человека и гражданина. Кроме того, данные мотивы - в соответствии с примечанием 2 к ст. 282.2 «Организация экстремистского сообщества» - идентифицируют преступления экстремистской направленности; с транспортом общего пользования³.

---

¹ Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2014. - № 31, ст. 4398

² Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 дек. 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1976. - № 17, ст. 291; Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 нояб. 1950 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2001. - № 2, ст. 163.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2019) : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 1996. - № 25, ст. 2954; 2019. - № 22, ст. 2668.

Если «явное неуважение к обществу» определяется в абз. 2 п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений», то применимо к «грубому нарушению общественного порядка» в данном постановлении указывается только необходимость учитывать судам при вынесении приговора «способ, время, место их совершения, а также их интенсивность, продолжительность и другие обстоятельства»¹. Обращаясь к юридической литературе, мы можем отметить, что под этим нарушением следует понимать издевательство, глумление над потерпевшим и совершением иных подобных действий, а также нарушение деятельности учреждений и проведение мероприятий, нарушение общественного спокойствия граждан, что совершается виновным лицом на протяжении длительного периода времени².

Таким образом, грубое нарушение общественного порядка можно охарактеризовать как нарушение правил поведения людей вопреки нормам морали, нравственности и права.

Кроме того, следует отметить, что изменение ст. 213 УК РФ Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»³ повлекло ухудшение технико-юридического содержания дефиниции «хулиганство», под которым в первоначальной редакции понималось грубое нарушение общественного порядка, проявляющееся в явном неуважении к обществу, сопровождающемуся применением насилия к гражданам или угрозой его применения либо уничтожения, или повреждения чужого имущества. А последующее изменение редакции данной статьи Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» установило два мотива при квалификации хулиганства⁴: это, соответ-

---

¹ О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15 нояб. 2007 г. № 45 // Рос. газ. – 2007. – 21 нояб.

² Уголовное право России. Особенная часть : учебник. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2014. С. 257; Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. Ф. П. Сундурова, М. В. Талан. М. : Статут, 2012. С. 438.

³ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 8 дек. 2003 г. № 162-ФЗ (ред. от 07.12.2011) : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 нояб. 2003 г. : одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26 нояб. 2003 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2003. - № 50, ст. 4848; 2011. - № 50, ст. 7362.

⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму : федер. закон Рос. Федерации от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ (ред. от 22.02.2014) : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 6 июля 2007 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 11 июля 2007 г. // Рос. газ. - 2007. - 1 авг. ; 2014. – 26 февр.

ственно, хулиганский мотив и экстремистский мотив, что неоднократно критически отмечалось в научной литературе¹.

В связи с этим можно разделить позицию Р. Б. Осокина касательно основополагающей проблемы современной российской политики, которая одновременно выражается в форме ее реализации – это именно изменение Уголовного кодекса в целях его совершенствования с учетом принципов криминализации (декриминализации) и пенализации (депенализации)². Следует подчеркнуть, что подобная проблема проводимой уголовной политики по совершенствованию норм уголовного закона характерна не только для ст. 213 УК РФ, но и для многих иных норм, о чем свидетельствует анализ доктринальных точек зрения³.

Вандализм в свою очередь характеризуется тем, что подразумевает «осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах». При этом нет толкования, что следует понимать под данными признаками вандализма, но, обращая внимание на судебную практику, можно отметить, что под осквернением зданий и иных сооружений необходимо понимать нанесение надписей различного антисоциального характера на стены данных

---

¹ Кибальник А., Соломоненко И. «Экстремистское» хулиганство - нонсенс уголовного закона // Законность. 2008. № 4. С. 14-20 ; Валишина М. Ф. «Экстремистское» хулиганство - преступление с двумя основными мотивами? // Правовая система и вызовы современности : материалы XII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Уфа : Башкирский государственный университет, 2015. С. 14-19

² Осокин Р. Б. Декриминализация клеветы и оскорбления как одна из форм реализации уголовной политики // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 7-8 (41-42). С. 196.

³ Лопашенко Н. А. Уголовная политика в области преступлений в сфере экономической деятельности: можно ли хуже? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4 (5). С. 288-302 ; Шегабудинов Р. Ш. Современная уголовная политика: проблемы и перспективы // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2014. № 2. С. 39-44 ; Плаксына Т. А. Проблемы современной уголовно-правовой политики // Гражданское общество и правовое государство. 2015. Т. 1. С. 22-25 ; Щербakov А. В. Проблемы эффективности уголовной политики на современном этапе (на примере главы 32 УК РФ) // Вестник Академии. 2015. № 3. С. 167-172 ; Акименко П. А., Осокин Р. Б. Проблемы разграничения уголовной и административной ответственности за противоправные деяния в сфере миграционных правоотношений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 1 (24). С. 277-285 ; Кокорев В. Г., Зайцев И. А. Право на свободу совести и вероисповеданий и условия его ограничения по отечественному законодательству // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11. № 7. С. 78-86 ; Осокин Р. Б., Кокорев В. Г. Принцип справедливости и равенства как критерий оценки и совершенствования статьи 148 УК РФ «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий» // Философия права. 2017. № 4 (83). С. 111-116 ; Антипов А. Н. О некоторых проблемах уголовной политики и уголовного законодательства России // Теоретические и практические проблемы развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации и за рубежом : сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции. Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. С. 25-32.

зданий и сооружений¹, а под порчей имущества - повреждение, приведение в негодность, эксплуатацию используемого имущества и причинении тем самым материального ущерба собственнику данного имущества².

Подобное определение этих признаков в ст. 214 подтверждает и доктрина уголовного права, только применительно к осквернению подчеркивает, что если нанесение различных надписей не характеризуется обезображиванием зданий и сооружений, то состав преступлений по данной норме уголовного закона будет отсутствовать³.

Но следует подчеркнуть, что, согласно санкции ст. 213 и 214 уголовного закона России, большая степень общественной опасности характерна для хулиганства, так как за совершение данного преступления в качестве наказания предусматривается и лишение свободы на определенный срок. Руководствуясь ст. 15 УК РФ, можно отметить, что ч. 1 ст. 213 данное деяние относит к преступлениям средней тяжести, а ч. 2 и 3 - к тяжким деяниям, в то время как вандализм по ч. 1 и 2 будет относиться к преступлениям небольшой тяжести, а по ч. 1 ст. 214 не указывается наказание, сопряженное с изоляцией осужденного от общества.

Таким образом, можно сказать, что в Российской Федерации имеет место уголовно-правовая охрана общественного правопорядка, однако, применительно к особенностям технико-юридического конструирования - в частности к ст. 213 УК РФ - она пока несовершенна.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Акименко П. А., Осокин Р. Б. Проблемы разграничения уголовной и административной ответственности за противоправные деяния в сфере миграционных правоотношений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 1 (24). С. 277-285.

2. Антипов А. Н. О некоторых проблемах уголовной политики и уголовного законодательства России // Теоретические и практические проблемы развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации и за рубежом : сборник тезисов

---

¹ Приговор Шимановского районного суда Амурской области от 20 апр. 2017 г. по уголовному делу № 1-63/2017 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AR4HU8d0bNm1/?regular-txt> (дата обращения: 30.05.2019) ; Приговор Чернышевского районного суда Забайкальского края от 16 окт. 2017 г. по уголовному делу № 1-102/2017 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/cj5ejpc1OWR/?regular-txt> (дата обращения: 30.05.2019).

² Приговор Мглинского районного суда Брянской области от 13 дек. 2017 г. по уголовному делу № 1-50/2017 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/acp177KPsNd5/?regular-txt> (дата обращения: 30.05.2019) ; Приговор Калининского районного суда г. Тюмени от 15 июня 2018 г. по уголовному делу № 1-320/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/vwj1BaBGSb1h/?regular-txt> (дата обращения: 30.05.2019) ; Приговор Дмитровского городского суда Московской области от 7 нояб. 2018 г. по уголовному делу № 10511/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kVK6fN5qoZZo/?regular-txt> (дата обращения: 30.05.2019).

³ Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. Ф. Р. Сундурова, М. В. Талан. М. : Статут, 2012. С. 442.

выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции. Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. С. 25-32.

3. Валишина М. Ф. «Экстремистское» хулиганство - преступление с двумя основными мотивами? // Правовая система и вызовы современности : материалы XII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Уфа : Башкирский государственный университет, 2015. С. 14-19

4. Кибальник А., Соломоненко И. «Экстремистское» хулиганство - нонсенс уголовного закона // Законность. 2008. № 4. С. 14-20.

5. Кокорев В. Г., Зайцев И. А. Право на свободу совести и вероисповеданий и условия его ограничения по отечественному законодательству // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11. № 7. С. 78-86.

6. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 нояб. 1950 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2001. - № 2, ст. 163.

7. Конституция Российской Федерации : принята на всенародном голосовании 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2014. - № 31, ст. 4398

8. Лопашенко Н. А. Уголовная политика в области преступлений в сфере экономической деятельности: можно ли хуже? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4 (5). С. 288-302.

9. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 дек. 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1976. - № 17, ст. 291.

10. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму : федер. закон Рос. Федерации от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ (ред. от 22.02.2014) : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 6 июля 2007 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 11 июля 2007 г. // Рос. газ. - 2007. - 1 авг. ; 2014. - 26 февр.

11. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 8 дек. 2003 г. № 162-ФЗ (ред. от 07.12.2011) : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 нояб. 2003 г. : одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26 нояб. 2003 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2003. - № 50, ст. 4848; 2011. - № 50, ст. 7362.

12. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15 нояб. 2007 г. № 45 // Рос. газ. - 2007. - 21 нояб.

13. Осокин Р. Б. Декриминализация клеветы и оскорбления как одна из форм реализации уголовной политики // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 7-8 (41-42). С. 196-199.

14. Осокин Р. Б., Кокорев В. Г. Принцип справедливости и равенства как критерий оценки и совершенствования статьи 148 УК РФ «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий» // Философия права. 2017. № 4 (83). С. 111-116.

15. Плаксина Т. А. Проблемы современной уголовно-правовой политики // Гражданское общество и правовое государство. 2015. Т. 1. С. 22-25.

16. Приговор Дмитровского городского суда Московской области от 7 нояб. 2018 г. по уголовному делу № 10511/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kVK6fN5qoZZo/?regular-txt> (дата обращения: 30.05.2019).

17. Приговор Калининского районного суда г. Тюмени от 15 июня 2018 г. по уголовному делу № 1-320/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL:

<https://sudact.ru/regular/doc/vwj1BaBGsb1h/?regular-txt> (дата обращения: 30.05.2019).

18. Приговор Мглинского районного суда Брянской области от 13 дек. 2017 г. по уголовному делу № 1-50/2017 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/acpl77KPsNd5/?regular-txt> (дата обращения: 30.05.2019).

19. Приговор Чернышевского районного суда Забайкальского края от 16 окт. 2017 г. по уголовному делу № 1-102/2017 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/cj5eipc1JOWR/?regular-txt> (дата обращения: 30.05.2019).

20. Приговор Шимановского районного суда Амурской области от 20 апр. 2017 г. по уголовному делу № 1-63/2017 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AR4HU8d0bNm1/?regular-txt> (дата обращения: 30.05.2019).

21. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. Ф. П. Сундурова, М. В. Талан. М. : Статут, 2012. 943 с.

22. Уголовное право России. Особенная часть : учебник. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2014. 497 с.

23. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2019) : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 1996. - № 25, ст. 2954; 2019. - № 22, ст. 2668.

24. Шегабудинов Р. Ш. Современная уголовная политика: проблемы и перспективы // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2014. № 2. С. 39-44.

25. Щербаков А. В. Проблемы эффективности уголовной политики на современном этапе (на примере главы 32 УК РФ) // Вестник Академии. 2015. № 3. С. 167-172.

ОТГРАНИЧЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОПРЯЖЕННОГО С ОСКОРБЛЕНИЕМ РЕЛИГИОЗНЫХ ЧУВСТВ ВЕРУЮЩИХ, ОТ НЕКОТОРЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

Владимир Геннадьевич Кокорев

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Криминализация любого деяния представляет собой форму реагирования государством на негативные явления, происходящие в обществе, причем установление ответственности за то или иное преступление подразумевает невозможность противодействия с помощью иных отраслей права, поэтому оно признается государством общественно опасным. При конструировании диспозиции законодатель отражает то, какие признаки одного деяния будут отличать его от иного.

Исходя из содержания диспозиций и складывающейся судебной практики на доктринальном уровне обращается внимание на проблемы отграничения одних преступлений от других и уголовно-наказуемых деяний от административных правонарушений¹.

---

¹ Осокин Р. Б. К вопросу об отграничении составов вовлечения в занятие проституцией и организации занятия проституцией от состава торговли людьми // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 12 (46). С. 387-390 ; Осо-

Обращая в свою очередь внимание на отграничение преступления, сопряженного с оскорблением религиозных чувств верующих, от некоторых преступлений против общественного порядка, в частности хулиганства, можно отметить, что данные деяния имеют много схожего, что обусловлено тем, что содержание п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ стало прообразом ч. 1 ст. 148 УК РФ.

При этом необходимо сказать, что под общественным порядком подразумевается сложившийся в обществе комплекс отношений между лицами, обеспечивающий общественное спокойствие, а также взаимодействие лиц между собой с учетом норм права, морали и нравственности, нормальное функционирование государственных и общественных институтов, а также общества в целом¹. Это, по замечанию некоторых авторов, свойственно фактически любому преступлению, предусмотренному УК РФ. Однако именно нарушение фактом хулиганства данных норм, а также его публичность представляет в основе своей ту общественную опасность, за которую устанавливается ответственность за данное деяние².

кин Р. Б. Разграничение составов вовлечения в занятие проституцией и использования рабского труда // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 2 (118). С. 294-296 ; Осокин Р. Б. Отграничение жестокого обращения с животными от преступлений и правонарушений, смежных с ним по составу // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 2. С. 91-97 ; Осокин Р. Б. Особенности квалификации незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов и отграничения данного преступления от жестокого обращения с животными // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 3. С. 78-83 ; Попов И. В. Проблемы отграничения преступлений против природной среды от административных правонарушений в области охраны окружающей среды и природопользования // Российский следователь. 2014. № 1. С. 41-45 ; Трапезарова В. С., Краснопёров Е. В. Проблема отграничения мошенничества от других преступлений в сфере экономики // Актуальные проблемы юридической науки: теория и практика : сборник материалов XV международной научно-практической конференции. Махачкала : Апробация, 2015. С. 65-68 ; Узденова М. Н. О некоторых проблемах отграничения приобретения, хранения, перевозки, переработки в целях сбыта или сбыта заведомо незаконно заготовленной древесины (ст. 191.1 УК РФ) от экологических преступлений и проступков // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 4 (12). С. 73-77 ; Акименко П. А., Осокин Р. Б. Проблемы разграничения уголовной и административной ответственности за противоправные деяния в сфере миграционных правоотношений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 1 (24). С. 277-285 ; Руденко А. С., Пичугин С. А. Некоторые проблемы квалификации террористического акта и его отграничения от других составов преступлений // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 2 (43). С. 107-110 ; Акьюлова Г. Р. Проблемы отграничении нарушения неприкосновенности жилища от смежных составов преступлений // Студенческий форум. 2019. № 5 (56). С. 63-65.

¹ Смирнова Е. Г. Хулиганство: уголовно-правовые и криминологические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. С. 9-10 ; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. 8-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2008. С. 498-499.

² Любичева Э. Н. К вопросу об оценке уголовно-правовых признаков хулиганства // Общество и право. 2009. № 2 (4). С. 107

Кроме того, в пояснительной записке к Федеральному закону, в соответствии с которой была введена ответственность за оскорбление религиозных чувств верующих, подчеркивается, что подобное деяние нарушает сформированные обществом традиционные и религиозные нормы, а также противоречит морали и имеет антисоциальную направленность¹.

Поэтому можно сказать, что данное преступление посягает на общественный порядок, но отечественный законодатель разграничивает их по объекту, закрепив деяния в разных разделах и главах уголовного закона (применимо к ст. 148 УК РФ родовым объектом будет являться личность, а точнее, общественные отношения, обеспечивающие естественные права и свободы человека, в частности - право на свободу совести и вероисповедания).

Видовым объектом - исходя из расположения анализируемой нами нормы УК РФ в гл. 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» - будут являться общественные отношения, обеспечивающие охрану конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Непосредственным объектом данного деяния будет являться обеспечение реализации права на свободу совести и вероисповеданий. Применимо к хулиганству родовым объектом будут являться общественная безопасность и общественный порядок, видовым и непосредственным объектами будет общественный порядок.

В ч. 1 ст. 148 УК РФ сделан акцент на публичных действиях, выражающихся в явном неуважении к обществу и совершенных в целях оскорбления религиозных чувств верующих. В то же время в п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ под хулиганством понимается грубое нарушение общественного порядка, проявляющееся в явном неуважении к обществу и совершенном по мотивам религиозной ненависти или вражды.

Таким образом, можно отметить, что данным преступлениям присущи общие признаки объективной стороны состава преступления, выражающиеся в публичных действиях (совершении деяния среди нескольких лиц, как правило, происходящего на улице, с использованием СМИ, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и т.п. способами), и нарушении общественного порядка (толкование которого нами было дано ранее и которое характеризуется также совершением публичного преступления), а также в явном неуважении к обществу (согласно толкованию Пленума Верховного Суда Российской Федерации под которым понимается совершение преступления на почве явного неуважения к обществу и общепринятым нормам морали, когда поведение виновного про-

---

¹ К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан, осквернению объектов и предметов религиозного почитания (паломничества), мест религиозных обрядов и церемоний» [Электронный ресурс]: пояснительная записка. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

диктовано желанием противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним¹).

Надо сказать о наличии и отличительных факультативных признаках субъективной стороны состава преступления, заключающихся в том, что при совершении деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ, будет преследоваться цель оскорбить религиозные чувства верующих, в то время как при хулиганстве делается акцент на мотив преступления экстремистской направленности, подчеркнутый в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ в качествеотягчающего обстоятельства и отраженный в примечании 2 к ст. 282.2, характеризующей уголовно-наказуемые деяния данной направленности, а также одной из разновидности экстремистской деятельности (экстремизма), согласно Федеральному закону от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»².

Следовательно, совершая хулиганство по данному мотиву, преступник демонстрирует собственную исключительность и подчеркивает неполноценность потерпевшего в связи с его принадлежностью к определенному вероисповеданию. Кроме того, в данном случае происходит уголовно-правовая охрана определенной социальной группы лиц, о чем могут свидетельствовать решения суда по делу «Pussy Riot», когда указывалось, что действия участниц были направлены в отношении социальной группы в лице православных верующих³.

При этом отметим, что субъективная сторона данных преступлений характеризуется умышленной формой вины (является основополагающим признаком данного элемента состава уголовно-наказуемого деяния) в виде прямого умысла.

Таким образом, ч. 1 ст. 148 УК РФ и п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ имеют одинаковые признаки объективной стороны состава преступления и вину как признак субъективной стороны состава преступления, но различаются по объекту (родовому, видовому и непосредственному), а также фа-

---

¹ О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 янв. 1999 г. № 1 // Рос. газ. – 1999. – 9 февр; 2015. – 6 марта ; О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15 нояб. 2007 г. № 45 // Рос. газ. – 2007. – 21 нояб.

² О противодействии экстремистской деятельности : федер. закон Рос. Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 27 июня 2002 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 10 июля 2002 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2002. - № 30, ст. 3031; 2015. - № 48, ч. I, ст. 6680.

³ Приговор по делу о хулиганстве изменен: назначенное осужденному наказанию в виде лишения свободы принято считать условным с испытательным сроком, поскольку материалами дела установлено, что суд пришел к выводу о возможности исправления осужденного без дальнейшего реального отбывания наказания [Электронный ресурс] : кассационное определение Московского городского суда от 10 окт. 2012 г. по делу № 22-13222. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

культуративным признакам субъективной стороны состава преступления, так как в ч. 1 ст. 148 УК РФ делается акцент на цель, выраженную в оскорблении религиозных чувств верующих, в то время как при совершении хулиганства указывается на мотив, направленный на возбуждение религиозной ненависти или вражды.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Акименко П. А., Осокин Р. Б. Проблемы разграничения уголовной и административной ответственности за противоправные деяния в сфере миграционных правоотношений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 1 (24). С. 277-285.

2. Акьюлова Г. Р. Проблемы отграничения нарушения неприкосновенности жилища от смежных составов преступлений // Студенческий форум. 2019. № 5 (56). С. 63-65.

3. К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан, осквернению объектов и предметов религиозного почитания (паломничества), мест религиозных обрядов и церемоний» [Электронный ресурс]: пояснительная записка. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. 8-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2008. 903 с.

5. Любичева Э. Н. К вопросу об оценке уголовно-правовых признаков хулиганства // Общество и право. 2009. № 2 (4). С. 104-107.

6. О противодействии экстремистской деятельности : федер. закон Рос. Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 27 июня 2002 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 10 июля 2002 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2002. - № 30, ст. 3031; 2015. - № 48, ч. 1, ст. 6680.

7. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 янв. 1999 г. № 1 // Рос. газ. – 1999. – 9 февр; 2015. – 6 марта.

8. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15 нояб. 2007 г. № 45 // Рос. газ. – 2007. – 21 нояб.

9. Осокин Р. Б. К вопросу об отграничении составов вовлечения в занятие проституцией и организации занятия проституцией от состава торговли людьми // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 12 (46). С. 387-390.

10. Осокин Р. Б. Особенности квалификации незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов и отграничения данного преступления от жестокого обращения с животными // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 3. С. 78-83.

11. Осокин Р. Б. Отграничение жестокого обращения с животными от преступлений и правонарушений, смежных с ним по составу // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 2. С. 91-97.

12. Осокин Р. Б. Разграничение составов вовлечения в занятие проституцией и использования рабского труда // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 2 (118). С. 294-296.

13. Попов И. В. Проблемы отграничения преступлений против природной среды от административных правонарушений в области охраны окружающей среды и природопользования // Российский следователь. 2014. № 1. С. 41-45.

14. Приговор по делу о хулиганстве изменен: назначенное осужденному наказание в виде лишения свободы принято считать условным с испытательным сроком, поскольку материалами дела установлено, что суд пришел к выводу о возможности исправления осужденного без дальнейшего реального отбывания наказания [Электронный ресурс] : кассационное определение Московского городского суда от 10 окт. 2012 г. по делу № 22-13222. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Руденко А. С., Пичугин С. А. Некоторые проблемы квалификации террористического акта и его отграничения от других составов преступлений // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 2 (43). С. 107-110.

16. Смирнова Е. Г. Хулиганство: уголовно-правовые и криминологические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. 26 с.

17. Трапезарова В. С., Краснопёров Е. В. Проблема отграничения мошенничества от других преступлений в сфере экономики // Актуальные проблемы юридической науки: теория и практика : сборник материалов XV международной научно-практической конференции. Махачкала : Апробация, 2015. С. 65-68.

18. Узденова М. Н. О некоторых проблемах отграничения приобретения, хранения, перевозки, переработки в целях сбыта или сбыта заведомо незаконно заготовленной древесины (ст. 191.1 УК РФ) от экологических преступлений и проступков // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 4 (12). С. 73-77.

МЕДИАЦИЯ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОСНОВАНИЕ ПРАВОПОРЯДКА

Алёна Игоревна Котова

Воронежский государственный университет

Аннотация: Данная статья раскрывает сущность понятия медиации. Обосновывается потребность в развитии правосознания граждан за счет участия в правовых процедурах, в том числе медиации. Исследуется взаимосвязь правосознания, правопорядка, выявляется проблема отчуждения граждан от права. Приводятся точки зрения о сущности правопорядка и его структуре, определяется роль различных юридических процедур в формировании ключевых компонентов правового порядка. Делается вывод о положительном влиянии введения института медиации на развитие правопорядка.

Ключевые слова: медиация, примирительные процедуры, разрешение спора, правопорядок, правосознание, юрдификация.

MEDIATION AS AN INSTITUTIONAL BASIS OF THE RULE OF LAW

Alyona I. Kotova

Voronezh State University

Abstract: This paper reveals the essence of the concept of mediation. Based on the analysis of goals, objectives, functions, principles, the institution of mediation is considered as a necessary element of the rule of law. The points of view on the essence of the rule of law and its structure are given, the role of various legal procedures in the formation of key components of the legal order is determined. The interrelation of legal consciousness, legal order is investigated, the problem of the alienation of citizens from law is revealed. It justifies the need for the development of citizens' legal awareness through participation in various legal procedures, including mediation.

Keywords: mediation, conciliation procedures, dispute resolution, legal order, legal conscience, legalization.

Актуальность и важность обозначенной темы обусловлена тем фактором, что в политико-правовом дискурсе для граждан остается все меньше пространства для выражения собственной позиции, для творчества и адаптации правовых норм «под себя». Остро стоит проблема отчуждения обычного человека-непрофессионала от права, когда субъект вследствие большого объема законодательства (юридификации – чрезмерного разрастания правового массива) перестает понимать смысл большинства правовых норм и всячески избегает участия в юридических процедурах. Это происходит также по причине неудобных судебных процессов, не ориентированных на интересы и потребности конкретных граждан. Зачастую судопроизводство настолько формализовано, что большинство граждан предпочитают доверить свои дела специалистам. В итоге происходит замещение юристами-профессионалами роли активного гражданина в его борьбе за признание. Частичным решением этих кризисных явлений ученые называют широкое распространение юридических процедур, связанных с вовлечением граждан-непрофессионалов в принятие юридических решений. Например, развитие институтов посредничества, медиации и восстановительного правосудия. Так, для гражданско-конфликтных юридических конфликтов необходимо создать простую, комфортную и понятную площадку для мирного урегулирования споров – предоставить максимальную процессуальную свободу и обеспечить эффективное общение с контрагентами, а также создать условия для удовлетворения их интересов.

Активное участие в юридических процедурах, таким образом, направлено на:

1. Ощущение субъектом взаимного признания со стороны Другого в процессе правового дискурса¹;
2. Эффективную борьбу за признание в рамках закона;
3. Воплощение идеалов демократического и правового государства, т.е. развитие влиятельного гражданского общества и наличие реальных политических и социальных прав и свобод граждан.

Данным целям служит введение такой юридической процедуры, как медиация. Медиация – это способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения.² Медиация является одной из процедур взаимного признания, которое позволяет человеку не только воспринимать себя в качестве субъекта, способного принимать участие в общественной жизни, но и быть уверенным, что его голос и мнение будут влиять на процесс принятия правовых актов. Так, самоопределение человека

---

¹ Об этом подробнее см.: Беляев М.А. Проблематизация взаимного признания в трудах ученых Франкфуртской школы // Признание права и принцип формального равенства: Сборник трудов международной научной конференции (Воронеж, 10 – 11 июня 2015 г.) / М., 2015. – С. 146 – 160.

² Федеральный закон РФ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

зависит от того, насколько эффективно он способен пользоваться своими правами и отстаивать свою позицию в обществе. Таким образом, правовое признание положительно влияет на самопонимание человека, формируя самоуважение.¹ Медиацию можно рассматривать как форму диалога, обсуждений и дискуссий, т. е. процесс, который имеет ярко выраженную коммуникативную направленность. Медиация является древним инструментом урегулирования конфликтов, поэтому внедрение процедуры в современные правоотношения является органичным и исторически обусловленным. Введение легальной практики медиации выступает проявлением демократических начал правовой системы, т. к. является выражением и следствием ряда конституционных прав человека. Она способствует укреплению демократических институтов, при этом сама является атрибутом гражданского общества, которое, в свою очередь, необходимо для становления правового государства.

Безусловные преимущества данной примирительной процедуры послужили основанием для ее легализации во многих странах, в том числе в России. Медиация возможна по ряду правовых споров, относящихся к различным отраслям права, поэтому данный институт можно считать комплексным. Однако на данный момент эффективность данной процедуры остается спорной и требует значительного законодательного усовершенствования. Существует еще множество факторов, которые сдерживают распространение медиации, но она является необходимым компонентом для построения истинно демократического общества, в котором преобладают такие качества граждан, как правовая грамотность и инициативность. Справедливы слова известного ученого-юриста Валентины Викторовны Лапаевой: «Свобода... возможна лишь там, где люди не только адресаты действующего права, но одновременно и соучастники в его создании, его творцы и защитники».²

Реализация творческого потенциала личности связана с осознанно ориентированными действиями. Правовые предписания воплотятся в поведении субъектов, если они осознаны, если выработано соответствующее психологическое отношение к ним. С этим тесно связан феномен правосознания, которое в данном контексте можно понимать как форму общественного сознания, как систему взглядов, оценок, представлений, настроений, чувств общества, определяемую материальными условиями жизни общества, направленную на установление в нем правового режима, отвечающего его интересам и целям. Готовность действовать является волевым компонентом внутреннего убеждения правоприменителя и существенной предпосылкой деятельности по реализации права, ее устойчивости и целенаправленности. Это помогает исполнять юридические обязанности, использовать субъективные права, сообразовывая свое по-

---

¹ Бринк Б. ван ден. Парадигма признания в социальной философии // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. – 2014. № 2. – С. 5-15.

² Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М.: Российская академия правосудия, 2012. С. 223-224.

ведение с требованиями правовых норм. В итоге личность настраивается на определенный вид деятельности, осознает свои права, свободы, обязанности, подготавливается к их реализации, то есть возникает правовая готовность к действию.¹ Характерной чертой правосознания выступает осознание необходимости установления определенного порядка в обществе путем соответствующего регулирования общественных отношений. Таким образом, правосознание – это необходимый элемент для создания правопорядка.

Ученые выделяют также другие компоненты правопорядка, определяя его как «определенную систему общественных отношений, складывающуюся на основе права и законности»; как «основанную на праве и законности организацию общественной жизни, отражающую качественное состояние общественных отношений»; как «состояние фактической упорядоченности общественных отношений, выражающих реальное, практическое осуществление требований законности».² В его структуру включают:

- совокупность законодательства государства, определяющего главные направления развития общества;
- систему органов государственной власти, осуществляющих законодательную, исполнительную и судебную функции в государстве;
- систему правоохранительных органов, обеспечивающих безопасность и охраняющих порядок в обществе;
- систему правоотношений, осуществляющихся на основе правовых норм;
- правосознание и правовую культуру общества.

Он тесно связан с правовой идеологией и психологией, с сущностью и формами права, с правотворческими и правореализационными процессами. Ученые выделяют отдельные стадии создания правовой реальности: знаковая форма, ментальный образ, повседневное поведение.³ В этом контексте правопорядок формируется следующим образом: сначала принимаются нормы права, направленные на укрепление и поддержание правопорядка, потом у правоприменителей и остальных субъектов складывается определенное ментальное представление о правопорядке, преломляющееся через собственный опыт и отражающееся в правосознании, а затем проводится работа по трансформации правовых предписаний в повседневное массовое поведение населения страны. Именно массовое поведение и формирует ту или иную модель правопорядка, которая может существенно отличаться от задуманной законодателем концепции. Следовательно, принимаемые многочисленные правовые нормы не стали в полной мере практикой массового поведения. Как справедливо отмеча-

---

¹ Никитяева Вера Владимировна Правопорядок и правосознание как элементы эффективного правового регулирования // Вестник ВИ МВД России. 2007. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravoporyadok-i-pravosoznanie-kak-elementy-effektivnogo-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 08.05.2019).

² Пашенцев Д. А., Черногор Н. Н. Правопорядок в контексте современной пост-классической методологии // Юридическая наука. 2017. No 1. С. 16-22.

³ Там же.

ет И.Л. Честнов, в современных условиях «субъект права должен трактоваться не просто как субъект правоотношений, а гораздо шире – как центр правовой системы, ее творец и постоянный деятель. Именно субъект права формирует и воспроизводит своими действиями правовую реальность».¹ Реализация правовых предписаний происходит не сама по себе, они воплощаются в жизнь только в конкретных действиях конкретного субъекта. Все формы реализации права: соблюдение, исполнение, использование, применение – это действия субъектов права, в последнем случае наделенных особыми полномочиями, поэтому именно субъект права должен занимать главное место в любой модели правопорядка. Правосознание как неотъемлемое качество субъектов права детерминирует особенности реализации ими правовых норм, в конечном итоге проявляясь как в психическом образе права, так и в массовом поведении по исполнению правовых предписаний. Итак, субъект права – центральное звено механизма формирования и укрепления правопорядка². А правопорядок может быть охарактеризован как постоянная деятельность субъектов права по реализации правовых норм, ориентированная на существующее в данный момент представление социума о должной модели правового поведения.³

И в условиях вышеуказанных проблем отчуждения личности от права и чрезмерной юридикации общества дальнейшее поддержание правопорядка и развитие правового государства, основанного на таких принципах, как демократизм, гуманизм, верховенство права, законность и пр., возможно лишь при внедрении юридических процедур, основанных на самостоятельном принятии решений участниками правоотношений. Это, во-первых, будет способствовать формированию высокого уровня правосознания граждан, во-вторых, позволит гражданам в демократичном режиме самим создавать комфортное правовое поле, основанное на диспозитивности, равенстве и свободе участия в правовой коммуникации, в-третьих, оптимизирует реализацию правовых норм, сделать более гибкой и подвижной правовую материю, которая будет соответствовать современным условиям жизни и адекватно ее регулировать.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аллахвердова О.В. Медиация - новая коммуникативная практика в разрешении конфликтов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. № 4. С. 31-49.
2. Аллахвердова О.В., Иванова Е.Н. История развития медиации // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2007. №2-2. С.73-77.

---

¹ Честнов И.Л. Человеческое измерение правовой реальности: на пути к формированию персоноцентристской теории права // Актуальные проблемы права в современной России : сб. науч. ст. / под ред. Д.А. Пашенцева. М., 2009. Вып. 10. С. 55.

² Денисенко В.В. Легитимация права с позиции иррациональности в теории юридического постмодернизма // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Право. 2015. №1. С.69-78.

³ Пашенцев Д. А., Черногор Н. Н. Правопорядок в контексте современной постклассической методологии // Юридическая наука. 2017. No 1. С. 16-22.

3. Беляев М.А. Проблематизация взаимного признания в трудах ученых Франкфуртской школы // Признание права и принцип формального равенства: Сборник трудов международной научной конференции (Воронеж, 10 – 11 июня 2015 г.) / М., 2015. – С. 146 – 160.
4. Бойко М. С. Базовый курс медиации: рефлексивные заметки / М. С. Бойко [и др.] ; под общ. ред. С. В. Лабода. Минск : Медисонт, 2011. 500 с.
5. Бринк Б. ван ден. Парадигма признания в социальной философии // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. – 2014. № 2. – С. 5-15.
6. Гавриков В.П. Законность и правопорядок как состояние, цель и результат правового регулирования//В книге: Научные труды Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского Сер. "Гуманитарные науки" Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского. 2015. С. 213-222.
7. Денисенко В.В. Легитимация права с позиции иррациональности в теории юридического постмодернизма // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Право. 2015. №1. С.69-78.
8. Денисенко В.В. Медиация в публичном и частном праве и ее необходимость с позиции современных теорий правопонимания // Мировой судья. 2015. № 8. С. 15–20.
9. Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М.: Росийская академия правосудия, 2012. 580 с.
10. Листопадова, Е.В. Правопорядок как форма организации общества / Е.В. Листопадова, Н.А. Мерецкая, С.Е. Туркулец // Право и правопорядок: вопросы теории и практики : сб. науч. Тр. / под общ. Ред. С.Е. Туркулец, Е.В. Листопадовой. – Хабаровск : Изд- во ДВГУПС, 2018. – С. 42–47.
11. Марк ван Хук Право как коммуникация / Пер. с англ. М. В. Антонова и А. В. Полякова. — СПб., 2012. – 288 с.
12. Никитяева Вера Владимировна Правопорядок и правосознание как элементы эффективного правового регулирования // Вестник ВИ МВД России. 2007. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravoporyadok-i-pravosoznanie-kak-elementy-effektivnogo-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 08.05.2019).
13. Пашенцев Д. А., Черногор Н. Н. Правопорядок в контексте современной постклассической методологии // Юридическая наука. 2017. No 1. С. 16-22.
14. Честнов, И.Л. Человеческое измерение правовой реальности: на пути к формированию персоноцентристской теории права // Актуальные проблемы права в современной России : сб. науч. ст. / под ред. Д.А. Пашенцева. – М., 2009. – Вып. 10.
15. Фастова, М. А. Медиация как фактор, влияющий на состояние правовой грамотности и правосознания граждан / М. А. Фастова // Правовая культура. - 2012. - № 2 (13). - С. 16-21.
16. Федеральный закон РФ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

**К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ДЕЯНИЯ,
СОПРЯЖЕННОГО С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ РЕЛИГИОЗНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ,
ПОСЯГАЮЩЕЙ НА ЖИЗНЬ И ЗДОРОВЬЕ ГРАЖДАН,
КАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩЕГО НА ОБЩЕСТВЕННУЮ
БЕЗОПАСНОСТЬ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРАВОПОРЯДОК**

Карина Николаевна Курова

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

В Российской Федерации провозглашено право на свободу совести и свободу вероисповедания, а также право разделять иные убеждения и действовать согласно им (ст. 28 Конституции Российской Федерации)¹. Данное положение соответствует международным правовым актам², однако, в отечественном законодательстве нет дефиниции, что следует понимать под свободой совести, а что - под свободой вероисповедания.

По общепринятому мнению, к «свободе вероисповедания» (так как данное право относится к настоящей теме нашего исследования) следует относить все, что касается именно верующих лиц, например, выбор лицом определенного вероисповедания, к которому он желает себя отнести и совершать религиозные действия согласно религиозным канонам определенного выбранного им исповедания.

В свою очередь, верующие лица имеют право в соответствии с Федеральным законом от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»³ создавать религиозные объединения для совместного исповедания и распространения определенного вероучения, при этом данные объединения могут быть созданы в форме религиозных групп (заключается в том, что она осуществляет свою деятельность без государственной регистрации и правоспособности юридического лица) или религиозных организаций (предполагает, что данная организация зарегистрирована, согласно законодательству России, в качестве юридического лица).

Не стоит забывать, что как на международном уровне, так и на отечественном законом предусмотрено ограничение права на свободу вероис-

---

¹ Конституция Российской Федерации : принята на всенародном голосовании 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2014. - № 31, ст. 4398.

² Всеобщая декларация прав человека от 10 дек. 1948 г. // Рос. газ. – 1995. – 5 апр. ; Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 дек. 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. - № 17, ст. 291 ; Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 нояб. 1950 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. - № 2, ст. 163.

³ О свободе совести и о религиозных объединениях : федер. закон Рос. Федерации от 26 сент. 1997 г. № 125-ФЗ (в ред. от 1.05.2019 г.) : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 19 сент. 1997 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 24 сент. 1997 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 1997. - № 39, ст. 4465; 2019. - № 18, ст. 2209.

поведания в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства¹.

В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 23 ноября 1999 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого пункта 3 статьи 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобами Религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения «Христианская церковь Прославления» акцентируется внимание на том, что «государство вправе предусмотреть определенные преграды, с тем, чтобы не предоставлять статус религиозной организации автоматически, не допускать легализации сект, нарушающих права человека и совершающих незаконные и преступные деяния, а также воспрепятствовать миссионерской деятельности (в том числе в связи с проблемой прозелитизма), если она несовместима с уважением к свободе мысли, совести и религии других и к иным конституционным правам и свободам, а именно сопровождается предложением материальных или социальных выгод с целью вербовки новых членов в церковь, неправомерным воздействием на людей, находящихся в нужде или в бедственном положении, психологическим давлением или угрозой применения насилия и т.п.»².

В связи с чем можно сказать, что ограничение данного права направлено на обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина от совершения противоправных деяний при реализации ими естественного права на свободу вероисповедания.

Также в Российской Федерации с учетом преобразований, начавшихся в конце 80-х гг. прошлого века в религиозной сфере, возникали новые религиозные течения и началась зарубежная миссионерская деятельность, в ре-

---

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 дек. 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. - № 17, ст. 291 ; Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 нояб. 1950 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. - № 2, ст. 163; Конституция Российской Федерации : принята на всенародном голосовании 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2014. - № 31, ст. 4398 ; О свободе совести и о религиозных объединениях : федер. закон Рос. Федерации от 26 сент. 1997 г. № 125-ФЗ (в ред. от 1.05.2019 г.) : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 19 сент. 1997 г. : одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 24 сент. 1997 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 1997. - № 39, ст. 4465; 2019. - № 18, ст. 2209.

² По делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого пункта 3 статьи 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобами Религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения «Христианская церковь Прославления» : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 23 нояб. 1999 г. № 16-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 1999. - № 51, ст. 6363.

зультате чего появилось достаточное количество вероучений, противоречащих действующему отечественному законодательству, например, к запрещенным религиозным объединениям относится: Местная религиозная организация «Славянская Община Капища Веды Перуна Духовного Управления Асгардской Веси Беловодья Древнерусской Инглистической церкви Православных Староверов-Инглингов», «Свидетели Иеговы» и многие другие, полный перечень которых предусмотрен на сайте Минюста России¹.

В свою очередь уголовно-правовое ограничение данного права предусмотрено в том числе и ст. 239 УК РФ, которая регламентирует ответственность за создание или участие в религиозном объединении, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью.

При этом необходимо отметить, что действующая редакция ст. 239 УК РФ - как и большинство норм Особенной части УК РФ, согласно анализу доктринальных точек зрения, имеет различные неточности технико-юридического конструирования². Так с учетом изложения ст. 239 УК РФ в новой редакции Федеральным законом от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ «О

---

¹ Перечень некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Министерство Юстиции Российской Федерации : [сайт]. URL: https://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret (дата обращения: 23.05.2019).

² Осокин Р. Б. Актуальные направления совершенствования уголовно-правовой нормы о служебном подлоге // Раскрытие и расследование преступлений в современных условиях: проблемы, тенденции, перспективы Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. Липецк : Липецкий государственный технический университет, 2006. С. 257-259 ; Амосов А. Е. Уголовная ответственность за незаконное заключение под стражу и содержание под стражей: проблема толкования законодательного текста // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 2 (7). С. 267-279 ; Осокин Р. Б. Эффективность уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 242 УК РФ // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 6 (86). С. 317-319 ; Осокин Р. Б. Проблемы противодействия преступлениям против общественной нравственности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Вып. 1 (93). С. 343-346 ; Горднова О. Н. Совершенствование законодательного описания гипотезы, диспозиции статьи 177 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности // Вестник Чувашского университета. 2012. № 2. С. 197-200 ; Вольдимарова Н. Г. О проблемах законодательного регулирования уголовной ответственности за налоговые преступления // Вестник Российской правовой академии. 2013. № 4. С. 62-65 ; Осокин Р. Б., Кокорев В. Г. Статья 148 УК РФ как гарантия права на свободу совести и вероисповеданий // Образовательные программы и профессиональные стандарты: поиск эффективного взаимодействия : сборник материалов по итогам Международной научнометодической конференции / под общ. ред. Е. А. Каменевой. М. : ИТКОР, 2016. С. 128-132 ; Бохан А. П., Бондарев С. П. К вопросу о совершенствовании диспозиций статей 264 и 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Общество и право. 2017. № 4 (62). С. 26-29 ; Сергунова М. А. Проблемы уголовной ответственности за несообщение о преступлении // Аллея науки. 2018. Т. 7. № 5 (21). С. 838-846.

внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» возникла коллизия между названием статьи и ее содержанием, так как в ней указываются два альтернативных деяния: 1) создание религиозного или общественно-общественного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью, а равно руководство таким объединением; 2) создание некоммерческой организации либо структурного подразделения иностранной некоммерческой и неправительственной организаций, деятельность которых сопряжена с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний¹.

В связи с этим можно сделать вывод, что наименование этой статьи уголовного закона указывает на второе деяние, отраженное в ней, поэтому отечественному законодателю необходимо изложить название данной статьи в новой редакции, учитывая и первое преступление, закрепленное в ней, что может выглядеть следующим образом: «Создание либо участие в религиозном, общественном объединении или некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан».

Приступая к анализу общественной опасности рассматриваемого нами преступления, следует указать, что оно соответствует охраняемым общественным отношениям, предусмотренным гл. 25 УК РФ, то есть виновное лицо при совершении данного преступления посягает на охраняемые уголовным законом общественные отношения, обеспечивающие здоровье населения и общественную нравственность, так как криминализация любого деяния обуславливается необходимостью защитить определенные группы общественных отношений. Поэтому с учетом диспозиции определенной статьи Особенной части УК РФ определяется в какую главу уголовного закона ее следует включить, тем самым конкретизируется группа общественных отношений, которые данная норма должна охранять.

Поэтому общественная опасность анализируемого нами деяния выражается в том, что при деструктивном вероисповедании нарушаются конституционные права и свободы человека и гражданина, а учитывая объект посягательства виновного лица, причиняется вред охраняемым общественным отношениям, в частности – здоровью населения и общественной нравственности. Кроме того, участники данных деструктивных вероучений, как правило, отказываются от реализации тех или иных прав, например, на оказание медицинской помощи, участие в выборах и т.п. В связи с этим причинение вреда охраняемым общественным отно-

---

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента : федер. закон Рос. Федерации от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ (в ред. от 04.06.2014 г.) : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 13 июля 2012 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 18 июля 2012 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2012. - № 30, ст. 4172; 2014. - № 23, ст. 2932.

шениям данной религиозной организацией явилось основанием криминализовать ответственность за подобное деяние.

Согласно случаям, обнародованным в СМИ, данное преступление сопровождается психическим насилием над гражданами, выражающимся в беседе на определенные религиозные темы, а также своеобразной подачей информации о вероучении, которая сопровождается психологическим воздействием на лицо, а также совершением ряда иных деяний, запрещенных российским законодательством¹.

Основополагающей опасностью деятельности деструктивных вероисповеданий является лишение человека возможности самостоятельно принимать решения, критически мыслить, иметь свою собственную точку зрения по определенному вопросу или совершению действия (бездействия).

Кроме того, необходимо учитывать, что в соответствии с п. 11 «Концепции общественной безопасности в Российской Федерации» одним из основных источников угроз общественной безопасности является экстремистская деятельность религиозных организаций и структур, которая сопряжена с нарушением единства государства и дестабилизацией обстановки в стране².

Как правило, анализируемые нами вероисповедания создают дестабилизацию в стране. При этом под общественным правопорядком, согласно общепринятому толкованию, понимается соблюдение законности, а также нормальная деятельность государственных и общественных институтов в соответствии с правом.

Также необходимо подчеркнуть, что подобное ограничение права на разделение того либо иного вероисповедания соответствует исторической правопреимственности российского законодательства (на чем акцентируют внимание многие ученые-криминалисты при исследовании той или иной нормы, в частности Особенной части УК РФ³). Обстоятельства подоб-

---

¹ Шесть самых опасных сект Москвы // Комсомольская правда : [сайт]. URL: <http://www.tambov.kp.ru/daily/23905/67474/> (дата обращения: 26.05.2019) ; «Учение» Бога Кузи : как любитель Шекспира основал прибыльную секту // РИА Новости : [сайт]. URL: <https://ria.ru/20180716/1524552378.html> (дата обращения: 26.05.2019)

² Концепция общественной безопасности в Российской Федерации [Электронный ресурс] : утв. Президентом Рос. Федерации 14 нояб. 2013 г. № Пр-2685. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Осокин Р. Б. Эволюция мошенничества и его способов по русскому уголовному законодательству досоветского периода // Актуальные проблемы уголовного законодательства и правоприменительной практики : материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. С. 148-154 ; Кунц Е. В. К вопросу о развитии отечественного уголовного законодательства об ответственности за возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 29 (244). С. 52-55 ; Осокин Р. Б. Генезис норм об уголовной ответственности за жестокое обращение с животными в досоветский период // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Вып. 12-1 (104). С. 396-399 ; Дворецкий М. Ю., Кокорев В. Г. Возникновение, развитие и пер-

ного ограничения были как политическими, так и объективными, о чем свидетельствует анализ положений Церковных уставов Владимира (Оленинской¹ и Синодальной² редакции), в которых регламентировалась ответственность за ересь, что представляло собой ограничение права на свободу вероисповедания, в связи с тем, что законодательство этого периода времени запрещало лицам исповедовать христианство (православие) по иным правилам, отличающимся от официально признанных Церковью.

Законы периода феодальной раздробленности и Судебники 1497 г. и 1550 г.³ не содержали ответственность за подобное деяние. Артикул воинский, принятый при Петре I, заключал в ст. 1 ответственность за идолопоклонничество⁴.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., предусматривало переход православных верующих в иное вероисповедание (данное положение было впервые отражено в ст. 24 гл. 22 Соборного уложения 1649 г.⁵) или еретическую секту, либо раскол. Причем в данном

спективы оптимизации в отечественном законодательстве вида наказания в форме лишения свободы на определенный срок в целях повышения эффективности уголовной ответственности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 12 (116). С. 502-508 ; Бородин А. В. Развитие уголовно-правовой ответственности в России за преступления против культурных ценностей // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10. № 11. С. 176-186 ; Кокорев В. Г. Уголовно-правовая охрана религиозных чувств верующих в России: история и современность // Традиции и новации в системе современного российского права : материалы IV Международной научно-практической конференции молодых ученых. М. : Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2015. С. 315-316 ; Миронов А. В. Уголовная ответственность за кражу в исторической ретроспективе // Вестник магистратуры. 2015. № 1-3 (40). С. 71-74 ; Осокин Р. Б., Кокорев В. Г. Реализация и уголовно-правовая охрана права на свободу вероисповедания в России: история и современность // Эволюция государства и права: история и современность : сборник научных статей II Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета / отв. ред. С. Г. Емельянов. Курс : Университетская книга. 2017. Ч. 1. С. 291-296.

¹ Оленинская редакция «Устава Князя Владимира Святославовича о десятинах, судах и людях церковных» // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Законодательство Древней Руси. М. : Юрид. лит., 1984. Т. 1. С. 140.

² Синодальная редакция «Устава Святого Князя Володимира, крестившаго русьскую землю, о церковных судах» // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Законодательство Древней Руси. М. : Юрид. лит., 1984. Т. 1. С. 149.

³ Судебник 1497 г. // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М. : Юрид. лит., 1985. Т. 2. С. 54-62 ; Судебник 1550 г. // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М. : Юрид. лит., 1985. Т. 2. С. 97-120.

⁴ Артикул воинский 1715 г. // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Законодательство периода становления абсолютизма. М. : Юрид. лит., 1986. Т. 4. С. 328-329.

⁵ Соборное Уложение 1649 года // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Акты Земских соборов. М. : Юрид. лит., 1985. Т. 3. С. 250

Уложении содержалось отделение 2 «О ересьях и расколах» ст.ст. 206-217¹, при этом вредными были признаны: духоборцы, иконоборцы, иудействующие, скопцы и иные религиозные течения, признанные ересью (ст. 207)². Особо необходимо указать, что уголовно-правовое ограничение права на свободу вероисповедания было обусловлено тем, что ересь соединена со свирепым изуверством и фанатическим посягательством на жизнь свою или иных адептов этого вероучения (ст. 212)³.

Уголовное уложение 1903 г. отразило подобные запреты в гл. 2 «О нарушении веру постановлений» (ст.ст. 80-96)⁴. В УК РСФСР 1922 г.⁵ и 1926 г.⁶ отсутствовало ограничение права на свободу вероисповедания. В свою очередь в УК РСФСР 1960 г. регламентировалась ответственность за подобное преступление в ст. 143.1 «Организация объединений, посягающих на личность и права граждан»⁷, как и в ст. 239 УК РФ.

С учетом вышесказанного, можно сделать вывод, что анализируемое нами преступление, предусмотренное ст. 239 УК РФ, полностью соответствует общественной опасности, а также исторической правопреемственности отечественного права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Амосов А. Е. Уголовная ответственность за незаконное заключение под стражу и содержание под стражей: проблема толкования законодательного текста // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 2 (7). С. 267-279.

2. Артикул воинский 1715 г. // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Законодательство периода становления абсолютизма. М. : Юрид. лит., 1986. Т. 4. С. 327-365

3. Бородин А. В. Развитие уголовно-правовой ответственности в России за преступления против культурных ценностей // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10. № 11. С. 176-186.

4. Бохан А. П., Бондарев С. П. К вопросу о совершенствовании диспозиций статей 264 и 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Общество и право. 2017. № 4 (62). С. 26-29.

5. Вольдимарова Н. Г. О проблемах законодательного регулирования уголовной ответственности за налоговые преступления // Вестник Российской правовой академии. 2013. № 4. С. 62-65.

6. Всеобщая декларация прав человека от 10 дек. 1948 г. // Рос. газ. – 1995. – 5 апр.

---

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство X-XX веков. Законодательство первой половины XIX века. М. : Юрид. лит., 1988. Т. 6. С. 217-220.

² Там же. С. 218.

³ Там же. С. 219.

⁴ Уголовное уложение 1903 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. СПб. : Государственная типография, 1905. Т. XXIII. Отделение 1. С. 189-191.

⁵ Уголовный кодекс РСФСР от 01 июня 1922 г. // СУ РСФСР. - 1922. - № 15, ст. 153.

⁶ Уголовный кодекс РСФСР от 22 нояб. 1926 г. // СУ РСФСР. - 1926. -№ 80, ст. 600.

⁷ Уголовный кодекс РСФСР от 27 окт. 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. - 1960. - № 40, ст. 591.

7. Городнова О. Н. Совершенствование законодательного описания гипотезы, диспозиции статьи 177 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности // Вестник Чувашского университета. 2012. № 2. С. 197-200.

8. Дворецкий М. Ю., Кокорев В. Г. Возникновение, развитие и перспективы оптимизации в отечественном законодательстве вида наказания в форме лишения свободы на определенный срок в целях повышения эффективности уголовной ответственности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 12 (116). С. 502-508.

9. Кокорев В. Г. Уголовно-правовая охрана религиозных чувств верующих в России: история и современность // Традиции и новации в системе современного российского права : материалы IV Международной научно-практической конференции молодых ученых. М. : Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2015. С. 315-316.

10. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 нояб. 1950 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. - № 2, ст. 163.

11. Конституция Российской Федерации : принята на всенародном голосовании 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2014. - № 31, ст. 4398.

12. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации [Электронный ресурс] : утв. Президентом Рос. Федерации 14 нояб. 2013 г. № Пр-2685. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Кунц Е. В. К вопросу о развитии отечественного уголовного законодательства об ответственности за возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 29 (244). С. 52-55.

14. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 дек. 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. - № 17, ст. 291.

15. Миронов А. В. Уголовная ответственность за кражу в исторической ретроспективе // Вестник магистратуры. 2015. № 1-3 (40). С. 71-74.

16. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента : федер. закон Рос. Федерации от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ (в ред. от 04.06.2014 г.) : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 13 июля 2012 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 18 июля 2012 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2012. - № 30, ст. 4172; 2014. - № 23, ст. 2932.

17. О свободе совести и о религиозных объединениях : федер. закон Рос. Федерации от 26 сент. 1997 г. № 125-ФЗ (в ред. от 1.05.2019 г.) : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 19 сент. 1997 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 24 сент. 1997 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 1997. - № 39, ст. 4465; 2019. - № 18, ст. 2209.

18. Оленинская редакция «Устава Князя Владимира Святославовича о десятинах, судах и людях церковных» // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Законодательство Древней Руси. М. : Юрид. лит., 1984. Т. 1. С. 139-140.

19. Осокин Р. Б. Актуальные направления совершенствования уголовно-правовой нормы о служебном подлоге // Раскрытие и расследование преступлений в современных условиях: проблемы, тенденции, перспективы Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. Липецк : Липецкий государственный технический университет, 2006. С. 257-259.

20. Осокин Р. Б. Генезис норм об уголовной ответственности за жестокое обращение с животными в досоветский период // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Вып. 12-1 (104). С. 396-399.

21. Осокин Р. Б. Проблемы противодействия преступлениям против общественной нравственности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Вып. 1 (93). С. 343-346.

22. Осокин Р. Б. Эволюция мошенничества и его способов по русскому уголовному законодательству досоветского периода // Актуальные проблемы уголовного законодательства и правоприменительной практики : материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. С. 148-154.

23. Осокин Р. Б. Эффективность уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 242 УК РФ // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 6 (86). С. 317-319.

24. Осокин Р. Б., Кокорев В. Г. Реализация и уголовно-правовая охрана права на свободу вероисповедания в России: история и современность // Эволюция государства и права: история и современность : сборник научных статей II Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета / отв. ред. С. Г. Емельянов. Курск : Университетская книга. 2017. Ч. 1. С. 291-296.

25. Осокин Р. Б., Кокорев В. Г. Статья 148 УК РФ как гарантия права на свободу совести и вероисповеданий // Образовательные программы и профессиональные стандарты: поиск эффективного взаимодействия : сборник материалов по итогам Международной научно-методической конференции / под общ. ред. Е. А. Каменевой. М. : ИТКОР, 2016. С. 128-132.

26. Перечень некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Министерство Юстиции Российской Федерации : [сайт]. URL: https://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret (дата обращения: 23.05.2019).

27. По делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого пункта 3 статьи 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобами Религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения «Христианская церковь Прославления» : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 23 ноября 1999 г. № 16-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 1999. - № 51, ст. 6363.

28. Сергунова М. А. Проблемы уголовной ответственности за несообщение о преступлении // Аллея науки. 2018. Т. 7. № 5 (21). С. 838-846.

29. Синодальная редакция «Устава Святого Князя Володимира, крестившего русскую землю, о церковных судах» // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Законодательство Древней Руси. М. : Юрид. лит., 1984. Т. 1. С. 148-150.

30. Соборное Уложение 1649 года // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Акты Земских соборов. М. : Юрид. лит., 1985. Т. 3. С. 83-257

31. Судебник 1497 г. // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М. : Юрид. лит., 1985. Т. 2. С. 54-62.

32. Судебник 1550 г. // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М. : Юрид. лит., 1985. Т. 2. С. 97-120.

33. Уголовное уложение 1903 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. СПб. : Государственная типография, 1905. Т. XXIII. Отделение 1. С. 177-274.

34. Уголовный кодекс РСФСР от 01 июня 1922 г. // СУ РСФСР. - 1922. - № 15, ст. 153.
35. Уголовный кодекс РСФСР от 22 нояб. 1926 г. // СУ РСФСР. - 1926. - № 80, ст. 600.
36. Уголовный кодекс РСФСР от 27 окт. 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. - 1960. - № 40, ст. 591.
37. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство X-XX веков. Законодательство первой половины XIX века. М. : Юрид. лит., 1988. Т. 6. С. 174-309.
38. «Учение» Бога Кузи : как любитель Шекспира основал прибыльную секту // РИА Новости : [сайт]. URL: <https://ria.ru/20180716/1524552378.html> (дата обращения: 26.05.2019).
39. Шесть самых опасных сект Москвы // Комсомольская правда : [сайт]. URL: <https://www.tambov.kp.ru/daily/23905/67474/> (дата обращения: 26.05.2019).

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ ПО «ЗАКОНАМ ХАММУРАПИ»: СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ВАВИЛОНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Владлен Арсенович Маргарян
Воронежский государственный университет

Аннотация: В статье рассматриваются отличительные особенности законов Хаммурапи, продиктованные историческими реалиями времени их появления. Анализируются значения преступления и меры их наказания.

Ключевые слова: законы Хаммурапи, примитивная правовая техника, казуистичность, формализм, традиция, объективное вменение, принцип талиона, преступление, наказание.

Важнейшим среди правовых памятников древнего Междуречья является свод законов вавилонского царя Хаммурапи¹ - первый известный современной науке подробный сборник писаных законов древневосточного государства, явившийся одним из самых значимых итогов правления шестого царя первой Вавилонской династии Хаммурапи (1792-1750 гг. до н.э.).

Будучи одним из первых, дошедших до нас памятников клинописного права, свод законов царя Хаммурапи представляет собой весьма значимую иллюстрацию-источник, заключающий в себе образцы многих современных нам норм и правил.

Именно поэтому специалисты различных отраслей российского права нередко обращаются к его тексту. Например, специалисты уголовного и уголовно-процессуального права, при изучении этого уникального памятника обнаруживают в его содержании, а точнее в ст. 5 свода законов Хаммурапи, первые антикоррупционные нормы². Подчеркивается также важное процессуальное значение правила ст. 5, так как здесь предусмат-

---

¹ Законы Хаммурапи // Хрестоматия по истории государства и права: История государства и права зарубежных стран. Т.1. Древний Восток. Античный мир. Средние века / Сост. Ю.А. Иванов, А.В. Киринос, В.А. Колесников, В.Н. Чернышев. - Воронеж, 1999. - С. 12-24.

² Иванов Ю.А., Кудрявцев А.Г. Законы Хаммурапи: характерные особенности и их неожиданное «эхо» в современном уголовном законодательстве России // Судебная власть и уголовный процесс. - 2018. - №3. - С. 136-137.

ривается следующие, что «если судья будет судить судебное дело, постановит решение, изготовит документ с печатью, а потом свое решение изменит, то этого судью должно изобличить в изменении решения, и он должен уплатить сумму иска, предъявленного в этом судебном деле, в 12-кратном размере, а также должен быть в собрании поднят со своего судебного кресла и не должен возвращаться и заседать с судьями на суде». В приведенном тексте ряд исследователей видит проявление содержательных основ принципа правовой определенности.

При этом с современных нам позиций подавляющее большинство правовых прообразов выполнены древнеавилонским законодателем не идеально. Изучая историю государства и права Древнего Вавилона и Месопотамии, исследователи законов Хаммурапи единогласно раскрывают причину данных обстоятельств: они отмечают специфические черты этого законодательного памятника, например, примитивную правовую технику, казуистичность, формализм, тесную связь права с ритуалом, символические процедуры.¹

Все эти параметры, с точки зрения сегодняшней законодательной техники весьма нелицеприятны. Так, в части регламентации уголовно-правовых положений, мы в действительности не находим в тексте законов царя Хаммурапи четкого понятия преступления, при этом закреплены составы конкретных преступных деяний, которые не всегда можно разграничить от иных правонарушений. В законах царя Хаммурапи также отсутствуют абстрактно сформулированные нормы, затрагивающие такие преступления, как убийство, кража, лжесвидетельство.²

Подобные характеристики не могут быть правильно интерпретированы без учета того очевидного факта, что и содержание, и структура законов Хаммурапи, о которой будет сказано далее, были обусловлены объективно протекавшими историческими процессами, уровнем развития общества, и цивилизации в самом широком смысле слова. Это касается, например, указания на теснейшую связь права и религиозно-морального ритуала,³ о чем свидетельствует тот факт, что перечень преступлений, закрепленный в законах Хаммурапи, в основном совпадал с перечнем тяжких грехов в вавилонской религиозной книге заклинаний «Шурпу» (XII в. до. н.э.). Речь, в частности, о таких деяниях, как кража (ст.6-8), предъявление ложного иска и обвинения (ст.11,126), грабеж (ст.22), пролитие крови (ст.206).

При этом, понятие греха и преступления разнились, ровно как отличались и подходы к ответственности за их совершение. Так, совершение греха было возможно и без вины, в то время как совершение преступления предполагало, пусть и не всегда последовательно, вину.

Другой исторически обусловленной особенностью законов Хаммурапи является упоминавшаяся ранее символическая многих правовых предписаний. Примером может служить ответственность кормилицы. Так, кормилица,

---

¹ Крашенинникова Н.А. История права Востока: курс лекций. - Москва, 1994. - С. 33.

² Там же.

³ Иванов Ю.А. История государства и права древневосточных цивилизаций. - Воронеж, 2012. - С. 40-41.

подменившая вверенного ей ребенка, каралась отрезанием груди (ст.194). Не менее значимой особенностью законов Хаммурапи является наличие правил объективного вменения, предполагавшего возложение ответственности на невиновное лицо. Например, если при обрушении построенного дома погибал сын хозяина, то следовало убить сына строителя (ст.230).¹

Как неотъемлемый признак эпохи должен восприниматься и отмеченный выше формализм права, правовых процедур, раскрывающийся в том, что соответствующие акты должны были сопровождаться ритуальными действиями (клятвами, жестами, религиозными гимнами), несоблюдение данных процедур приводило к тому, что необходимый правовой результат не достигался. В совершении судебного акта как акта справедливости часто предполагалось участие богов, например, бога Реки в случае использования ордалий, а именно испытания водой.² Необходимо отметить сохранившийся пережиток древних обычаев, который нашел отражение в законах Хаммурапи. Речь идет о «принципе талиона», по которому, например, «если авилум сломал кость авилуму, то надлежит сломать ему кость» (ст.197); коллективная ответственность общины: например, возмещение ею ущерба ограбленному на ее территории, если грабитель не пойман (ст.23).

Следует отметить упомянутую выше примитивность правовой техники законов царя Хаммурапи. Проявляется она, в частности, допущении самосуда. Так, если пришедший тушить пожар, был пойман на воровстве пожитков хозяина дома, должен быть здесь же брошен в огонь (ст.25). В законах Хаммурапи отсутствует разница между гражданским правонарушением и преступлением, происходит переплетение норм материального уголовного права и процессуальных норм.³

Подводя итог, можно сказать, что в своде законов Хаммурапи действительно нет четкой, обоснованной системы изложения правовых норм, что объективно обусловлено отсутствием в соответствующий исторический период как такового разделения правовых норм на отдельные отрасли, однако несмотря на это вавилонский царь Хаммурапи сумел провести ряд значительных новелл в правовой регламентации общественных отношений древневосточного государства, которые легли в основу вавилонского права на многие столетия. И, это, действительно, обуславливает неподдельный интерес к изучению содержания черного базальтового столба с текстом законов царя Хаммурапи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Законы Хаммурапи // Хрестоматия по истории государства и права: История государства и права зарубежных стран. Т.1. Древний Восток. Античный мир. Средние века / Сост. Ю.А. Иванов, А.В. Кирнос, В.А. Колесников, В.Н. Чернышев. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1999. – 560 с.

---

¹ Иванов Ю.А. История государства и права древневосточных цивилизаций. - Воронеж, 2012. - - С.41.

² Там же.

³ Иванов.Ю.А., Писаревский. Н.П. История до европейской эры: становление цивилизации, государства и права на Древнем Востоке. - Воронеж, 2017. - С. 102.

2. Иванов Ю.А., Кудрявцев А.Г. Законы Хаммурапи: характерные особенности и их неожиданное «эхо» в современном уголовном законодательстве России / Ю.А. Иванов, А.Г. Кудрявцев // Судебная власть и уголовный процесс. - 2018. - №3. - С. 136-147.

3. Крашенинникова Н.А. История права Востока: курс лекций // Н.А. Крашенинникова. - Москва: РОУ, 1994. - 168 с.

4. Иванов Ю.А. История государства и права древневосточных цивилизаций: учеб. пособие / Ю.А. Иванов. - Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2012. - 164 с.

5. Иванов Ю.А., Писаревский Н.П. История до европейской эры: становление цивилизации, государства и права на Древнем Востоке: монография / Ю.А. Иванов, Н.П. Писаревский. - Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. - 195 с.

6. Федоров К.Г. История государства и права зарубежных стран: учеб. пособие / К.Г. Федоров. - Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1977. - 456 с.

7. Семигин Г.Ю. Антология мировой правовой мысли. Т.1 Античность. Восточные цивилизации / Г.Ю. Семигин. - Москва: Мысль, 1999. - 750 с.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА В ПОДДЕРЖАНИИ ПРАВОВОГО ПОРЯДКА

Вячеслав Борисович Недиков
*Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

В самом широком смысле правопорядок понимается как такое состояние упорядоченности общественных отношений, при котором все их участники соблюдают установленные в данном обществе правовые нормы и является одновременно и целью, и результатом правового регулирования этих отношений. Конечно, предположить подобную идеальную ситуацию - общество всеобщего благоденствия, где каждым бы соблюдались действующие законы, - было бы абсурдом, но и полную анархию и беззаконие современному человеку также довольно сложно представить. На этой условной линейке «состояния правового порядка» мы находимся между двух ее крайностей. Представляется, что подобное положение обеспечивается определенными механизмами, в том числе и правовыми, одним из которых является охранительное и регулирующее воздействие уголовного права.

В общей теории права получила распространение точка зрения, согласно которой уголовное право не имеет предмета регулирования и, соответственно, не регулирует никакие общественные отношения. Эту функцию осуществляют другие отрасли права: гражданское, трудовое, экологическое, административное, налоговое право и другие. Уголовное же право лишь охраняет регулируемые ими общественные отношения, являясь своеобразным средством их обеспечения.¹ Такие взгляды высказаны и в уголовно-правовой литературе. Так, А.А. Пионтковский считал, что «уголовные законы с их карательными санкциями за правонарушения придают

---

¹ Лейст О.Э. Санкции в советском праве. М., 1962 г. С. 105-106; Теория государства и права / отв. ред. А.И. Королев, Л.С. Явич. Л., 1987. С. 407.

особую силу уже существующим нормам других отраслей права (и соответствующим им правоотношениям), нарушение которых признается преступлением».¹ В.Г. Смирнов также считает, что уголовно-правовые нормы не регулируют отношения, но охраняют общественный порядок.²

Отрицание наличия у уголовного права самостоятельного предмета регулирования не является чем-то новым и оригинальным. Еще во второй половине XIX века немецкий криминолог К. Биндинг считал, что уголовная противоправность выражается в других отраслях права.³ Однако подобное понимание уголовно-правовой нормы вызвало обоснованную критику уже у представителей «классической» школы. Н.С. Таганцев показал несостоятельность теории Биндинга, ссылаясь на принятие государством новых уголовных кодексов, в которых всегда были, есть и будут нормы, не нашедшие своего выражения в других отраслях права и обладающие самостоятельной юридической природой.⁴ Аналогичный довод приводил и Н.Д. Дурманов, указавший на наличие ряда уголовно-правовых запретов, являющихся исключительно уголовно-правовыми и не дублирующими запреты других отраслей права, например запреты большинства посягательств против личности, которые не предусмотрены ни одной другой отраслью права, кроме уголовного.⁵

Сведение функций уголовного права лишь к охранительной нередко приводит к расширению сферы охраняемых им общественных отношений. В юридической литературе встречаются утверждения, что нормы уголовного права являются средством охраны всех общественных отношений, регулируемых другими отраслями права.⁶ На мой взгляд, это является явным преувеличением охранительной роли уголовного права. Уголовно-правовой запрет является особым способом обеспечения охраны важнейших прав, свобод и интересов личности, общества и государства, и в то же время надежным гарантом исполнения гражданами определенных обязанностей по отношению к обществу и государству. Исходя из этого понимания сущности уголовно-правового запрета, можно прийти к выводу о необходимости ограничения сферы их действия, так как чрезмерное вмешательство уголовного права в общественную жизнь приводит к отрицательным последствиям для личности, общества и государства, которое само же запреты и устанавливает.

Близким правопорядку понятием является законность – это такой политико-правовой режим, при котором граждане, организации, должностные лица и государственные органы соблюдают закон. В то же время законность является предпосылкой становления правового порядка, так как

---

¹ Курс советского уголовного права / под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. М., 1970. Т. 1. С. 12.

² Смирнов В.Г. Правоотношение в уголовном праве // Правоведение. 1961. № 3. С. 89.

³ Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву: Вып. 1. СПб., 1887. С. 108.

⁴ Там же. С. 108-109.

⁵ Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. М., 1967. С. 96.

⁶ Теория государства и права / отв. ред. А.И. Королев, Л.С. Явич. Л., 1987. С. 407.

правопорядок является понятием более широким. Думается, что стремление государства к обеспечению правового порядка раскрывается в повсеместном закреплении принципа законности – его правовой основы.

На основе всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что правопорядок обеспечивается силой государственного принуждения, в том числе и неотъемлемой его частью – уголовно-правовым принуждением. Оно в свою очередь раскрывается не только через существование уголовно-правовых запретов, которыми переполнена Особенная часть Уголовного кодекса, но и через реализацию институтов общей части уголовного права – уголовную ответственность, наказание, иные меры уголовно-правового характера и т.д.

И уголовная ответственность, и наказание являются ответной реакцией государства на совершенное лицом преступление, которое в контексте данной статьи стоит рассматривать как акт нарушения сложившегося правового порядка. Но оба этих последствия не обязательно следуют за совершением преступления - государство предоставило лицу множество возможностей для избежания или минимизации претерпевания им лишений в связи с совершением преступления – добровольный отказ от совершения преступления; обстоятельства, смягчающие наказание; разнообразные виды освобождения от уголовной ответственности или от наказания.

Особое место в системе мер уголовно-правовой охраны правопорядка занимает уголовное наказание. В Уголовном кодексе перечислены цели, с которыми государство связывает назначение лицу, преступившему закон, наказания. Во-первых, это восстановление социальной справедливости, толкуемое как восстановление справедливости для потерпевших, с одной стороны, и справедливое наказание виновного – с другой.¹ Многие ученые считают, что объективных критериев достижения данной цели не существует, поэтому ее законодательное закрепление не является обоснованным.²

Вторая цель наказания - исправление осужденного. Согласно ст. 9 УИК РФ, исправление есть «формирование у осужденного уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения». Ю.Е. Пудовочкин дал следующую оценку данному законодательному определению: «...В этой формуле нашел отражение так называемый «широкий» взгляд на исправление «моральное», «нравственное», при котором «ценности человеческого общежития осужденный соблюдает глубоко осознанно, а не из-за боязни нового наказания».³ Несмотря на это большинство ученых придерживаются иного взгляда: термин исправле-

---

¹ Курс уголовного права. Общая часть: учебник для вузов. Том 1. Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – М.: Зерцало, 2011. – С. 21.

² Уголовное право России. Часть Общая: учебник для вузов / отв. ред. Л. Л. Кругликов, 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – С. 350.

³ Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / под ред. А.И. Зубкова. М., 1997. – С. 19.

ние следует понимать лишь в смысле «юридическом», т.е. как такую коррекцию поведения осужденного, при которой он не совершает более новых преступлений независимо от мотивов (так называемый «узкий» подход к исправлению).

И, наконец, последняя цель - предупреждение совершения новых преступлений. По данному вопросу единства мнений в теории уголовного права так же не сложилось. Одни авторы выделяют в рамках данной цели общую (воздействие наказания на социально-неустойчивых лиц, удерживающее их от преступных действий) и частную (воздействие на самого преступника, в результате которого он отказывается от повторной преступной деятельности) превенцию.¹ В этой связи особое внимание стоит уделить цели общей превенции. На мой взгляд, она обладает самым большим охранительным воздействием, так как вынуждает лица с маргинальным типом правомерного поведения соблюдать нормы права через устрашение последних самим фактом существования наказания за деяние. Здесь можно вспомнить знаменитый интернет-мем из сообществ АУЕ направленности:

«– Что сдерживает тебя от убийства, брат?

– Ст. 105 УК РФ, брат».

В завершение, подытожив все вышесказанное, хочется сказать, что уголовное право является важным средством поддержания правового порядка, важным, но далеко не единственным. Можно ли обеспечить абсолютный правопорядок силами уголовного права? Как говорит знаменитый политолог, доцент Института общественных наук РАНХиГС и член СПЧ при Президенте РФ Е.М. Шульман: «Ответ читайте в нашей новой книге «Нет!».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лейст О.Э. Санкции в советском праве. М., 1962 г. С. 105-106; Теория государства и права / отв. ред. А.И. Королев, Л.С. Явич. Л., 1987. С. 407; Курс советского уголовного права / под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. М., 1970. Т. 1.
2. Смирнов В.Г. Правоотношение в уголовном праве // Правоведение. 1961. № 3.
3. Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву: Вып. 1. СПб., 1887.
4. Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. М., 1967.
5. Теория государства и права / отв. ред. А.И. Королев, Л.С. Явич. Л., 1987.
6. Курс уголовного права. Общая часть: учебник для вузов. Том 1. Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – М.: Зерцало, 2011.
7. Уголовное право России. Часть Общая: учебник для вузов / отв. ред. Л. Л. Кругликов, 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005.
8. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / под ред. А.И. Зубкова. М., 1997.
9. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М., 1997.

---

¹ Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М., 1997. – С. 414.

ПРАВОПОРЯДОК КАК ЧАСТЬ БИОПОЛИТИКИ В КОНЦЕПЦИЯХ М. ФУКО

Елизавета Максимовна Переславцева
Воронежский государственный университет

Аннотация: статья посвящена анализу реализации биополитики и дисциплинарной власти в значениях, определенных М. Фуко, правовыми способами. Правопорядок рассматривается как категория, обладающая собственными границами (установленными запрещающими нормами), но в то же время «нормой», неким стандартом поведения (задаваемым дозволяющими и обязывающими нормами); в то же время он эффективно сочетается с порядком — неправовыми способами государственного воздействия на человеческий капитал. Предметом экологической власти является формирование и улучшение человеческого капитала, а именно «компетенций-машин», оцениваемых экономически.

Ключевые слова: правопорядок, биополитика, дисциплинарная власть, человеческий капитал.

Несмотря на иррационализаторские устремления и идеи деконструкции реального, которыми пронизывался XX век и которые все еще актуальны сейчас, технологии власти все еще эксплуатируют рационализаторский подход к управлению (по-видимому, за неимением альтернативы). Онтология рационализма, поставившая своей задачей исследование взаимоотношения субстанций и правил, по которым они взаимодействуют, привела не просто к исследованию мира как совокупности определенно расположенных объектов, но к выведению законов физического бытия объектов, формирующих наличное бытие такого мира (отсюда картезианская, ньютоновская физики и т.п.) Похожий научный подход к человеку попытались применить в XVIII-XIX веке, когда меняется подход к форме и способу применения наказаний за совершенные преступления. Публичная казнь, призванная восстановить поправное величие власти суверена, заменяется механизмом преобразования тела осужденного, возвращающим его к «нормальности»¹, делающим его надлежащим членом общества. Вместе с тем, основоположники такого подхода полагали, что такой механизм подлежит индивидуализации с учетом характеристик преступника в целях классификации преступлений: «учитывать глубинную природу самого преступника, возможную степень его порочности, внутренние качества его воли»². Желание установить непосредственную связь между наказанием и преступлением влечет изобретение разнообразных и разнородных наказаний: лишение свободы, лишение гражданских прав, штраф, конфискация, сожжение и т.д.³, что направлено на корректировку самой механики интереса к преступлению⁴.

---

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. См. с. 27-28. С. 28: «<...> приговор, который осуждает или оправдывает, является не просто суждением о виновности, правовым решением, устанавливающим наказание; он содержит в себе оценку нормальности и техническое предписание о возможной нормализации».

² Там же. С. 121.

³ Там же. См. с. 128-129.

⁴ Там же. См. с. 130.

В реальности же подход оказался несколько иным: хотя мера воздействия была преимущественно одинаковой для всех (и чаще всего это было тюремное заключение¹), выработавшаяся дисциплинарная практика позволила дифференцировать индивидов в соответствии с их свойствами и вместе с тем объединять их на общем пути к норме. Тюрьма Распхёйс 1596 г. с ее строгим распорядком дня, запретами и обязанностями, непрерывным надзором, свойственными тюрьмам пространственной и иерархической сегрегациями стала своего рода предтечей будущих дисциплинарных институтов. Хотя работа «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» Мишеля Фуко в исторической ретроспективе обращается в первую очередь к опыту уголовных наказаний, в дальнейшем он признает, что цели и способы уголовно-исполнительных и дисциплинарных практик расходятся. «Главная функция судебного наказания – указывать на свод законов и текстов, которые необходимо помнить, а не на совокупность наблюдаемых явлений; оно действует не посредством дифференциации индивидов, а путем спецификации поступков в соответствии с рядом общих категорий; не посредством установления иерархии, а куда проще – путем применения бинарного противопоставления дозволенного и запрещенного, не приводя к однородности, а вынося приговор и тем самым устанавливая непреложный раздел. Дисциплинарные механизмы выделили «наказание согласно норме», не сводимое в своих принципах и функционировании к традиционному наказанию согласно закону»².

Вместе с тем, на мой взгляд, категория правопорядка как правомерно-го поведения участников общественных отношений³ не исчерпывается бинарностью состояний преступления-отсутствия преступления. Если рассматривать правопорядок как «антипод хаосу, анархии, неорганизованности»⁴, то следующее принципу законности состояние правовых отношений требует их установления в определенном порядке. Рассматривая принцип «не запрещенное законом дозволено», Н.И. Матузов и А.В. Малько находят его допустимым только для физических и юридических лиц в гражданско-правовой деятельности, тогда как государственные властные структуры и должностные лица должны придерживаться принципа «можно только то, что прямо разрешено законом»⁵. Совокупность этих принципов можно понимать не только как самоограничение государства в пользу свободы индивида; это и граница государственного влияния, и установление «правил игры». «Принцип дозволения — это ставка на до-

---

¹ Там же. См. с. 141, 143.

² Там же. С. 224.

³ См. Большой юридический словарь. — М.: Инфра-М. А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, М., 2003.

⁴ Юнусов А. А. Правопорядок, общественный порядок и права человека // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2007. №4 (76). С. 37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravoporyadok-obschestvennyy-poryadok-i-prava-cheloveka> (дата обращения: 30.06.2019).

⁵ Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник / 5-е изд., испр. и доп. М.: ИД Дело РАНХиГС, 2017. С. 61.

верие и добросовестность самих субъектов общественных отношений, на те механизмы и стимулы, которые определяют их поведение (мотивы, цели, интересы)»¹, «принцип "не запрещенное дозволено" эффективен, как уже говорилось, лишь при наличии твердого нравственного фундамента, устойчивых традиций законопослушания, культуры, внутренней готовности к самоограничению»². Объективно, расчет государства на следование индивидов внеправовым регуляторам общественных отношений допустим, если подобное поведение, как минимум, не угрожает верховенству государственной власти, а как максимум — способствует эффективности общественного производства. Эти регуляторы можно устанавливать с помощью порядка (использования дисциплинарной власти, биовласти). Но, кроме того, правовая норма не равна запрещающей норме; отсутствие преступления наблюдается и при отступлении от дозволенной, и в ряде случаев от предписывающей нормы (в случае пустых санкций). В состоянии отсутствия преступления оказывается область и некоторой «золотой середины», нормы, следование которой поощряется государством.

Рождение биополитики начинается со смещения фокуса с индивидуального воздействия на тело на управление коллективом таких тел. Хотя дисциплинарные институты (школа, тюрьма, больница и т.д.) все еще имеют место, государство в большей степени заинтересовано в индивиде как *homo economicus*, способном принести материальную выгоду. Анализируя исследования американских неолибералов, Фуко отмечает, что они первыми отошли от рассмотрения труда (как фактора производства благ) в качестве «абстракции» к его сущности как реального факта капитализма³. Экономика начинает рассматриваться как «наука о человеческом поведении как отношении между целями и средствами, имеющими взаимоисключающее назначение»⁴. Субститутивный выбор (выбор способа приложения ограниченных ресурсов для конкурирующих и непересекающихся целей) приложения труда напрямую зависит от располагаемого капитала — совокупности «всех физических и психологических факторов, которыми обладает тот, кто способен получать ту или иную заработную плату». Соответственно, чтобы ускорить производство благ, необходимо модернизировать человеческий капитал, неотделимый от фигуры самого трудящегося — «компетенции-машины» — с помощью хорошей генетической оснащенности и приобретенных улучшений. Вторые конституируют компетенцию индивида на протяжении всей его жизни. Фуко приводит яркий пример со влиянием времени, которое родители посвящают своим детям, на их будущую адаптивность. Проводится экологический анализ жизни индивида: все, окружающее его, анализируется на предмет стимуляции производства человеческого капитала. По сути, биополитику можно охарактеризовать

---

¹ Там же. С. 62.

² Там же. С. 65.

³ Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году / М.: Наука, 2010. С. 280-281.

⁴ Там же. С. 281.

как эпистемологическую рационализацию управления. Нормализации тела предшествует знание об этом теле, о потенциале его максимально эффективного функционирования, в который можно инвестировать.

Правопорядок, дисциплинарная власть, биополитика в целом тесно объединены общим субъектом. Государство как суверена можно охарактеризовать тем, что как субъект общественных отношений оно оказывается фактически не связанным правом, издаваемым им. Карл Шмитт называет сувереном того, «в чьей компетенции должен быть случай, для которого не предусмотрена никакая компетенция»¹ — чрезвычайное положение. Право на нарушение правопорядка является неотъемлемой чертой суверенитета государства², а следовательно, оно находится фактически и над, и вне создаваемого права. Перманентное пребывание в чрезвычайном положении, как его полагает Агамбен³, позволяет производить порядок в помощь правопорядку для осуществления биовласти и дисциплинарной власти. Рукопись лекции от 21 марта 1979 г. содержит следующий текст в пронумерованных листах:

«<...> великая идея о том, что закон — это принцип правительственной умеренности, оказалась неадекватной: — потому что «закон» не существует как (принцип?). Мы (можем составить?) столько законов, сколько захотим, преступление перед законом является частью системы законов.

[3 страница] потому что закон может функционировать только будучи уравновешиваем чем-то иным, что выступает противовесом, просветом, дополнением; запрет.

Следует

1 изменить концепцию закона или, по крайней мере, прояснить его функцию. Иначе говоря, не смешивать его форму (которая всегда состоит в том, чтобы запрещать или принуждать) и его функцию, которая должна быть функцией регулирования игры. Закон — это то, что должно благоприятствовать игре, т. е. [...] ациям, инициативам, переменам, и позволять каждому быть рациональным субъектом, т. е. максимизировать функции полезности»⁴.

С учетом заполненных лагун текста, возникновение порядка, не связанного непосредственно с законом, является необходимым элементом такой игры. Он уравновешивает закон в качестве противовеса — как представляется оппозиция правовых и неправовых методов регулирования, —

---

¹ Шмитт К. Политическая теология. С. 22. Цит. по: Иванов В.В. Теория государства. М.: Территория будущего, 2010. С. 14.

² Иванов В.В. Теория государства. М.: Территория будущего, 2010. С. 14.

³ Агамбен Дж. Homo Sacer. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2010. С. 134-135: «На всей планете не осталось места, где не действовало бы чрезвычайное положение. Правительства могут совершенно безнаказанно пренебрегать нормативным характером права и приносить его в жертву своему произволу, игнорируя международное право, существующее за пределами их государств, и устанавливать внутри своих государств перманентное чрезвычайное положение <...>».

⁴ Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году / М.: Наука, 2010. С. 325-326.

но в то же время дополняет его в таком качестве, которое, на мой взгляд, создает иллюзию свободного выбора. Экологическое вмешательство в жизнь индивида, в отличие от дисциплинарного, позволяет устанавливать для него гибкие рамки, дает волю свободе и случайности; но в то же время каждая из случайностей подвергается экономическому просчету.

Одной из наиболее взаимосвязанных с телом человека и в то же время экономически проанализированной является гендерная биополитика, результаты которой проявляются довольно остро. Многие, на первый взгляд, обыденные естественные и социальные действия гражданина оказываются настолько урегулированными установленной политикой государства, что его свобода воли не просто ограничивается, но трансформируется в определенную биополитическую модель. Продолжая тему формирования человеческого капитала, можно отметить, что биополитика, сплетаясь с правопорядком, обнаруживает себя в самом его зарождении — репродуктивной политике. Существуют страны, в которых аборт запрещен полностью (Никарагуа, Сальвадор, Мальта, Филиппины, Ватикан), в ряде стран они допускаются только при угрозе жизни и здоровью женщины, некоторые страны допускают его проведение также по социально-экономическим показаниям и в случаях изнасилования. Показательны случаи Савиты Халаппанавар и Аманды Меллет, произошедшие в Ирландии в период полного законодательного запрета абортов (до отмены восьмой поправки к Конституции Ирландии в 2018 году). В октябре 2012 года Савита Халаппанавар на 17 неделе беременности обратилась в госпиталь, где была констатирована угроза здоровью, но в связи с тем, что сердце плода продолжало биться, ей не была оказана необходимая медицинская помощь; вскорости женщина умерла от сепсиса¹. В 2011 году Аманда Меллет была вынуждена отправиться в Великобританию для абортирования плода с синдромом Эдвардса в степени, летальной для ребенка, и не получила компенсации от государства вплоть до решения суда и вмешательства Центра репродуктивных прав и Комитета по правам человека ООН². Движение за легализацию абортов существовало в Ирландии с 1992 года, в то время как референдум за отмену восьмой поправки был проведен лишь в 2018 году. Необходимы были многочисленные смертельные исходы, массовое недовольство, предупреждение ООН, чтобы заменить политику принудительного формирования человеческого капитала на, по крайней мере, добровольно-принудительную. Основным аргументом в ограниче-

---

¹ How Savita Halappanavar's Death Spurred Ireland's Abortion Rights Campaign / The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2018/05/27/world/europe/savita-halappanavar-ireland-abortion.html> (дата обращения: 22.06.2019).

² Ireland compensates woman forced to travel to Britain for an abortion / The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/nov/30/ireland-compensates-abortion-amanda-mellet-britain> (дата обращения: 22.06.2019). См. также: How an Irish-American woman's legal case helped spur Ireland's abortion referendum / The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/world/europe/how-an-irish-american-womans-legal-case-helped-spur-irelands-abortion-referendum/2018/05/16/c84e506e-4d7a-11e8-85c1-9326c4511033_story.html?noredirect=on&utm_term=.35355290e93f (дата обращения: 22.06.2019).

нии права на аборт служит «право на жизнь с момента зачатия». В данном случае даже не имеет значения, с какого момента развития плода начинается его жизнь, которую можно охарактеризовать как человеческую. Важно то, что самая минимальная единица человеческого капитала, эмбрион, еще не способный даже к самостоятельному существованию, оказывается ценнее жизни его матери, которая тем самым в принципе исключается из ряда «компетенций-машин». Точнее, это репродуктивная «компетенция-машина», оказывающаяся существенно ниже рангом, например, «компетенции-машины» рабочего завода или директора компании (разумеется, если они не обременены деторождением).

Структурно репродуктивную политику удобно рассмотреть на примере российской ситуации. Добровольная принудительность репродукции начинает действовать еще до момента зачатия. Акции «Они могли бы увидеть солнце», «Подари мне жизнь», «Право на жизнь», общественное движение «За жизнь», финансируемые из федерального бюджета, политика РПЦ с трактовкой аборт как убийств создают мем деторождения как обязательного элемента «нормального» функционирования женщины в качестве «компетенции-машины»¹. Почти в каждом уголке России появляются перинатальные центры. Программа материнского капитала, установленная Федеральным законом от 29.12.2006 N 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», стабильно продлевается каждый год. Создание искусственного «стеклянного потолка»² в сфере труда (Постановление Правительства РФ от 25.02.2000 N 162 «Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин») превентивно уничтожает субститутивный выбор. (Вредные и опасные условия — для жизни и здоровья каждой отдельно взятой женщины? Или для «компетенции-машины»?)

Зеркальным отражением присвоения репродуктивной функции является гендерное квотирование, распространенное в странах Западной Европы и Северной Америки³. Внутренне продиктованное естественно-правовыми устремлениями к справедливости, равноправию и ликвидации дискримина-

---

¹ См. также: Нормой в России должна стать семья с тремя детьми, считает Путин / РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20121212/914450194.html> (дата обращения: 22.06.2019).

² «Стекло́нный потоло́к» - невидимые и формально не обозначенные барьеры, которые препятствуют карьерному росту женщин. Обладая одинаковым либо превосходящим, по сравнению с коллегами-мужчинами, уровнем профессионализма, женщины, тем не менее, "останавливаются" в карьерном росте чаще всего на уровне исполнителей, или же, в лучшем случае, становятся заместителями руководителя. Эти барьеры обусловлены как глубокими гендерными стереотипами о второстепенности роли женщин вообще, об ограниченности их способностей, так и так называемым *страхом успеха* <...>, которому подвержены многие работающие женщины». Цит. по: Стекло́нный потоло́к // Словарь гендерных терминов / под ред. Денисовой А. А. М.: Информация XXI век, 2002.

³ Подробнее см.: Степанова Н.М. Опыт исследования гендерных квот в странах Западной Европы // Общественные науки и современность. 1999. № 4. С. 185-192.

ции требование включить женщин в реализацию политической повестки (в основном гендерное квотирование касается представительных органов власти и руководящих органов компаний), по сути, также трансформировалось в пользу экономического накопления капитала. Материализованная надежда на желанную профессиональную реализацию повышает мотивацию женщин к труду, как и любая льгота. В то же время квота сохраняет идею ограничения — это все еще лишь допуск в профессию, отсеивающий тех, кто не получил наилучшей квалификации. Искусственное повышение конкуренции называется и на привилегированных группах — как с учетом ужесточения отбора, так и под впечатлением «уязвленного самолюбия» и неприятия перемен. В то же время выгодоприобретатель соблюдает баланс, задействуя оба пола на равных как рабочую силу и использующую их же на равных для реализации репродуктивной стратегии. Как правило, в тех же странах «победившего феминизма второй волны» распространен равный декретный отпуск для женщин и мужчин, причем не только в тексте закона (например, в Швеции он реализуется на равных обоими родителями с учетом выплат, максимальных при его использовании напололам¹). Ребенок же становится заботой не только матери (компетенция которой как машины трансформируется в трудовую), но и в большей степени государства: оно обязует создавать детские пространства на рабочих местах, предоставляет государственных нянь², увеличивает количество детских садов и время нахождения в них.

Суммируя вышесказанное, можно прийти к выводу, что контекст правопорядка в экологическом способе государственного вмешательства, или биополитике является амбивалентным. Это и линия демаркации между преступлением и не-преступлением, и способ нормализации посредством предписания, и способ производства свободы выбора посредством дозволений. В то же время он не может действовать без «порядка» — неправовых, но скорее мететических средств регулирования, создающих нужную среду для развития капитализируемого потенциала индивидов. Если дисциплинарная власть продуцировала солдат, послушников и рабочих, то объект приложения биовласти — скорее исследователь и изобретатель. Правопорядок предоставляет ему гарантии и определенную свободу действий; но вместе с тем подчиняет экономической выгоде государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Литература:

1. Агамбен Дж. Номо Сасер. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2010.
2. Словарь гендерных терминов / под ред. Денисовой А. А. М.: Информация XXI век, 2002.

---

¹ Как шведские папы проводят дни в декрете и делят его с мамами / Мел. URL: <https://mel.fm/blog/anastasia-n/37081-kak-shvedskiye-papy-provodyat-dni-v-dekrete-i-delyat-ego-s-mamami> (дата обращения: 22.06.2019).

² Айдольбами и к маме на работу: как живут дошкольники в Южной Корее / Мел. URL: <https://mel.fm/blog/tikhiye-yabloni/46092-aidolbomi-i-k-mame-na-rabotu-kak-zhivut-doshkolniki-v-yuzhnoy-koreye> (дата обращения: 22.06.2019).

3. Иванов В.В. Теория государства. М.: Территория будущего, 2010.
4. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник / 5-е изд., испр. и доп. М.: ИД Дело РАНХиГС, 2017.
5. Степанова Н.М. Опыт исследования гендерных квот в странах Западной Европы // Общественные науки и современность. 1999. № 4. С. 185-192.
6. Сухарев А.Я., Крутских В.Е., Сухарева А.Я. Большой юридический словарь / М.: Инфра-М, 2003.
7. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
8. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году / М.: Наука, 2010.

Интернет-источники:

1. How an Irish-American woman's legal case helped spur Ireland's abortion referendum / The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/world/europe/how-an-irish-american-womans-legal-case-helped-spur-irelands-abortion-referendum/2018/05/16/c84e506e-4d7a-11e8-85c1-9326c4511033_story.html?noredirect=on&utm_term=.35355290e93f (дата обращения: 22.06.2019).
2. How Savita Halappanavar's Death Spurred Ireland's Abortion Rights Campaign / The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2018/05/27/world/europe/savita-halappanavar-ireland-abortion.html> (дата обращения: 22.06.2019).
3. Ireland compensates woman forced to travel to Britain for an abortion / The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/nov/30/ireland-compensates-abortion-amanda-mellet-britain> (дата обращения: 22.06.2019).
4. Аидольбомы и к маме на работу: как живут дошкольники в Южной Корее / Мел. URL: <https://mel.fm/blog/tikhiye-yabloni/46092-aidolbomi-i-k-mame-na-rabotu-kak-zhivut-doshkolniki-v-yuzhnoy-koreye> (дата обращения: 22.06.2019).
5. Как шведские папы проводят дни в декрете и делят его с мамами / Мел. URL: <https://mel.fm/blog/anastasia-n/37081-kak-shvedskiye-papy-provodyat-dni-v-dekrete-i-delyat-ego-s-mamami> (дата обращения: 22.06.2019).
6. Нормой в России должна стать семья с тремя детьми, считает Путин / РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20121212/914450194.html> (дата обращения: 22.06.2019).

ПРОБЛЕМЫ ПРИНЯТИЯ ПУБЛИЧНО-ЗНАЧИМЫХ РЕШЕНИЙ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Анастасия Игоревна Пожилых
Егор Павлович Бородин
Воронежский государственный университет

Аннотация: В статье раскрывается содержание правопорядка и общественного порядка, дается их определение, исследуется процесс взаимосвязи правопорядка с общественным порядком, рассматриваются возможности реализации правовой активности граждан в охране правопорядка.

Ключевые слова: Правопорядок, общественный порядок, охрана общественного порядка.

Существование демократического и, следовательно, правового государства неразрывно связано с развитием института непосредственной

демократии на уровне местного самоуправления. Данный институт является неотъемлемой частью гражданского общества и одновременно механизмом его формирования.

Согласно ст. 12 Конституции Российской Федерации в Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление, которое самостоятельно в пределах своих полномочий. Также органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Кроме того, согласно ч. 1 ст. 3 Конституции Российской Федерации закреплено, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Это положение является исходным для закрепления демократической природы Российской Федерации¹.

Исходя из данных положений следует, что местное самоуправление в Российской Федерации – признаваемая и гарантируемая Конституцией Российской Федерации самостоятельная деятельность населения по решению вопросов местного значения непосредственно или через органы местного самоуправления.

Таким образом, в настоящее время местное самоуправление является одной из основ конституционного строя, форм народовластия, гарантий права населения на самостоятельное решение вопросов местного значения путем самоорганизации граждан.

Среди ученых существуют разные позиции по вопросу толкования термина «народовластие». По мнению Н. И. Матузова, «сущность демократии при социализме состоит в подлинном народовластии, выражающем тот факт, что народ – у власти, реально правит, властвует, управляет, решает все дела общества и государства, определяет их судьбу, политику, пользуется всеми основными социальными благами и ценностями»².

Как отмечал О. Е. Кутафин, в условиях народовластия осуществление власти конституируется, легитимируется и контролируется народом³.

Можно прийти к выводу, что народовластие – это конституционно установленная и гарантируемая принадлежность всей власти многонациональному народу России, которая выражается в праве граждан Российской Федерации свободно осуществлять власть своей волей для удовлетворения потребностей интересов в различных сферах жизнедеятельности, используя для этого предусмотренные Конституцией Российской Федерации и действующим законодательством Российской Федерации методы.

Местное самоуправление как деятельность населения муниципально-образовательного образования по осуществлению власти на определенной территории

---

¹ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008, от 30.12.2008, от 05.02.2014). // Собрание законодательства РФ. — 04.08.2014. — N 31. — Ст. 4398.

² Матузов, Н. И. Личность. Права. Демократия: Теоретические проблемы субъективного права / Н. И. Матузов. – Саратов : Изд-во Саратовск. ун-та, 1972.

³ Козлова, Е. И. Конституционное право России : учеб. / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин. – 3-е изд. – М. : Юристъ, 2002.

имеет свои формы реализации, закрепленные Конституцией РФ и конкретизированные в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Основной Закон о местном самоуправлении). Указанный закон предполагает при решении вопросов местного значения сочетание форм непосредственной и представительной демократии. При этом, называя непосредственные формы демократии, в которых может быть осуществлено местное самоуправление, разделяет их на два вида:

- а) формы непосредственного осуществления местного самоуправления населением;
- б) формы участия населения в осуществлении местного самоуправления. Определим различия данных форм.

В основном Законе о местном самоуправлении детально по сравнению с прежним федеральным законом 1995 г. (далее – Закон 1995 г.) регламентирован порядок реализации этих форм. Итак, к формам прямого волеизъявления законодатель относит:

- 1) местный референдум;
- 2) муниципальные выборы;
- 3) голосование по отзыву депутата, и другого выборного лица местного самоуправления, голосование по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования;
- 4) сход граждан
- 5) правотворческая инициатива граждан;
- 6) территориальное общественное самоуправление;
- 7) публичные слушания;
- 8) собрания граждан;
- 9) конференции граждан (собрание делегатов);
- 10) опрос граждан;
- 11) обращения граждан в органы местного самоуправления¹.

Этот перечень не является исчерпывающим. Однако, как показывает правоприменительная практика, помимо указанных форм другие формы не используются, поскольку предложенные законодателем настолько объемны, что население не может ими воспользоваться в той мере, в какой это необходимо для эффективного функционирования института местного самоуправления.

Рассмотрим некоторые проблемы развития форм реализации населением права на местное самоуправление.

Наиболее демократическая форма - местный референдум, однако его значение, как в целом, и степень участия населения в решении вопросов местного значения до некоторой степени уменьшены. Проблема здесь, по нашему мнению, состоит в том, что нормы, регламентирующие проведение местного референдума, содержат излишне жесткие требования к данной процедуре.

---

¹ См.: Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федер. закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ// Российская газета – 2003 . – №202. Ст. – 1.

Также трудно согласиться с решениями об исключении института "порога явки" избирателей, когда выборы могут состояться при любом количестве проголосовавших, поскольку в этом случае в небольших муниципальных образованиях (городских и сельских поселениях) выборы могут стать профанацией.

Следует также отметить, что институт правотворческой инициативы нуждается в совершенствовании. Субъектам Российской Федерации необходимо предоставить возможность установления дополнительных гарантий для реализации права граждан на обращение в органы местного самоуправления.

Дело в том, что ФЗ "О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации"¹ обходит вниманием деятельность муниципальных предприятий, учреждений и других подобных организаций. Жители муниципальных образований в повседневной жизни сталкиваются с ними даже чаще, чем с органами и должностными лицами местного самоуправления. Но право на обращение к ним не устанавливается федеральным законом. В связи с этим необходимо урегулировать этот вопрос, причем именно на уровне субъектов Российской Федерации. Так как здесь имеется более четкое представление об особенностях деятельности в муниципальных образованиях данных структур.

Публичные слушания – относительно новая форма прямой демократии, подлежащая обязательному применению на местном уровне согласно ст. 28 ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации".

Ее цель – обсуждение проектов муниципальных правовых актов по вопросам местного значения. Но положения законодательства, регулирующие данный институт, представляются нам спорными. Так, вопрос об участниках публичных слушаний урегулирован и в федеральном законодательстве, и в муниципальных правовых актах явно недостаточно, в результате чего в практике встречаются конфликтные ситуации. Видится, что участниками публичных слушаний в муниципальном образовании могут быть все, изъявившие желание жители, при этом степень участия может быть разной: можно просто присутствовать, а можно выступать со своими предложениями.

Однако главной проблемой, с которой сталкивается реализация данной формы местного самоуправления, является вопрос помещений, в которых проходят слушания и, как правило, нехватка места всем желающим.

Мы предлагаем следующие пути решения данной проблемы: в случае нехватки мест в зале проведения публичных слушаний целесообразно организовать их видеотрансляцию по общедоступным каналам связи (Интернет, региональное телевидение) либо назначить дополнительные публичные слушания.

---

¹ См.: О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федер. закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ// Собрание законодательства РФ – 2006. – №19. Ст. – 2060.

Кроме того, нельзя не отметить, что становление современного гражданского общества, дальнейшее развитие местного самоуправления непосредственно связано с политико-правовой активностью граждан.

Основным препятствием на пути к формированию гражданского общества и повышению гражданской активности служит нежелание граждан участвовать в управлении муниципальным образованием. Для привлечения граждан к участию в местном самоуправлении необходимо должное информационное обеспечение событий, происходящих в муниципальном образовании. Для того, чтобы население было хорошо информировано о его законодательной базе, социально-экономическом положении муниципальной власти, задачах, которые ставит перед собой муниципальная власть, и роли, которую могут сыграть жители в решении этих задач.

Но порой граждане, которые готовы проявить свою гражданскую позицию сталкиваются с проблемами, связанными с недостаточно эффективной работой должностных лиц. Это результат, приходим к выводу, недостаточного взаимодействия между должностными лицами и населением.

В этой области можно выделить следующие проблемы: несвоевременное и некачественное рассмотрение обращений, отсутствие отлаженной системы делопроизводства и действенного контроля за деятельностью должностных лиц.

Зачастую гражданам приходится сталкиваться с низкой исполнительской дисциплиной, грубостью, некомпетентностью, несоблюдением законодательства отдельными должностными лицами. Нарушение права на обращение проявляется в том, что заявители получают ничем не обоснованные ответы, либо им вообще не даётся никаких ответов, который они могли бы обжаловать в суде.

Таким образом, местному самоуправлению не может сопутствовать успех, если жители в данном муниципальном образовании пребывают в состоянии апатии, дезорганизации и не располагают в нем сеть общественных структур, способных мобилизовать и четко выразить волю большинства.

Пассивность населения, его нежелание участвовать в решении местных проблем, может быть преодолена лишь активностью органов местного самоуправления по созданию необходимых условия для обеспечения прав граждан на участие в осуществлении местного самоуправления¹.

Кроме того, гражданам следует понять, что местный уровень власти – это самый короткий и прямой путь к решению насущных, жизненно важных для населения проблем. И после того, как население почувствует настоящую заинтересованность органов местного самоуправления в выявлении мнения жителей, в привлечении их к реальному, а не формальному обсуждению актуальных проблем местной жизни, к тому, чтобы люди своим посильным участием помогли в решении конкретных вопро-

---

¹ Бялкина Т.М. О некоторых вопросах реализации конституционного права граждан на осуществление местного самоуправления / Т. М. Бялкина. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2019.

сов, направленных на экономическое и социально-культурное развитие муниципальных образований – оно не останется равнодушным.

Мы полагаем, что реализация наших предложений, равно как и других в подобном направлении, позволит переломить сложившуюся на сегодняшний день тенденцию развития местного самоуправления и в большей мере приблизить его к сущности местного самоуправления, вытекающей из норм Конституции Российской Федерации.

ИДЕОЛОГИЯ КЛАССИЧЕСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Ярослав Игоревич Севрюков

Воронежский государственный университет

Аннотация: в статье рассматривается содержание идеологии классического либерализма. Исследуются взгляды мыслителей, заложивших основу теории либерализма. Анализируются принципы либерализма, такие как свобода, частная собственность, безопасность, право на защиту от насилия. Обосновывается вывод о том, что идеология классического либерализма дала толчок многим современным идеям об организации общественной жизни.

Ключевые слова: идеология, либерализм, конкуренция, свобода, собственность, общество, рынок, государство.

THE IDEOLOGY OF CLASSICAL LIBERALISM

Sevryukov Y. I.

Voronezh State University

Abstract: the article considers the content of the ideology of classical liberalism. The views of thinkers who laid the foundation of the theory of liberalism are explored. Principles of liberalism, such as freedom, private property, safety, the right for protection against violence are analyzed. The conclusion is that the ideology of classical liberalism gave rise to many modern ideas about the organization of social life.

Key words: ideology, liberalism, competition, freedom, property, society, market, state.

Либерализм – одна из ведущих идеологий в современном мире, особенно она популярна в странах Западной Европы и США. Но, помимо этого, последние столетия либеральные идеи широко распространяются по всему миру. Об этом пишет американский политолог Фрэнсис Фукуяма: «Не приходится сомневаться, что рост либеральной демократии вместе с ее спутником, экономическим либерализмом, является самым удивительным политическим феноменом последних четырехсот лет»¹. В России идеи либерализма с недавнего времени имеют некоторую популярность, а Конституцию РФ некоторые правоведы считают одной из самых либеральных в мире.

Так как либерализм является одной из разновидностей идеологии, следует рассмотреть сущность идеологии вообще в целом.

---

¹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004. С. 33.

По мнению автора, идеология – это некая система ценностей, идеалов сформулированная определенной группой лиц, внедряемая в общество для формирования у населения определённого мировоззрения и миропонимания в целях управления массовым сознанием. Идеология не является застывшей системой, а развивается со временем в зависимости от исторического этапа развития социума. Исходя из определения, можно сделать вывод, что идеология в самом общем смысле служит для того, чтобы управлять массами людей и общественным сознанием. И как правильно подмечено различными исследователями, управлять массами без внедрения в их сознание какой-либо идеологии чрезвычайно тяжело и даже практически невозможно. Внедрение может происходить различными способами: от школьной скамьи, через средства массовой информации, внедрение в культуру и так далее¹.

Можно утверждать, что приверженцы любой идеологии для осуществления власти или проведения в жизнь своих интересов, говорят населению: «мы ставим перед собой задачу решить проблемы, унаследованные обществом от прошлого, при этом, по возможности, не создавая новых проблем». Вот несколько примеров: «Либерализм всегда исходил из блага для всех людей, а не для какой-либо особой группы. Именно это пытались выразить английские утилитаристы - хотя, по правде говоря, не совсем точно - в известной формуле: «Величайшее счастье для величайшего числа людей»²; другой пример: «Коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время в движении сегодняшнего дня они отстаивают и будущее движения»³.

Как было сказано выше, задачей идеологии является управление обществом. И для осуществления этой цели представители различных идеологических течений решают следующие задачи, а именно:

- 1) формируют у массы населения определённую картину мира, формирует у членов общества определённую систему взглядов и идей, а также мировоззрение,
- 2) культивируют различные ценности,
- 3) представляют народу некий идеал общественной жизни, к которому общество должно стремиться, вследствие этого
- 4) представляют различные способы достижения этого идеала.

После определения задач перейдём непосредственно к идеологии либерализма.

Либерализм - социально-политическое учение и общественное движение, основной идеей которого является самодостаточная ценность свободы индивида в экономической, политической и других сферах жизни общества. В Европе понятие либерализм связано с классическими тео-

---

¹См.: Сорокина Ю.В. Идеология и политическая власть. // Политика и общество. 2010. №2.

²Мизес Л. Либерализм. М., 2007. С. 26

³Маркс К. Манифест коммунистической партии. / Собр. соч.: В 4 т. М., 1985. Т.1. С. 808.

риями английских политэкономов, в которых развивалась мысль о невмешательстве государства в экономику¹.

Принято считать, что изначально либералами называли тех, кто делал акцент на свободу индивида, то есть создание свободного автономного пространства для личности. По сути, классическое понимание либерализма можно назвать учением о поиске форм развития личности, совместимого с развитием общества. Причем важно сказать, что для сторонников либерализма свобода является высшей ценностью, выше каких-либо других ценностных ориентиров, во имя которых эту самую свободу нужно ограничивать для блага общества. Правда, ради справедливости стоит сказать, что некоторые современные либеральные мыслители, в отличие от классиков делают оговорку: «Свободу – да, саму свободу иногда надо ограничить, чтобы накормить голодных, одеть не одетых и приютить бездомных; чтобы не посягать на свободу других; чтобы осуществлять справедливость»².

Внутри страны либералы отстаивали свободную конкуренцию как средство уменьшения государственного вмешательства в экономику и, соответственно, увеличения роли индивида в экономической деятельности. Государству отводилась роль «ночного сторожа» в экономике.

Некоторые из них также считали, что свобода торговли является средством мирного взаимодействия разных стран и что международная торговля может искоренить войну между народами. «Но именно поэтому должно наступить время, когда торговля заменит войну. Мы подошли к такому времени»³ - таково было утверждение Бенжамена Констана, одного из самых влиятельных французских теоретиков либерализма. По его мнению, цель войны и торговли одна – извлечение прибыли. Он утверждал, что война — это удел древних народов, так как была неразвита торговля. И страны воевали ради того, чтобы победители завладели благами проигравших. Так как с развитием торговли ту же самую прибыль можно извлечь без применения насилия, об этом он пишет так: «Война предшествует коммерции, ибо война и коммерция представляют собой ни что иное, как два различных способа достижения одной цели: обладать тем, чего желаешь. Коммерция есть только дань силе обладателя со стороны того, кто стремится к обладанию. Это попытка по взаимному согласию получить то, что не надеются больше получить насильем»⁴. Из этого следует, что, по мнению Констана, нации и народы не будут больше воевать, а будут торговать. Но, как показала практика, эта гипотеза оказалась ошибочной.

В политической области либералы отстаивали идеи представительной власти, идеи правового государства. Некоторые современные идеологи ошибочно отождествляют либерализм и демократическую форму

---

¹ См.: Грицанов А.А. Новейший философский словарь. Минск, 1999.

² Берлин И. Философия свободы. М., 2001. С. 18.

³ Констан Б. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей. Политические исследования. 1993. № 2. С. 98.

⁴ Там же. С. 99.

правления. Яркий пример тому, что это не так, – взгляды одного из основоположников классической либеральной мысли Дж. Милля, который поддержал закон о бедных 1834 года. Этот закон, по сути, приравнивал бедность к преступлению. А также Милль был против всеобщего избирательного права.

К идеологам классического либерализма, то есть тем, кто стоял у истоков либеральной мысли, относят таких мыслителей как Джон Локк (1632-1704), Джон Стюарт Милль (1806-1873), Бенжамен Констан (1767-1830), Иеремия Бентам (1748-1832), Герберт Спенсер (1820-1903). Среди тех, кто повлиял на так называемую экономическую теорию, можно назвать Адама Смита (1723-1790), Давида Рикардо (1772-1823), Томаса Мальтуса (1766-1834).

Именно они провозгласили такие основополагающие принципы либерализма как:

- 1) Свобода
  - 2) Частная собственность
  - 3) Осуществление экономической деятельности, основанной на принципах «free-trade» (свободная торговля) и «laissez-faire, laissez-passer» (предоставьте свободу действий, не мешайте)
  - 4) Безопасность личности на посягательство на неё извне
  - 5) Право на защиту от насилия
- Теперь рассмотрим каждый принцип по отдельности.

Итак, первый принцип классического либерализма — это свобода. В философском словаре свобода характеризуется как одна из основополагающих для европейской культуры идей, отражающая такое отношение субъекта к своим актам, при котором он является их определяющей причиной и они, стало быть, непосредственно не обусловлены природными, социальными, межличностно-коммуникативными, индивидуально-внутренними или индивидуально-родовыми факторами¹. Классики либеральной мысли выдвигают индивида и его интересы на первый план. Стоит отметить, что споры по поводу того, что же понимается под словом свобода, ведутся в философской и политической мысли очень давно, об этом подметил в своей известной книге философ Монтескье: «Нет слова, которое получило бы столько разнообразных значений и провозводило бы столь различное впечатление на умы, как слово свобода»². Если говорить о свободе так как её трактуют теоретики либерализма, то наилучшим образом это отражено в следующих высказываниях: «До тех же пор, пока образ действий человека касается только лично его самого, свобода его действий должна по закону считаться неограниченной. Человек есть неограниченный властелин над самим собой, над своим телом и своей душой. <...> область индивидуальной свободы ограничивается человеческой личностью.»³ - писал Дж. Милль в Англии; во Франции Констан говорил: «Наша

---

¹ См.: Степин В.С. Новая философская энциклопедия. М., 2010.

² Монтескье Ш.Л. О духе законов. // Собр. соч.: В 2 т. М., 1985. Т.1. С. 150.

³ Милль Дж. О свободе. СПб., 1990. С. 28.

свобода должна заключаться в мирном пользовании личной независимостью. <...> Я повторяю: личная свобода – вот подлинная современная свобода»¹. Они признавали свободу необходимой частью человеческого бытия, а именно свободу мысли, свободу слова, свободу совести и вероисповедания. Об этом экономист Джон Кейнс пишет так: «Истинной целью выдвижения индивида на первый план было умаление роли монархии и церкви. Результатом же явилось обоснование собственности и исконного права; и этот результат был достигнут с помощью новой этики, придавшей большее значение договорным основам общественных отношений»².

Вторым принципом либерализма является частная собственность. Все теоретики либерализма обосновывают необходимость существования частной собственности для более благоприятной жизни общества. Однако, расхождения присутствуют в вопросах её происхождения и трактовки данного понятия. Если говорить по поводу возникновения частной собственности, можно сказать, что одни считают её неотъемлемым естественным правом человека, данным от рождения, другие - следствием законодательства. К первым относятся такие мыслители как Джон Локк, ко вторым такие как Бентам, Милль. Бентам в своих рассуждениях прямо говорил, что «собственность и закон родились вместе и умрут вместе. До закона не было собственности; устраните закон, и собственность перестанет существовать»³. Если говорить по поводу трактовки данного понятия, то у Дж. Локка оно обоснованно так: «человек рождается, имея право на полную свободу и неограниченное пользование всеми правами и привилегиями естественного закона в такой же мере, как всякий другой человек или любые другие люди в мире, и он по природе обладает властью не только охранять свою собственность, то есть жизнь, свободу и имущество, от повреждений и нападений со стороны других людей, но также судить и наказывать за нарушение этого закона других, как того заслуживает, по его убеждению, данное преступление»⁴. Из этих строк видно, что Локк понимает под собственностью не только, как принято считать в современном понимании этого слова, различные материальные блага и средства производства. Он трактует понятие собственность гораздо шире. Он относит к понятию собственности такие элементы как жизнь, свободу, имущество, а также право индивида на защиту от посягательства на них других членов общества.

Следующим принципом является рыночная экономика и наличие конкуренции. Если говорить о теоретиках, то большой вклад в развитие теории рынка и свободной конкуренции впоследствии составили основу рыночной экономикой, внесли такие деятели как Адам Смит, Давид Ри-

---

¹Констан Б. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей. Политические исследования. 1993. № 2. С. 101.

²Кейнс Дж. Конец laissez-faire // <https://allendy.ru/drugie-knigi/494-keins-konec.html> (дата обращения: 07.05.2019)

³Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М., 1998. С. 17.

⁴Локк Дж. Два трактата о правлении. // Собр. соч.: В 2 т. М., 1985. Т.1. С. 204.

кардо, Джон Стюарт Милль, Томас Мальтус. Принято считать, что главные принципы данной экономической доктрины являются: «free-trade» (свободная торговля) и «laissez-faire, laissez-passer» (предоставьте свободу действий, не мешайте). Однако принципа laissez-faire, как правильно подметил американский экономист Джон Кейнс, не найти в трудах Рикардо, Смита, Мальтуса¹. По мнению Айн Рэнд (и это является наиболее распространённой точкой зрения), данный принцип был впервые высказан во Франции, предпринимателем Лежандром государственному деятелю Жан-Батисту Кольберу: «Что нужно сделать, чтобы помочь вам?» - спросил Кольбер. «Позволить нам действовать самостоятельно», - ответил Лежандр². Однако, по мнению уже вышеупомянутого экономиста Кейнса данный принцип был наиболее чётко оформлен и сформулирован маркизом д'Арженсоном, об этом он пишет так: «Однако нет никаких сомнений в том, что первым, кто написал эту фразу и отнес ее к соответствующей доктрине, был маркиз д'Арженсон, и это произошло в 1751 г. Маркиз был первым, кто яростно боролся за свободу торговли, доказывая ее экономические преимущества. Он говорил, что управлять лучше — значит управлять меньше»³. Впоследствии данный лозунг был взят на вооружение популяризаторами и вульгаризаторами и был широко распространён в Западных странах, до периода кризисов начала XXвека. К этому в последствии критически отнесётся экономист, сторонник свободного рынка, Фридрих фон Хайек. В своём самом известном труде «Дорога к рабству» он прямо пишет: «Наверное, ничто так не повредило либерализму, как настойчивость некоторых его приверженцев, твердолобо защищавших какие-нибудь эмпирические правила, прежде всего laissez-faire»⁴. Если обобщить взгляды всех выше приведённых классиков политической экономии (Смит, Рикардо, Мальтус, Милль), то они сводятся к следующему: благоприятна для страны такая экономическая система, при которой роль государственного вмешательства в экономику минимальна, государству отводится роль охраны собственности и наблюдения за тем, чтобы участники рынка соблюдали правила игры. И действительно, если посмотреть, то, основываясь на этих принципах, в странах Запада, в период промышленных революций, был бурный экономический рост. Однако, как показала практика, полное следование данным принципам не приводит к долгосрочному экономическому развитию и реализации формулы «общего блага для каждой личности». Поэтому с времен великой депрессии в США у всех выдающихся экономистов в умах начинает витать мысль о том, что последствия полной неограниченной конкуренции бывают катастрофическими. Из этого следует, что теоретики начали говорить, а различные деятели применять меры по поводу вмешательства государ-

---

¹ Кейнс Дж. Конец laissez-faire // <https://allendy.ru/drugie-knigi/494-keins-konec.html> (дата обращения: 07.05.2019)

² Рэнд А. Капитализм. Незнакомый идеал. М., 2011. С. 173.

³ Кейнс Дж. Конец laissez-faire. // <https://allendy.ru/drugie-knigi/494-keins-konec.html> (дата обращения: 07.05.2019)

⁴ Хайек Ф. Дорога к рабству. М., 2005. С. 44.

ства в экономическую деятельность. Яркий тому пример – это так называемый «новый курс» Рузвельта. Государством была оказана помощь фермерам и фермерским кооперативам, был введен контроль за рыночно-сельскохозяйственных продуктов, решительное улучшение рабочего законодательства, поддержку школ, здравоохранения и прочих социально важных объектов, были созданы временные администрации для оказания помощи безработным. Были приняты такие законодательные акты, которые способствовали улучшению положения в банковской сфере, в сфере кредитования, в 1933 году был принят «Закон о восстановлении промышленности», который по мнению многих исследователей является одним из главным законодательным актом в «новом курсе»: «Закон о восстановлении промышленности»¹ (National Industrial Recovery Act — НИРА) — самый значительный в законодательстве «нового курса». Как указывается в преамбуле закона «для стимулирования восстановления национальной промышленности, поддержания добросовестной конкуренции, обеспечения развития определенных полезных общественных работ и других целей»². Также можно привести пример развития трудового и социального законодательства, которое до этого времени считалось немислимым. Пример тому – это Закон Вагнера³, который в 1935 году впервые на общенациональном уровне разрешил деятельность профсоюзных организаций. Статья 7 этого закона гласит о следующем: «Работники имеют право на самоорганизацию, формирование, вступление или содействие профсоюзным организациям, участвовать в переговорах о заключении коллективного договора через представителей по их выбору и участвовать в другой деятельности, связанной с переговорами о заключении коллективного договора, оказанием другой взаимной помощи или защите, а также имеют право воздерживаться от такой деятельности, за исключением того, что такое право может быть затронуто соглашением, требующем членство в профсоюзной организации в качестве условия найма согласно статье 8»⁴. Однако и до этого тоже принимались различные попытки вмешаться в саморегулируемую рыночную стихию, так как она приводила к появлению гигантских монополии и больших трестов, которые приводили в тому, что ограничивали и ставили под угрозу принципы конкуренции и свободной торговли. Так как фирмы-монополисты, а особенно их объединение (тресты) приводят к ухудшению экономической деятельности и разорению малых и средних предприятий. А разорение малых и средних предприятий само собой привело к катастрофическим последствиям, а именно к наибольшему социальному расслоению, был большой уровень недовольства против крупных фирм среди средних слоев, рабочих, фермерства, интеллигенции, осуждающих монополии как угрозу для благосостояния народных масс. Как пишет американский эконо-

---

¹ Фридман Л. Введение в американское право (приложение). М. 1992. С. 17.

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 101.

⁴ Там же. С. 103.

номист Джон Гэлбрейт: «В 1928 году 5% наиболее обеспеченных граждан США располагали более чем третью общих доходов населения»¹.

Чтобы предотвратить эти негативные последствия в 1890 году был принят так называемый Закон Шермана «Акт с целью защиты торговли и коммерции от незаконных ограничений и монополии»². Как сказано в экономическом словаре: «данный правовой акт, направленный на борьбу с монополиями и необоснованными ограничениями свободной конкуренции. Принят в США в 1890г. Автор законопроекта -американский сенатор Дж. Шерман.

Закон запрещает: а) соглашения, объединения и тайный сговор по ограничению торговли; б) монополизацию и попытки тайного сговора о монополизации. Лица, участвующие в таких соглашениях, подвергаются штрафу или тюремному заключению на срок не более одного года, либо тому и другому по решению суда. Согласно закону, фирма, контролирующая более 65% рынка, могла быть обвинена в попытке монополизации. Однако там, где господствовали несколько фирм (олигополия), обвинение в попытках монополизации снималось. В развитие закона в 1914 г. был принят второй по значению антитрестовский акт - Закон Клейтона³. В нем некоторые положения Закона Шермана были смягчены и уточнены. В настоящее время антимонопольные законы действуют во всех экономически развитых странах. Они способствуют развитию совершенной конкуренции, росту экономики»⁴.

Появляется вопрос: насколько глубоко государство может вмешиваться в экономическую деятельность, чтобы при этом не ущемлять свободу участников рынка? Стоит сказать, что ответа на него до сих пор нет, нет универсального решения для всех государств, которые называют себя странами с развитой рыночной экономикой. Да и само название «рыночная экономика» не совсем корректно. Пример тому один из самых популярных учебников по экономической теории под названием «Экономикс. Принципы, проблемы и политика», написанный Макконнеллом К.Р., Брю С.Л. и Флинном Ш.М., который переиздавался уже 19 раз и по нему учатся большинство студентов по всему миру в том числе и в России. Этот учебник уже не использует такое понятие как «рыночная экономика» применительно к сегодняшнему времени, а вместо этого используется понятие «страны со смешанной экономикой». Другой американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике Пол Самуэльсон в своём учебнике, который является самой популярной книгой по экономике, прямо описывает экономику западных стран как «смешанную», об этом он пишет так: «С конца XIX в. почти во всех странах происходило неуклонное расширение экономических функций государства. Мы оставим историкам описание главных факторов, лежащих в основе этого важного и получившего всеобщее распространение процесса. Здесь достаточно сказать лишь, что наша экономическая система — это «смешанная» система свободного предпринимательства, экономический контроль в которой осуществляется со стороны как

---

¹ Гэлбрейт Дж. К. Великий крах 1929 года. Минск. 2009. С. 19.

² Фридман Л. Введение в американское право. М. 1992. С. 69.

³ Там же. С. 77.

⁴ Грицанов А.А. Новейший философский словарь. Минск. 1999.

общества, так и частных институтов»¹. И это действительно корректно, ведь если посмотреть, то уже нет такой страны с развитой экономикой, где государство совсем не вмешивается в экономику.

Четвертый принцип состоит в том, что либеральные теоретики говорили о необходимости отдельного автономного пространства для личности и отсутствии права вмешиваться в рамки этого пространства. То есть государство должно охранять права граждан на жизнь, свободу, имущество. И они искали пути минимизировать давление на неё (личность) извне, будь то государство или какой-либо другой общественный институт.

Пятый принцип прямо следует из предыдущего, а именно, отказ от необоснованного насилия над человеком за его взгляды и убеждения, которые не разделяют другие члены общества. Насилие и принуждение должно применяться только государственными органами и только в рамках закона. Об этом Констан говорил так: «право каждого подчиняться одним только законам, не быть подвергнутым ни дурному обращению, ни аресту, ни заключению, ни смертной казни вследствие произвола одного или нескольких индивидов»². Закон, по мнению, теоретиков либерализма, не должен регулировать те отношения, которые касаются лично человека, пока он не причиняет вреда другим.

Если подводить итоги, то идеология классического либерализма дала определённый существенный толчок идеям об организации общественной жизни, в рамках которой человек будет иметь право на свободу выбора, свободу совести и вероисповедания, при этом никто не может посягнуть на его безопасность. Чтобы достичь данного блага, по их мнению, должны существовать такие экономические отношения, где существует свободная конкуренция и свободный обмен между субъектами экономической деятельности, в связи с этим формируются различные политические и экономические теории. Они существенно влияли и до сих пор существенно влияют на умы различных мыслителей по всему миру.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1) Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. / И. Бентам. М., 1998. 198 с.
- 2) Берлин И. Философия свободы. М., 2001. 448 с.
- 3) Грицанов А.А. Новейший философский словарь. Минск. 1999.
- 4) Гэлбрейт, Дж. К. Великий крах 1929 года. Минск.: Попурри, 2009. 250 с.
- 5) Кейнс Дж. Конец laissez-faire. // <https://allendy.ru/drugie-knigi/494-keins-konec.html>
- 6) Констан Б. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей. Политические исследования. 1993. № 2. С. 97-106.
- 7) Локк Дж. Два трактата о правлении. // Собр. соч.: В 2 т. М., 1985. Т.1. 899 с.
- 8) Маркс К. Манифест коммунистической партии. / Собр. соч.: В 5 т. М., 1955. Т.3. 638 с.

---

¹ Самуэльсон П. Экономика. М., 1993. С. 39.

² Констан Б. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей. Политические исследования. 1993. № 2. С. 105.

- 9) Милль Дж. О свободе. СПб.: Перевозников, 1990. 236 с.
- 10) Монтескье Ш. Л. О духе законов. // Собр. соч.: В 2 т. М., 1985. Т.1. 738 с.
- 11) Рэнд А. Капитализм. Незнакомый идеал. М., 2011. 520 с.
- 12) Самуэльсон П. Экономика. М., 1993. 740 с.
- 13) Сорокина Ю.В. Идеология и политическая власть. // Политика и общество. 2010. №2. С. 17-26
- 14) Степин В.С. Новая философская энциклопедия. М., 2010.
- 15) Фридман Л. Введение в американское право (приложение). М.: Новая юстиция, 1992. 286 с.
- 16) Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: Издательство АСТ, 2004. 588 с.
- 17) Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005. 264 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАДНАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВОПОРЯДКА

Антон Николаевич Сениуков

Воронежский государственный университет

Пути развития многих государств своеобразны. Вместе с тем наиболее общими тенденциями в современном мире становятся три главных процесса: модернизация («осовременивание»), глобализация (распространение некоторых общих закономерностей развития на другие страны и народы) и интеграция (включение, объединение). В целом эти процессы отражают пути научно-технического и социального развития и обычно приносят позитивные результаты, содействуя совместному ускоренному развитию государств. Экономическая, политическая, гуманитарная интеграция порождает появление наднационального права, наднациональных органов управления, наднациональных судов.¹

Понятие «наднациональность» появилось в зарубежной литературе после создания Европейского объединения угля и стали (ЕОУС). Договор об учреждении ЕОУС был подписан в Париже в 1951 г. Его участниками стали шесть развитых стран Западной Европы: Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Голландия, Люксембург. В основу построения и функционирования правового механизма ЕОУС была положена идея, согласно которой риск развязывания новой войны между странами Западной Европы будет существенно снижен, если институтам экономического сообщества передать значительные полномочия по управлению угольной и сталелитейной промышленностью.

Наднациональность как правовая категория является предметом оживленных дискуссий. Данное явление исследовали В. Василенко, И. Кунц, П. Хэй, Г. Тункин, М. Королев, В. Муравьев, А. Шиббаева, Л. Фалалеева, С. Михайлова, Д. Кулеба и др., однако общепризнанной теории наднациональности до сих пор не существует. Отсутствие единства научных взглядов обу-

---

¹Чиркин В.Е. Наднациональное право: основные особенности // Журнал российского права. 2017. N 2. С. 131 - 137.

словлено, с одной стороны, неоднозначностью трактовки термина «наднациональность» в тех немногих документах, где он применяется, а с другой – разницей методологических приемов, используемых при его изучении. Наднациональность, с одной стороны, рассматривают как принцип международного права, с другой – как правовое явление. Самой распространенной является мысль о том, что наднациональность постоянно эволюционирует, способствуя дальнейшему развитию интеграционных процессов. Впервые термин «наднациональность» был упомянут в учебнике Дж. Шоу «Введение в право Европейского союза», ссылающемся на труд М. Вольфа «Мировое правительство» 1916 г., в котором указано, что существование наднациональных организаций не ограничивает приоритетную и принципиальную роль государств в мировой политической системе.

В настоящее время сформировались основные научные подходы, обосновывающие наднациональность:

– как идеальную систему проведения переговоров между нациями: переговоры осуществляются в пределах соответствующих органов, благодаря которым государства получают контроль над процессами принятия решений (Ф. Шарпф); – как систему перекладывания ответственности и рисков с национальных органов на наднациональные органы (Дж. Маджоне, М. МакЛарен, К.-Х. Ладор); – как направленность национальной политики на формирование межгосударственного единства, а не как ограничение национального государства (И. Вейлер, А. Сомек);

– как верховенство над правовой системой государства, которое является исключением из общего состояния национально-правового регулирования отношений, поскольку выступает лишь средством преодоления кризисов, с которыми сталкиваются государства (К. Шмитт, М. Хардт, А. Негри);

– как наднациональную интеграцию, которая по своей природе является международной и при которой каждое государство за счет внешней политики стремится достичь как можно большей выгоды и власти (Ю. Тихомиров, И. Вейлер, Ф. Майер).¹

Наднациональность – это свойство, присущее современным международным организациям. Суть наднациональности как юридического феномена заключается в том, что международные организации способны создавать нормы права прямого действия не только для своих государств-членов, институтов или органов, но также для юридических и физических лиц государств-членов.

Необходимость международно-правового регулирования объединенных экономических структур и направлений привела к созданию международной организации особого наднационального типа. Характерной чертой таких организаций является передача им государствами-членами суверенных функций: а) по управлению экономическими отношениями не только государств-членов, но и межхозяйственных связей физических

---

¹ Шпакович О.Н. Наднациональность в праве международных организаций [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nadnatsionalnost-v-prave-mezhdunarodnyh-organizatsiy>

и юридических лиц, имеющих гражданство этих государств-членов или действующих на их территории; б) по осуществлению международного взаимодействия с другими участниками международных экономических отношений, имея в виду, что суверенитет - верховенство власти внутри страны и ее независимость на внешней арене. Логично сделать вывод, что наднационализм в широком смысле - это добровольное ограничение суверенной компетенции государственной власти. В основе такого ограничения - экономически обоснованный прагматизм, направленный на объединение хозяйственных ресурсов ради прогресса и развития.¹

Чаще всего наднациональность связывают только с деятельностью Европейского союза, но данный элемент присущ и другим международным организациям. При этом отдельные исследователи склонны считать, что право Европейского союза в настоящее время образовало практически уникальное правовое поле, именуемое *acquis communautaire*. Ученые-юристы применительно к данному понятию считают возможно использовать термин «правопорядок», поскольку по своему содержанию он наиболее близок. Однако перевод данного понятия настолько своеобразен, что многие авторы расходятся в определении его значения, хотя большинство из них говорят о правовых достижениях. Дело в том, что этот полуофициальный термин впервые был применен для характеристики интеграционной деятельности Европейского союза. Таким образом, исследуемое понятие имеет не только юридический аспект, но и политический и экономический, поскольку в двух последних действительно отражается мощный процесс интеграции, чего нельзя сказать о правовой стороне данного вопроса.

Правовая система Европейского союза представляет собой уникальный правовой феномен, который всесторонне развивается и изучение которого способно обогащать юридическую науку, так как сама природа Европейского союза накладывает отпечаток на все аспекты права, которое создаётся в рамках данного объединения. В настоящее время право ЕС во многом обуславливает развитие национальных правовых систем государств, входящих в Союз. Нормы права ЕС действуют параллельно с нормами национального права государств-членов, регулируя многие сферы общественных отношений, реализацию своих суверенных полномочий в которых государства передали на уровень данного европейского интеграционного образования, что способствует их взаимному правовому, политическому, экономическому и социальному развитию. Влияние права Европейского союза ощущают на себе не только правовые системы государств-членов, но и третьих стран, в частности, Российской Федерации.²

Современное состояние развития межгосударственных интеграционных процессов способствует определению наднационального права как

---

¹ Нешатаева Т.Н. Интеграция и наднационализм // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 2. С. 243 - 248.

² Галушко Д.В. Взаимодействие права Европейского Союза с правом государств-членов и третьих стран : монография / Д.В. Галушко ; Воронежский государственный университет. - Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2018. - 186 с.

элемента международной правовой системы, а, следовательно, процесс правового регулирования общественных отношений нормами так называемого наднационального права становится частью международного правопорядка. Но интеграционные процессы надгосударственного уровня обладают высокой степенью динамичности, что непосредственно сказывается на развитии правовой составляющей деятельности международных организаций, подобных Европейскому союзу, что создает необходимость давать происходящему теоретико-правовую оценку.¹

Как показывает исторический опыт сосуществования национального и наднационального регулирования, не исключены случаи различного толкования тех или иных правовых институтов, специфического разрешения спорных ситуаций наднациональным и национальным судом. Если это происходит, то здесь важен поиск критериев для обеспечения баланса прав участников спорных правоотношений. Прежде всего это критерии публично-правового порядка, например, конституционные ценности конкретного государства².

В качестве примера можно привести споры о тарифных преференциях при ввозе имущества в качестве оборудования в уставный капитал совместных предприятий, предоставленных иностранным инвесторам правом Российской Федерации, действовавшим до вступления России в Таможенный союз.

Национальное право России не содержало ограничений права пользования таким имуществом после его ввоза в качестве вклада в уставный капитал, запрещался только переход права собственности. Вступившие в силу с 1 июля 2010 г. нормы права Таможенного союза урегулировали этот вопрос по-новому - добавили ограничения в виде запрета передачи имущества в аренду, выхода иностранного инвестора из состава учредителей предприятия.

Таможенные органы распространили новый режим на старые отношения - на предприятия, созданные до вступления в силу норм интеграционного права, и взыскивали с этих предприятий таможенные платежи. Данное обстоятельство послужило поводом для обращений в арбитражные суды и в итоге в наднациональный суд - Суд ЕАЭС, Конституционный Суд Российской Федерации, а затем в Верховный Суд Российской Федерации.

Правовой подход к разрешению ситуации со стороны национального Конституционного Суда (Определение от 3 марта 2015 г. N 417-О) и со стороны наднационального правосудия (решение Суда Евразийского экономического сообщества от 1 ноября 2013 г. по делу N 2-4/1-2014 (1-

---

¹ Шмаков Р.В. Теоретико-правовые аспекты соотношения международного правопорядка и наднационального права [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/Теоретико-правовые-аспекты-соотношения-международного-праваопорядка-и-наднационального-права>

² Денисенко В.В. Легитимация права с позиции иррациональности в теории юридического постмодернизма // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Право. 2015. №1. С.69-78; 4. Денисенко В.В. , Трикоз Е.Н. Типология смешанных правовых систем // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2018. №2. С.29-37.

7/4-2013) был разным. Это привело к еще большей правовой неопределенности. Верховный Суд России оказался перед проблемой выбора.

Выбор был сделан на основе принципов публичного порядка – конституционных ценностей Российской Федерации. В основу правовой позиции, которую сформулировали Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ, положены принципы о разумных ожиданиях участников экономического оборота и запрете наделять обратной силой нормы права, ухудшающие положение лиц (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30 сентября 2015 г.).

Аналогичный подход защиты фундаментальных ценностей национального публичного порядка применяют суды стран - участниц Европейского союза, нормы права которого позволяют ограничивать, например, общеевропейский принцип свободы передвижения товаров, рабочей силы по соображениям защиты публичного порядка, в целях реализации политики общественной безопасности и здравоохранения отдельных стран (решение Суда Европейского союза от 28 октября 1975 г. «Ролан Рутли против Министра внутренних дел»¹).

Показать влияние наднациональной организации на развитие национального права государства можно на примере Ирландии. В настоящее время Ирландия занимает одно из ведущих мест в Европейском Союзе. За годы своего членства в ЕС это государство из одного из самых бедных в Сообществах превратилось в страну с одними из самых высоких экономических показателей. Сейчас среднегодовой доход гражданина Ирландии составляет около 34 тыс. евро, что является вторым (после Люксембурга) показателем среди стран-членов Европейского Союза. Рост ВВП Ирландии в течение последних пяти лет составил в среднем 7,2 % в год, что является самым высоким показателем в ЕС (средний показатель составляет 1,9 %). Кроме прочего, уровень безработицы в Ирландии - всего 4,6 %. Ирландия является сосредоточием наукоёмкого производства в ЕС (около 80 % мирового программного обеспечения производится в Ирландии). Такое бурное развитие экономики Ирландии получило название «феномена кельтского тигра»³. Успехи Ирландии во многом были обусловлены членством страны в Европейских Сообществах/Союзе. Опыт членства Ирландии в ЕС показывает, что, даже являясь небольшим государством, можно сделать весомый вклад в процесс европейской интеграции. Правительство Ирландии всегда проявляло большое стремление к европейской идентичности, сохраняя при этом национальную самобытность.

Членство в ЕС позволило Ирландии играть на международной арене всё более значимую роль. Сегодня Ирландия обладает репутацией одной из самых деятельных стран ЕС. Её представители приняли самое активное участие во всех важнейших вехах развития ЕС, начиная с 1973 года, в особенности в разработке текста Единого Европейского Акта.

---

¹ Павлова Н.В. Наднациональное регулирование таможенных отношений и национальное правосудие // Судья. 2016. N 1. С. 16 - 22.

Ирландия, всегда стремясь к интеграции, сумела сохранить при этом присущие ей характерные черты по ряду правовых и политических вопросов. В настоящее время Ирландия являет яркий пример для новых государств-членов ЕС. Опыт взаимодействия Ирландии с ЕС также может иметь чрезвычайную ценность и для первоначальных государств-членов Союза. В Ирландии созданы уникальные механизмы взаимодействия с институтами ЕС, аналогов которым нет ни в одном другом государстве-члене Союза. Создание действенного механизма парламентского контроля над всем массивом вопросов, связанных с членством в ЕС, опыт работы ирландских представителей в институтах ЕС, уникальный механизм имплементации актов институтов ЕС, представляют чрезвычайно полезный опыт для любого государства-члена ЕС. В частности, в Ирландии был учреждён «Национальный форум по Европе» - не имеющий аналогов государственно-общественный институт, который, во многом, обеспечил успешную ратификацию государством Ниццкого договора. Наличие такого органа представляет ценный опыт для Франции и Нидерландов, где ратификация Евроконституции провалилась.

Интеграция ирландского права в коммунитарное отмечена чёткой «проевропейской» направленностью. Как образно замечают ирландские ученые, право ЕС представляет собой «внешнюю конституцию» для ирландской правовой системы. Хотя в основу ирландской правовой системы и положена британская модель, в процессе её адаптации к требованиям, вытекающим из членства в ЕС, выявилось множество особенностей, аналогов которым нет в других государствах. В Ирландии создан «эксклюзивный» механизм имплементации европейского права. При вступлении Ирландии в Сообщества в 1972 году Конституция была дополнена специальной нормой, предусматривающей верховенство и прямое действие права ЕС на территории страны.

После этого парламентом Ирландии был принят «Акт о Европейских Сообществах», который возложил основную работу по имплементации коммунитарного права на Департаменты правительства (министерства). Реализация в Ирландии норм вторичного европейского права (в том числе внесение изменений в законы Ирландской Республики) осуществлялось главным образом постановлениями министров. Существующий в Ирландии механизм имплементации актов международных организаций может быть полезен и для России.

Членство Ирландии в Сообществах / Союзе оказало беспрецедентное влияние не только на функционирование, но и на систему органов власти. Практически на всех уровнях государственной власти Ирландии были созданы специализированные органы по обеспечению реализации европрава. С учетом «европейских» требований была перестроена и работа судов.¹

---

¹ Галушко Д.В. Взаимодействие Европейского Союза и государств-членов [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://www.dslib.net/pravo-evropy/vzaimodejstvie-evropejskogo-sojuza-i-gosudarstv-chlenov.html>

Участие Российской Федерации в интеграционных объединениях (ЕАЭС), международных организациях, принятие на себя обязательств по выполнению решений Европейского Суда по правам человека порождает проблемы, связанные с коллизией национального и наднационального законодательства, с обсуждаемой в обществе проблемой защиты суверенитета, национальной идентичности. Очевидно, что современный миропорядок немислим без создания и функционирования наднационального права, которое, в свою очередь, бесполезно, если государства не выполняют его предписаний. Беря обязательства по исполнению решений наднациональных органов, государство вправе обозначить условия принятия этих обязательств. При отсутствии таких официально зафиксированных ограничений международного права в отношении конкретного государства, последнее не имеет возможности уклониться от исполнения принятых обязательств. Этот общий подход имеет множество нюансов, выявляемых в процессе правоприменения. Единственный способ разрешить возникающие сложности – безусловно принимать решения международных судебных органов. Они формулируют общепринятые стандарты правового регулирования. Сегодня это дает основание к выводу о том, что конституционное право «освобождается от исключительной связи с определенным источником права, а именно с национальной конституцией». Вместе с тем, это порождает и конфликт, вызываемый различным толкованием норм конституции и международного права, определяемый различным пониманием их верховенства. В Российской Федерации Конституция обладает высшей юридической силой. Если же исполнение решения суда международной организации ведет к нарушению конституционной нормы, тогда необходимо определиться с механизмом и процедурой разрешения этого конфликта. В России законодатель пошел по пути надления Конституционного Суда правом выносить решения о возможности неисполнения органом исполнительной власти решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, если исполнение такого решения входит в противоречие с нормой действующей Конституции РФ. Подобное разрешение конфликта норм национального и наднационального права вызывает критику. Так, Н.В. Варламова полагает, что «учитывая общую направленность конституционно-правового развития стран западной демократии, определяемую прежде всего международными стандартами в сфере прав человека, следует исходить из наличия конституционных норм, принципов и ценностей, выходящих за рамки национальных юрисдикций» Представляется все же, что в условиях современной глобализации с попытками политического доминирования и распространения этого доминирования на все сферы международной коммуникации (в том числе правовую), необходимо оставить суверенным государствам возможность самостоятельно определять степень вовлеченности в процесс «транссудебной коммуникации»¹. Вопросы

---

¹ Беляев М.А. Правовая коммуникация: соотношение автономного и гетерономного начал // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Философия. 2018. № 2. С. 10.

совмещенности национального и субнационального права не могут существовать автономно в отрыве от общих политических тенденций, формирование которых, увы, не зависит от правовых доктрин.¹

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Беляев М.А. Правовая коммуникация: соотношение автономного и гетерономного начал // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Философия. 2018. № 2. С. 3 – 12.
2. Галушко Д.В. Взаимодействие Европейского Союза и государств-членов [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://www.dslib.net/pravo-evropy/vzaimodejstvie-evropejskogo-sojuza-i-gosudarstv-chlenov.html>
3. Галушко Д.В. Взаимодействие права Европейского Союза с правом государств-членов и третьих стран : монография / Д.В. Галушко ; Воронежский государственный университет. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2018. – 186 с.
4. Денисенко В.В. Легитимация права с позиции иррациональности в теории юридического постмодернизма // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Право. 2015. №1. С.69-78.
5. Денисенко В.В., Трикоз Е.Н. Типология смешанных правовых систем // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2018. №2. С.29-37.
6. Малый А.Ф., Янович М. В. К вопросу коллизии конституционного и наднационального правопорядков [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-kollizionnosti-konstitutsionnogo-i-nadnatsionalnogo-pravoporyadkov>
7. Нешатаева Т.Н. Интеграция и наднационализм // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. N 2. С. 243 - 248.
8. Павлова Н.В. Наднациональное регулирование таможенных отношений и национальное правосудие // Судья. 2016. N 1. С. 16 - 22.
9. Чиркин В.Е. Наднациональное право: основные особенности // Журнал российского права. 2017. N 2. С. 131 - 137.
10. Шмаков Р.В. Теоретико-правовые аспекты соотношения международного правопорядка и наднационального права [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/Теоретико-правовые-аспекты-соотношения-международного-права-и-наднационального-права>
11. Шпакович О.Н. Наднациональность в праве международных организаций [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nadnatsionalnost-v-prave-mezhdunarodnyh-organizatsiy>

---

¹ Малый А.Ф., Янович М.В. К вопросу коллизии конституционного и наднационального правопорядков [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-kollizionnosti-konstitutsionnogo-i-nadnatsionalnogo-pravoporyadkov>

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЛЕСНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВОПОРЯДКА

Руслан Андреевич Скрынников
Воронежский государственный университет

Вопросы правопорядка и его обеспечения всегда являлись центральными в отечественной правовой науке. Данная тематика по-прежнему весьма актуальна в связи с продолжением строительства в Российской Федерации правового государства и, как следствие, совершенствованием правовых норм, регулирующих огромный спектр разнообразных общественных отношений. Следует согласиться с позицией И.М. Хиль, утверждающей, что «термин и категория «правопорядок» затрагивает почти все сферы общественной жизни и активно используется практически во всех отраслях российской правовой системы»¹. Нормы различных отраслей права имеют свои особенности и специфический механизм правового регулирования, однако все они нацелены на достижение определенного результата – претворения в жизнь правового порядка. В связи с этим, важнейшим условием существования состояния упорядоченности общественных отношений является совершенное, точное, ясное, недвусмысленное законодательство. Ведь от его состояния, качества содержащихся в нем норм напрямую зависит состояние правопорядка, успешная реализация нормативно-правовых предписаний участниками отношений.

Советский ученый С.С. Алексеев под правопорядком понимал «состояние и степень урегулированности общественных отношений через нормы права»². Немного иначе А.Ф. Черданцев характеризует исследуемое явление как «порядок общественных отношений, складывающихся в результате соблюдения и исполнения законов и основанных на них других юридических актов»³. Более расширенное понятие правопорядка предлагает В.В. Борисов, понимающий под ним «объективно и субъективно обусловленное состояние социальной жизни, которое характеризуется внутренней согласованностью, урегулированностью системы правовых отношений, основанных на нормативных требованиях, принципах права и законности, а также на демократических, гуманистических и нравственных требованиях, правах и обязанностях, свободе и ответственности всех субъектов права»⁴. По мнению Анциферовой Н.А. правопорядок является частью общественного порядка, представляющего собой «особую форму проявления общественного порядка, характеризующую степени: подчи-

---

¹ Хиль И.М. Особенности категории правопорядок и современные проблемы его стабильности // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 1. С. 11.

² Алексеев С.С. Теория государства и права. М., 1986. С. 307.

³ Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М., 1999. С. 389

⁴ Борисов В.В. Правопорядок // Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. 2-е изд. М., 2000. С. 562.

ненности общественных отношений действующим юридическим предписаниям; устойчивости государственных и общественных институтов, функционирующих на основе права; гарантированности исполнения участниками социальных отношений, принадлежащих им субъективных прав, надлежащего исполнения возложенных на них юридических обязанностей; возможности индивидов и социальных субъектов адаптироваться без серьезного ущерба для собственных интересов к изменяющимся условиям общественной жизни»¹.

В последнее время отечественные ученые-правоведы приходят к выводу, что правопорядок есть «завершающий этап всех юридических форм и процессов, через который реально обеспечивается осуществление субъективных прав, исполнение юридических обязанностей всеми участниками правоотношений»².

В своем исследовании Л.И. Ивардава отстаивает положение о трансграничном характере рассматриваемого явления, определяя его как «состояние системы взаимоотношений субъектов права (государств, отдельных граждан или юридических лиц), основанной на взаимном признании прав и обязанностей друг друга в рамках существующего режима правового регулирования»³. Не умаляя достоинств приведенного понятия, представляется целесообразным обозначить его существующие недостатки. Во-первых, в дефиниции отсутствуют интересы общества в целом, как неопределенного круга лиц, а также интересы будущих поколений, учет которых необходим в силу их закрепления в преамбуле Федерального закона от 10.01.2002 № 7 «Об охране окружающей среды»⁴, а также Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 01.04.1996 № 440⁵. Во-вторых, официальное закрепление прав и обязанностей происходит посредством их включения в виде норм в соответствующие нормативно-правовые акты различной отраслевой направленности, которые в целом образуют национальное законодательство. При этом, первоначальной целью правопорядка следует считать соблюдение правовых предписаний действующего законодательства, в которых и содержатся права конкретных субъектов. В-третьих, по мнению ученого, для обеспечения упорядоченности общественных отношений достаточно лишь признания факта существования у субъектов коррелирующих прав

---

¹ Анциферова Н.А. Правовой порядок: теоретико-правовой анализ: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. С. 9.

² Черногор Н.Н., Пашенцев Д.А. Правовой порядок: доктринальные подходы, методы и актуальные направления исследования // Журнал российского права. 2017. № 8 (248). С. 12.

³ Ивардава Л.И. Сфера и пределы правового регулирования в условиях современного правопорядка // Алтайский юридический вестник. 2018. № 4 (24). С. 19.

⁴ Об охране окружающей среды: Федер. закон от 10.01.2002 г. № 7 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 2. Ст. 133.

⁵ О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию: Указ Президента РФ от 01.04.1996 г. № 440 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 15. Ст. 1572.

и обязанностей и их надлежащего исполнения. Однако подобные идеалистические суждения имеют расхождения с реальностью. Не оспаривая существование презумпции добросовестности участников правоотношений, следует отметить, что существующие правовые предписания далеко не всегда исполняются субъектами. В данном случае достижение правопорядка возможно посредством административной деятельности контрольно-надзорных и правоохранительных органов власти всех уровней, в частности по обнаружению нарушений и их устранению, в том числе посредством привлечения правонарушителей к ответственности. В четвертых, в отличие от конкретного государства со сложившейся правовой системой и механизмом правового регулирования существуют трудности обеспечения международного правопорядка. Даже несмотря на существование таких структур, как ООН, очень сложно применить санкции за нарушение положений международного права в связи с тем, что оно носит совещательный и согласовательный характер.

Вопросы обеспечения правопорядка в соответствии со статьей 72 Конституции Российской Федерации¹ находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. С.Н. Алексеев под механизмом обеспечения правопорядка понимает «единство правовых и организационных элементов, направленных на создание благоприятных условий для формирования, функционирования и устойчивого развития правопорядка, а также его охрану, защиту и восстановление»². Претворение в жизнь данного механизма может происходить посредством внесения изменений в существующее законодательство с целью устранения пробелов в правовом регулировании, а также, как уже было отмечено ранее, организационно-распорядительной деятельности специально уполномоченных органов государственной власти по соблюдению и исполнению закрепленных предписаний, в частности реализации контрольно-надзорных функций и проведению правоохранительной деятельности. Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что в процессе обеспечения правопорядка участвует огромное количество властных структур.

В связи с развитием общественных отношений происходит расширение содержания понятия правопорядка. Увеличение антропогенной нагрузки на окружающую среду, потребительское отношение к природным ресурсам приводит к серьезным последствиям, от предотвращения которых зависит дальнейшее существование не только населения конкретной страны, но и мира в целом. В условиях современности вопросы экологии, охраны окружающей среды и рационального природопользования с учетом их глобального характера выходят на первый план по сравнению с экономическими и политическими аспектами. И это вполне

---

¹ Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008, 05.02.2014, 21.07.2014) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

² Алексеев С.Н. Эффективность институционально-правового механизма обеспечения правопорядка: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. С. 9.

оправдано, ведь от состояния окружающей среды напрямую зависит как национальное производство и международное экономическое сотрудничество, так и основания принятия как глобальных, так и локальных политических решений.

Обозначенные вопросы все чаще становятся объектами правовых исследований и последующего обсуждения представителями российского научного сообщества в связи с усилением природоохранной составляющей всех отраслей права. Итогом конструктивных обсуждений стало появление таких понятий как «экологический правопорядок» и «экологическая безопасность». Для правильного понимания исследуемых явлений целесообразно установить взаимосвязь между ними и провести некоторые разграничения.

Многие ученые справедливо считают экологический правопорядок видом правопорядка, но по-разному определяют содержание данного явления. К примеру, М.В. Пчельниковым он понимается как «сфера взаимодействия общества и природы, в основе которой лежат правовые нормы, обеспечивающие экологическую безопасность граждан»¹, а Л.В. Ращупкина и С.В. Солоухина полагают, что это «вид правового порядка, сложившийся в сфере взаимоотношения общества и природы по поводу природопользования, охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, направленный на создание благоприятной окружающей среды, основанный на праве и законности, складывающийся в результате правомерной деятельности субъектов прав и обеспечивающийся государственными органами и иными субъектами»². Из приведенных понятий второе представляется наиболее точным и целесообразным, так как отражает всю многогранность исследуемого явления.

Другие исследователи приходят к мнению, что экологический правопорядок является самостоятельным институтом экологического права³. С данной позицией достаточно сложно согласиться, так как с точки зрения теории права правовой институт представляет собой совокупность норм, регулирующих определенную группу общественных отношений, а правопорядок является итоговым результатом правомерного поведения субъектов, состоянием общественных отношений. Таким образом, исследуемое явление не регулирует правоотношения, а лишь характеризует их с позиции исполнения положений существующего законодательства. В связи с этим следует признать справедливой точку зрения И.Д. Мухиной, в соответствии с которой «правопорядок есть, с одной стороны, желаемая модель состояния многообразных общественных отношений, сформированная в системе действующих нормативно-правовых актов, а с другой

---

¹ Пчельников М.В. Институционализация современного политико-правового порядка в сфере экологических правоотношений // Правовой порядок и правовые ценности. Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции. – Ростов н/Д., 2017. С. 184.

² Ращупкина Л.В., Солоухина С.В. Экологическое правосознание в системе экологического правопорядка // Вопросы современной юриспруденции. 2014. С. 92.

³ Духно Н.А. Теоретические проблемы обеспечения экологического правопорядка: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Уфа. 2000. С. 6-35.

стороны – реальное состояние осуществления субъективных прав и юридических обязанностей субъектами права в точном соответствии с предписаниями правовых норм»¹.

Целью экологического правопорядка является обеспечение не только благоприятной окружающей среды, рационального природопользования и экологической безопасности, но и соблюдение прав и свобод субъектов экологических правоотношений.

Ключевым актом как экологического, так и лесного законодательства, закрепляющим фундаментальные права человека и гражданина на благоприятную окружающую среду, является Конституция Российской Федерации. В ней, как и в других актах действующего законодательства, не определены основы правопорядка, в том числе экологического. Однако можно смело утверждать, что Основной закон служит ядром всей системы правового регулирования, так как обладает верховенством, высшей юридической силой и прямым действием на всей территории страны. По справедливому мнению С.М. Шахрая, Конституция Российской Федерации представляет собой «не только правовой документ высшей юридической силы, но также систему философских представлений, принципов и идей, которые в совокупности определяют образ желаемого будущего страны»².

Основной закон страны содержит в себе ряд важнейших норм в области экологических, и по совместительству лесных, отношений, одно из которых находит отражение в статье 9, провозглашающей, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются как основа жизни и деятельности народов, а также многообразие форм собственности на землю и природные ресурсы. Другой основополагающей нормой является статья 36, гарантирующая осуществление свободного владения, пользования и распоряжения землей и другими природными ресурсами при условии, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц. Статьей 42 Конституции гарантируется право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением. В соответствии со статьей 72 законодательство об охране окружающей среды, а также лесное законодательство находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Само по себе декларирование прав и свобод в тексте Конституции Российской Федерации не гарантирует их реального исполнения. В связи с этим представляется справедливой позиция А.В. Безрукова, обращающего внимание на то, что «эффективная реализация конституционных принципов интегрируется в отраслевом законодательстве в рамках единого правового пространства, укрепляя взаимосвязь Конституции и правовой системы, гармонично выстраивая структуру, содержание и обеспе-

---

¹ Мухина И.Д. Экологический правопорядок: проблемы содержания // Теория и практика общественного развития. 2015. № 9. С. 145.

² Шахрай С.М. 25 лет Конституции Российской Федерации: реализация и развитие конституционных моделей // Lex russica. 2018. № 11. С. 9.

чивая корреляцию федерального и регионального законодательства, тем самым устанавливая и укрепляя конституционный правовой порядок»¹.

Для поддержания экологического правового порядка в государстве необходимо проводить спектр мероприятий по обеспечению экологической безопасности страны. Дефиниция рассматриваемого явления отражена в Федеральном законе от 10.01.2002 № 7 «Об охране окружающей среды». Так, в статье 1 указанного закона под экологической безопасностью понимается состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий. Следует отметить, что закрепление законодателем конкретного понятия является положительным моментом, несмотря на наличие определенных неточностей, обозначаемых представителями юридического научного сообщества. Его отсутствие не позволило бы должным образом понять суть самого явления, что бесспорно бы повлекло за собой разнообразные интерпретации и, как следствие, трудности в правоприменении.

Ученые-правоведы имеют свое видение в отношении данного понятия. Так, А.И. Муравых считает, что «экологическая безопасность – приемлемая на данном этапе социально-экономического развития степень защищенности жизненно важных интересов личности, общества, государства, мирового сообщества от последствий и угроз, которые обусловлены негативными изменениями (деградацией) окружающей среды, возникающими в результате антропогенного и природного воздействия на нее»². По мнению В.К. Быковского, экологическая безопасность является видом национальной безопасности, под которой следует понимать «деятельность по охране окружающей среды и рациональному природопользованию, а также по защите экологических прав и законных интересов физических и юридических лиц»³.

Концептуальным является понятие, предложенное А.В. Кукушкиной, которое включает в себя международно-правовой аспект. Так, под экологической безопасностью исследователь понимает «сложную взаимосвязанную и взаимозависимую систему международных экологических норм, направленных на обеспечение безопасности всех жизненно важных для человечества экологических компонентов планеты, а также сохранение и поддержание существующего естественного природного баланса между ними»⁴.

---

¹ Безруков А.В. Конституционно-правовая основа обеспечения правового порядка в России: современное состояние и пути оптимизации // Государство и право. 2018. № 12. С. 141.

² Муравых А.И. Управление экологической безопасностью. М., 2006. С. 31.

³ Быковский В.К. Экологическая безопасность в системе национальной безопасности Российской Федерации // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2016. № 2. С. 97.

⁴ Кукушкина А.В. Экологическая безопасность в XXI веке (международно-правовые аспекты) // Стратегическое управление в сфере экологической безопасности: нерешенные проблемы Сборник статей. Под редакцией С.Г. Харченко. Москва, 2019. С. 97.

В современной юридической литературе существует огромное количество авторских дефиниций экологической безопасности. Их существование в очередной раз доказывает бесспорность позиции С.А. Боголюбова, в соответствии с которой «несмотря на закрепление рассматриваемого понятия в законах, использование его во многих нормативных актах экологического и иных отраслей законодательства, большое количество защищенных на эту тему диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук, рассмотрение данного вопроса в докторских диссертациях, в учебной и научной литературе, научные дискуссии по поводу понимания экологической безопасности не прекращаются до сих пор»¹.

В своем диссертационном исследовании Е.В. Бутова отстаивает позицию разграничения понятий «экологическая безопасность» и «обеспечение экологической безопасности». По справедливому мнению исследователя, в целом экологическая безопасность – это состояние защищенности окружающей природной среды, а под ее обеспечением следует понимать деятельность органов власти всех уровней по предотвращению реального или возможного негативного воздействия как гарантия суверенности государства, а также прав и свобод человека и гражданина².

Экологическая безопасность помимо Конституции Российской Федерации и Федерального закона «Об охране окружающей среды» находит свое отражение в большом количестве нормативно-правовых актов действующего экологического и лесного законодательства. Так, в Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 01.04.1996 № 440, отмечено, что невозможно осуществить переход к устойчивому развитию без изменения мышления общества и наличия безответственного отношения населения к экологическим вопросам.

В статье 9 Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденных Президентом Российской Федерации 30.04.2012, закреплено, что «одной из основных задач государственной политики в области экологического развития является совершенствование нормативно-правового обеспечения охраны окружающей среды и экологической безопасности»³.

Наряду с этим, в соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683, экологическая безопасность является частью национальной безопасности, а «достижение стратегических целей экологической безопасности и рационального природопользования осу-

---

¹ Боголюбов С.А. Правотворчество в сфере экологии. М., 2010. С. 46.

² Бутова Е.В. Механизм административно-правового регулирования обеспечения экологической безопасности в Российской Федерации. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2018. С. 48.

³ Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 30.04.2012) // Документ опубликован не был. При поиске использовалась СПС «Консультант Плюс».

ществляется путем формирования и реализации долговременной государственной политики, направленной на защиту и воспроизводство природно-экологического потенциала Российской Федерации, повышение уровня экологического образования и экологической культуры граждан»¹.

Большое значение для правового регулирования обеспечения экологической безопасности в Российской Федерации имеет принятие документа, определяющего государственную политику в данной сфере, а именно Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 19.04.2017 № 176².

Документом стратегического планирования в сфере лесного хозяйства является Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 20.09.2018 № 1989-р, одной из целей которой является обеспечение экологической безопасности³. Для реализации стратегических целей создана государственная программа «Развитие лесного хозяйства на 2013 – 2020 годы», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 318⁴.

Анализ существующего лесного законодательства позволил В.К. Быковскому вывести определение экологической безопасности в лесном праве, под которым он понимает «такое качественное состояние лесного законодательства, при котором обеспечивается эффективная охрана лесов от неблагоприятных факторов, рациональное использование лесов, а также защита экологических прав»⁵.

Претворение в жизнь экологического правопорядка и экологической безопасности возможно лишь при наличии эффективного и стабильного законодательства, отражающего объективные закономерности общественного развития, гарантирующего права субъектов рассматриваемых отношений, детально регламентирующего порядок совершения ими юридически значимых действий, а также механизм привлечения к ответственности вследствие игнорирования или нарушения его положений.

---

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 1 (Ч. II). Ст. 212.

² О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19.04.2017 г. № 176 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 17. Ст. 2546.

³ Об утверждении Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.09.2018 г. № 1989-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 40. Ст. 6147.

⁴ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие лесного хозяйства на 2013 – 2020 годы»: Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 г. № 318 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 18 (Ч. II). Ст. 2164.

⁵ Быковский В.К. Понятие экологической безопасности в соответствии с лесным законодательством // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 8 (69). С. 216.

При этом, как было отмечено ранее, закрепленные в нормативно-правовых актах положения не всегда надлежащим образом исполняются участниками правоотношений, в связи с чем их обеспечение возможно посредством деятельности контрольно-надзорных и правоохранительных органов, выраженной в выявлении правонарушения и привлечении правонарушителей к ответственности.

Ответственность за нарушение норм природоохранного законодательства носит комплексный характер, так как охватывает нормы подавляющего количества отраслей права. Меры ответственности направлены на предотвращение противоправных действий, а также восстановление нарушенных прав, что способствует укреплению экологического правопорядка и обеспечению экологической безопасности. При этом, существует большой спектр мер государственного принуждения, применяемых к лицам, совершившим экологическое правонарушение.

В доказательство изложенной выше позиции можно привести положения статьи 75 Федерального закона «Об охране окружающей среды», которой установлены все возможные виды юридической ответственности: имущественная, дисциплинарная, административная и уголовная. Особенностью привлечения лиц к ответственности за нарушения исследуемого законодательства является обязанность устранить допущенное нарушение и возместить причиненный им вред помимо несения неблагоприятных последствий в виде санкций¹.

Специальным законом области лесных отношений закреплены аналогичные положения. Так, статьей 99 Лесного кодекса Российской Федерации² закреплено, что лица, виновные в нарушении лесного законодательства, несут административную, уголовную и иную ответственность в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Особый интерес представляет институт административной ответственности, нормы которого закреплены в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях³ в связи с проводящейся на сегодняшний день в стране административной реформой. Множество ученых, в том числе авторы Концепции нового кодекса, подчеркивают необходимость переосмысления существующей практики его применения, обосновывая это длительностью действия существующего закона, большим количеством вносимых бессистемных изменений и дополнений, наличием пробелов в процессуальных вопросах привлечения лиц к административной ответственности. Однако с выраженной позицией достаточно трудно согласиться, так как введение нового кодекса не гарантиру-

---

¹ О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. № 49 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

² Лесной Кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 04.12.2006 г. № 200 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 50. Ст. 5278.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон от 30.12.2001 г. № 195 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

ет уменьшения количества вносимых в него изменений в связи с многогранностью института административной ответственности и постоянным развитием общественных отношений, появлением новых правовых явлений и институтов.

Бесспорным является тот факт, что действующий Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях не лишен недостатков. Несмотря на большое количество дискуссионных моментов, в рамках данного исследования представляется целесообразным рассмотреть лишь некоторые проблемные вопросы.

Одним из актуальных вопросов является сохранение института административной ответственности юридических лиц. Его противники полагают, что он является неправовым и несоразмерным средством давления на хозяйствующих субъектов с целью пополнения бюджета, нежели обеспечения правопорядка и законности, а также противоречащим классическому представлению о вине субъекта правонарушения. При этом, с данной точкой зрения достаточно трудно согласиться, так как «перекладывание» санкции с юридического лица на его представителя не решит проблемы исполнимости вынесенных санкций ввиду реальной возможности ухода от наказания посредством введения в структуру фирмы лица, юридически (но не фактически) принимающего решения в отношении предприятия, но у которого отсутствует реальный доход и имущество, на которое может быть обращено взыскание посредством исполнительных действий.

В связи с тем, что подавляющее количество санкций за совершение проступка в отношении юридических лиц выражено в форме штрафа, можно сделать вывод о цели существования такого механизма, которым безусловно является пополнение бюджетов различных уровней. В связи с этим, другим немаловажным дискуссионным вопросом является размер и характер применяемых к правонарушителям санкций. Статистика показывает, что исполнимость наложенных штрафных административных санкций кратна десяти процентам, а ужесточение ответственности не способствует снижению числа совершаемых правонарушений, зато является предпосылкой для появления коррупционной составляющей. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть вопрос о введении в статью 3.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях дополнительных видов административных наказаний, к примеру, принудительного прекращения действия разрешения (лицензии), действия договора аренды, в частности лесного участка.

Вопросы реформирования институтов административной ответственности должны протекать последовательно и гармонично, учитывая результаты научных обсуждений, а также сложившуюся правоприменительную практику. Существующий механизм привлечения юридических лиц к ответственности, а также санкции за совершенные деяния, должны быть переосмыслены и приняты соответствующие изменения. Качественное реформирование законодательства об административных правонарушениях будет способствовать целям обеспечения экологического правопорядка и обеспечению экологической безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеев С.Н. Эффективность институционально-правового механизма обеспечения правопорядка: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011.
2. Алексеев С.С. Теория государства и права. М., 1986.
3. Анциферова Н.А. Правовой порядок: теоретико-правовой анализ: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010.
4. Безруков А.В. Конституционно-правовая основа обеспечения правопорядка в России: современное состояние и пути оптимизации // Государство и право. 2018. № 12. С. 139-150.
5. Боголюбов С.А. Правотворчество в сфере экологии. М., 2010.
6. Борисов В.В. Правопорядок // Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. 2-е изд. М., 2000.
7. Бутова Е.В. Механизм административно-правового регулирования обеспечения экологической безопасности в Российской Федерации. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2018.
8. Быковский В.К. Понятие экологической безопасности в соответствии с лесным законодательством // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 8 (69). С. 213-219.
9. Быковский В.К. Экологическая безопасность в системе национальной безопасности Российской Федерации // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2016. № 2. С. 90-98.
10. Духно Н.А. Теоретические проблемы обеспечения экологического правопорядка: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Уфа. 2000.
11. Ивардава Л.И. Сфера и пределы правового регулирования в условиях современного правопорядка // Алтайский юридический вестник. 2018. № 4 (24). С. 17-21.
12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон от 30.12.2001 г. № 195 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
13. Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008, 05.02.2014, 21.07.2014) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
14. Кукушкина А.В. Экологическая безопасность в XXI веке (международно-правовые аспекты) // Стратегическое управление в сфере экологической безопасности: нерешенные проблемы Сборник статей. Под редакцией С.Г. Харченко. Москва, 2019. С. 94-99.
15. Лесной Кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 04.12.2006 г. № 200 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 50. Ст. 5278.
16. Муравых А.И. Управление экологической безопасностью. М., 2006.
17. Мухина И.Д. Экологический правопорядок: проблемы содержания // Теория и практика общественного развития. 2015. № 9. С. 144-146.
18. О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию: Указ Президента РФ от 01.04.1996 г. № 440 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 15. Ст. 1572.
19. О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. № 49 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.
20. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 1 (Ч. II). Ст. 212.
21. О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на пери-

од до 2025 года: Указ Президента РФ от 19.04.2017 г. № 176 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 17. Ст. 2546.

22. Об охране окружающей среды: Федер. закон от 10.01.2002 г. № 7 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 2. Ст. 133.

23. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие лесного хозяйства на 2013 – 2020 годы»: Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 г. № 318 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 18 (Ч. II). Ст. 2164.

24. Об утверждении Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.09.2018 г. № 1989-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 40. Ст. 6147.

25. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 30.04.2012) // Документ опубликован не был. При поиске использовалась СПС «Консультант Плюс».

26. Пчельников М.В. Институционализация современного политико-правового порядка в сфере экологических правоотношений // Правовой порядок и правовые ценности. Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции. – Ростов н/Д., 2017. С. 183-190.

27. Рашупкина Л.В., Солоухина С.В. Экологическое правосознание в системе экологического правового порядка // Вопросы современной юриспруденции. 2014. С. 91-98.

28. Хиль И.М. Особенности категории правового порядка и современные проблемы его стабильности // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 1. С. 11-14.

29. Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М., 1999.

30. Черногор Н.Н., Пашенцев Д.А. Правовой порядок: доктринальные подходы, методы и актуальные направления исследования // Журнал российского права. 2017. № 8 (248). С. 5-16.

31. Шахрай С.М. 25 лет Конституции Российской Федерации: реализация и развитие конституционных моделей // Lex russica. 2018. № 11. С. 9-15.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ПРАВОВОПЯДОК: НА ПРИМЕРЕ ЯПОНИИ

Александр Сергеевич Федоров

София Алексеевна Виноградова

Финансовый университет при Правительстве РФ

Современный мир богат разнообразием форм государственно-правового устройства, идеологических течений, политических и правовых режимов, следствием чего стало фактическое отсутствие государства, где правовая система имела бы признаки одной правовой семьи. Сейчас в многонациональных государствах может превалировать одна правовая традиция. Отсюда возникает вопрос, возможно ли существование в этнически однородном обществе смешанной правовой традиции на базе нескольких правовых семей?

Ярким примером такого сочетания является правовая система Японии, которую мы подробно рассматриваем в данной работе, основанной на анализе правовых семей и их влиянии на действующее политико-правовое устройство современной Японии.

XX век стал переломным для Японии во многих смыслах этого слова. С одной стороны, в 1950-х-1970-х годах произошло «японское экономическое чудо» - в государстве случился рекордный экономический рост, что по сути дало Японии возможность догнать ведущие мировые державы и стать преуспевающей страной с высокотехнологичной и одной из самых развитых экономик в мире. С другой стороны, Япония приняла участие в двух мировых войнах, и после поражения во Второй Мировой была вынуждена не только капитулировать и оказаться в состоянии оккупации, но и произвести существенные изменения в своей государственной-правовой системе, которые повлияли на все сферы общественных отношений и в какой-то степени предопределили развитие правопорядка и законности. В связи с этим важно определить степень влияния данных изменений.

Прежде всего необходимо сказать о японской правовой системе, которая представляет собой симбиоз трёх разных правовых семей: традиционной, романо-германской и англосаксонской. Присутствие черт различных правовых семей в рамках единой делает её поистине уникальной, а также формирует специфическое общественное правосознание и правопорядок. Это выражается, например, в отрицательном отношении к позитивному праву, но в данном случае мы говорим не о правовом нигилизме или перерождённом правосознании, а скорее о том, что, наоборот, уровень правосознания граждан настолько велик, что они пытаются решить многие конфликты, возникающие в сфере общественных отношений без вмешательства государства, добровольно, путём нахождения консенсуса, используя альтернативные способы разрешения споров (далее - АРС), такие как: примирение, судебное разбирательство, которое соединено с медиацией, собственно, сама медиация, переговоры, заключение соответствующих соглашений и т.д.

Право же чаще применяется в случае совершения тяжких правонарушений, к примеру преступлений.¹ Однозначно, принятие Конституции 1889 года и Конституции 1947 года значительно повлияло на правовую систему Японии, эти процессы лишь более усложнили её, так как привнесли черты иных правовых семей, сохранив в то же время традиционные и уже сложившиеся особенности японской правовой системы.

Стоит начать анализ японской правовой системы с семьи традиционного (обычного) права. Главная характеристика почти всех правовых систем стран Дальнего Востока заключается в том, что они носят или носили традиционный характер.² Серьёзное влияние на право здесь оказывают философские и нравственно-религиозные концепции, в том числе идеология конфуцианства, которая, по сути, отождествляет устройство

---

¹ Морозова, Л. А. Теория государства и права: учебник. / Л.А. Морозова. - 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2010. – С. 217-218.

² Небрятенко Г. Г. Доктрина правовой семьи традиционного (обычного) права: современное состояние и перспективы модернизации // Философия права. 2010. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doktrina-pravovoy-semi-traditsionnogo-obychnogo-prava-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-modernizatsii> (дата обращения: 26.05.2019)

государства с устройством семьи, тем самым способствуя росту уровня правосознания и правомерного поведения граждан. Немаловажным видится то обстоятельство, что Древний Китай оказал большое влияние на становление Японии как государства начиная уже с эпохи Дзёмон, это отразилось не только на письменности и языке нового государства, но и на социокультурных и правовых традициях.

Так, японцы чрезмерно уважают государство и, следовательно, право, причём государство понимается не только как аппарат и управленческая структура, но и как совокупность разнородных и, в то же время, духовно единых проживающих в нём граждан, почитающих главу государства и его символ – императора. Поэтому японцы стремятся минимизировать обращение к правосудию, стараясь урегулировать всё морально-этическими социальными нормами, так как превыше всего для них честь, достоинство и пунктуальность, а судебное разбирательство может легко нарушить привычный жизненный уклад.

Этическое поведение описано в нормах, именуемых «гири». Понимание данной доктрины весьма сложно для представителя западной школы права, тем более что даже в самой Японии не существует единой её трактовки. Однако в целом «гири» можно определить как обладающий императивным характером свод социальных норм, в которых выражается долг чести, моральная необходимость перед конкретным индивидом или группой лиц на основе предписанного регламента человеческих взаимоотношений и часто вопреки собственному желанию или выгоде.¹ Казалось бы, понятие императивности и социальные нормы не соотносятся, ведь императивные методы характерны для нормативных актов, принимаемых государством или его органами власти. Но в данном случае императивность обеспечивается наличием социальных санкций, которые для японского гражданина по сути своей равнозначны государственным. Санкции в той или иной степени могут содержать в себе меры изоляции от общества, или возможность легального порицания им, а также государством, так как общество, по сути, и есть государство.

Стоит отметить, однако, и тот факт, что применение «гири» часто имеет некоторые ограничения. Так, в основном, «гири» применяется только в сфере частных отношений между лицами, которые уже каким-то образом знакомы друг с другом. Поэтому в сфере публичного права применение данного института не представляется возможным.²

Также особо стоит выделить один из ранее упомянутых видов АСР «посредничество» — медиацию, как институт урегулирования отношений с

---

¹ Родионова А.А. Культурные особенности Японии как фактор формирования корпоративной этики // Ассоциация японоведов. 2013. URL: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=277&Itemid=68 (дата обращения: 26.05.2019)

² Небрятенко Г. Г. Доктрина правовой семьи традиционного (обычного) права: современное состояние и перспективы модернизации // Философия права. 2010. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doktrina-pravovoy-semi-traditsionnogo-obychnogo-prava-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-modernizatsii> (дата обращения: 26.05.2019).

помощью медиатора (посредника), который оказывает непосредственную помощь в урегулировании спора, но не обладает правом предложить своё видение разрешения спора или вынести какое-то обязательное решение для участников спора. Таким образом, медиация, в первую очередь, — это посредничество, но не примирение, так как медиатор самостоятельно не ищет способы выйти из конфликта, даже если отчётливо понимает, как нужно поступить в данной ситуации. Медиатор независимо оказывает содействие для того, чтобы стороны сами нашли выход из сложившейся ситуации, сохраняет конфиденциальность и препятствует возникновению такого поведения сторон, которое могло бы затруднить примирение.¹

Несмотря на то, что в целом процедура медиации скорее является неким обычаем или традицией, не связанной с государством, в настоящее время она активно поддерживается и пропагандируется японским правительством. В стране организуются профессиональные курсы обучения медиаторов, которыми могут выступать представители широкого спектра профессий, а не только юристы (доля юристов-медиаторов составляет всего 10%). Согласно закону о гражданском примирении, к будущим медиаторам применяется возрастной ценз (от 40 до 70 лет). Также в Верховном суде ведётся список рекомендуемых посредников, которые, в то же время, являются государственными служащими на полставки.²

На первую (вводную и разъяснительную) встречу обязательно должны прийти обе стороны (отсутствие карается штрафом). Однако все последующие заседания проводятся с каждой стороной в индивидуальном порядке. Эта специфика японской медиации обусловлена именно особенностями правосознания. Они считают, что при очном присутствии противоборствующих сторон возможен всплеск эмоций, который, во-первых, нарушит достоинство сторон, не позволит «сохранить своё лицо», а, во-вторых, затруднит разрешение спора и достижение компромисса. Споры, исходя из этических установок, опять же равнозначны неверному, неправильному поведению. Именно поэтому в японской медиации вся сложность убеждения сторон и обеспечение пути нахождения компромисса между ними лежит на медиаторе.

Появление и развитие института медиации в рамках японской правовой системы обусловлено в первую очередь спецификой культурных особенностей этой страны. Негласное правило, согласно которому споры являются «неправильным поведением», поспособствовало появлению института, который способен разрешить эти споры.

Следовательно, существование обычаев, морально-этических норм, идеологических установок и принципов, а также уже вошедшие в традицию АРС говорят о том, что в стране наблюдается высокий уровень обы-

---

¹ Ивановская Н.В. Тенденции развития применения медиации в странах азиатско-тихоокеанского региона // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 6. С. 59 – 61.

² Ивановская Н.В. Медиация в Японии // Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире: сборник статей Межвузовской конференции. - Москва: РУДН, 2015. - С. 76.

денного и общественного правосознания, а также, что Япония по-прежнему испытывает весьма сильное влияние семьи традиционного права, и говорить, что это перестало являться частью правовой системы страны нельзя.

Но, всё же, говоря о правовой системе Японии, необходимо отметить тот факт, что несмотря на значительное влияние традиционной правовой семьи, особое место занимает влияние романо-германской и англосаксонской семей, а если быть точнее, американской правовой системы, которые при анализе стоит рассматривать в комплексе, при этом выделяя существенные признаки каждой семьи.

В первую очередь, правовая система Японии основана на кодексах, принятых в конце XIX - начале XX веков, представляющих собой рецепцию французского и, преимущественно, германского законодательства. После окончания Второй Мировой войны японское право подверглось сильному влиянию англосаксонской правовой семьи. В этой связи в XX веке она эволюционировала и изменялась под влиянием сразу двух правовых семей.¹

Данное сосуществование правовых семей является примером правовой преемственности, фактическим свидетельством которой стала не только Конституция Японии 1946 года, но также и реформа в сфере уголовно-процессуального, гражданско-процессуального и иных отраслей права, например, изменения в нормативных актах, регулирующих экономические отношения.² По мнению В.Н. Еремина, также особого внимания заслуживает тот факт, что оккупационные власти не стали принудительно переносить некоторые правовые и государственные основы и принципы без учёта национальных и культурных особенностей Японии. Так примером является сохранение части Гражданского кодекса, которая касалась имущественных институтов, по причине того, что положение прежних институтов частной собственности сохранялось, несмотря на существование в стране капитализма³.

Главные изменения первоначально коснулись конституционного права Японии. Новая конституция, разрабатываемая сотрудниками Госдепартамента США в Вашингтоне, должна была быть продумана таким образом, чтобы она смогла закрепиться в правовой и политической жизни Японского государства, вобрав в себя все особенности и специфику японской политико-правовой культуры⁴, в том числе включая в себя черты традиционной правовой семьи.

Однако, вполне логично, что несмотря на эту осторожность и аккуратность по введению в страну отдельных положений англосаксонской право-

---

¹ Давид Р. Основные правовые системы современности / Давид Р., Жоффре-Спинози К.; Пер. с фр. В.А. Туманова. М.: Международные отношения, 2009. С. 405-410.

² Тенилова Т.Л. Преемственность как гарантия эффективности действия права. // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 471.

³ Ерёмин В.Н. История правовой системы Японии. / В.Н. Ерёмин. М.: РОСПЭН. 2010. С. 271-272.

⁴ Ночвина Б.А. Трансформация конституционного права Германии и Японии после Второй мировой войны. // Преподаватель XXI век. 2017. №2. С. 303

вой семьи впоследствии в стране всё равно возникли серьёзные противоречия и деформация правовой системы, правопорядка и правосознания.

Говоря о различиях между романо-германской и англосаксонской правовыми семьями, следует обозначить базовые признаки, отличающие их друг от друга.

В романо-германской правовой семье деление права происходит по ряду оснований на публичное и частное, и на материальное и процессуальное. Принятая в 1889 году Конституция Мэйдзи закрепила такое деление, которое сохранилось и после принятия новой, действующей сейчас Конституции Японии в 1947 году,¹ несмотря на большое влияние англосаксонской правовой семьи, которая изначально не предполагает такого деления. Кроме того, в основе функционирования новой Конституции лежала вышеназванная Конституция 1889 года, что позволило романо-германской правовой семье сохранить свое влияние на нее.

В современном праве Японии сочетаются уже упомянутые традиции внесудебного решения споров с процессуальными нормами, которые возникли под влиянием французского и немецкого права, а после второй мировой войны – американского.

Отличительной особенностью романо-германской правовой семьи является широкое распространение кодификации. Стоит отметить, что суд не обладает, в отличие от англосаксонской семьи, прерогативой нормотворчества, что также характерно и для правовой системы современной Японии.

Основным источником права в романо-германской правовой семье является закон. Ключевым различием рассматриваемых правовых семей видится верховенство закона, а не права. Источниками права выступают нормативно-правовые акты, а не правовые принципы и правовой прецедент. Верховенство закона прямо закреплено ст. 97 Конституции Японии. Исходя из этого можно предположить, что японский парламент – представительный и законодательный орган, так как роль прецедента сведена к минимуму, а нормативно-правовые акты играют ведущую роль, что в большей степени свойственно также романо-германской правовой семье.

В связи с этим очень важным является положение о том, что содержание правовых предписаний должно четко следовать из норм закона, в том числе основного закона государства – Конституции. Такое положение характерно для романо-германской правовой семьи с ее принципиальным подходом о верховенстве закона. Этот подход для Японии является базовым со времени принятия первой Конституции Японии 1889 года, которая разрабатывалась в течение 8 лет в условиях строжайшей секретности.

Образцом Конституции 1889 года послужила реакционная Прусская Конституция, принятая в 1850 году. Новый основной закон искоренил раздробленность архипелага, а полнота власти из рук сёгунов перешла к императору и парламенту. Наибольший вес имел, все же, парламент. Роль императора с течением веков продолжала ослабевать и приобретать все

---

¹ Конституция Японии 1947 г. [Текст] // Конституции зарубежных государств / Сост. В.В. Маклаков. – 2-е изд. исправл. и доп. – М.: БЕК, 1999. – С. 483.

более традиционный и символический характер, однако, менее почитаемой персоной среди населения и органов власти он не стал.

Современная Конституция Японии содержит преамбулу, 11 глав и 103 статьи. Активно обсуждается вопрос, является ли новая Конституция отдельным документом, так как, формально, она представляет собой серию поправок к Конституции Мэйдзи, хотя и принято считать ее новой Конституцией. Аргументом в пользу данной теории служит тот факт, что принятие в 1946 году Конституции, происходило по инициативе императора в соответствии с положениями главы 7 (Дополнительные постановления), ст. 73 которой предусматривала возможность внесения поправок в Конституцию путем инициативы императора в Парламент. Парламент должен был одобрить поправку квалифицированным большинством. Это подчеркивает, во-первых, традиционную привязанность к романо-германской правовой семье и, во-вторых, соблюдение всех формальных основ для принятия поправки по Конституции 1889 года.

1 февраля 1946 года генералу Дугласу Макартуру, главнокомандующему оккупационными войсками, был представлен проект исправленной Конституции, разработанный комиссией японского Правительства. Этот проект не был принят. 3 февраля генерал Макартур приказал административной секции своего штаба (GHQ) составить новую Конституцию, которая вступила в силу спустя шесть месяцев после ее ратификации, согласно нормам, предусмотренным в ранее действующей Конституции.

Авторами Конституции 1947 года не были японцы, но работавшие с ее проектом американцы достаточно бережно отнеслись к текстам Конституции Мэйдзи, требованиям японских адвокатов и мнениям пацифистских лидеров политических партий, таких как Шидехара и Сигэру Йошида. Ярким примером служит сохранение института императорства. Наибольшим изменениям подверглась та часть Конституции, в которой говорилось о возможности Японии иметь свою армию, другими словами, она была просто устранена и заменена на Силы самообороны.

По мнению многих исследователей, действующая Конституция готовилась исключительно экспертами штаба американских оккупационных войск. Вместе с тем известна позиция, согласно которой включение в Конституцию пацифистской девятой статьи, по поводу которой наиболее часто возникают предложения о пересмотре Конституции, была предложена не американцами, хотя это совпадало с их интересами не допустить возможность восстановления японского милитаризма, а японскими политическими деятелями. Этой статье стоит уделить особое внимание. Она закрепляет отказ Японии от проведения военных действий, применения вооружённой силы, как средства разрешения международных споров и, кроме того, провозглашает отказ от создания сухопутных, морских, военно-воздушных сил и любых других средств войны. Кроме того, данная статья сделала невозможным и участие Японии в каких-либо международных военных акциях и союзах.¹ Факти-

---

¹ Конституция Японии 1947 г. [Текст] // Конституция зарубежных государств / Сост. В.В. Маклаков. – 2-е изд. исправл. и доп. – М.: БЕК, 1999. – С. 460.

ческая же замена вооружённых сил на Силы самообороны, которые должны быть немногочисленны и выполнять исключительно оборонительную функцию в случае возникновения военных конфликтов, по сути нарушает конституционный принцип о разоружении.

Наличие черт традиционной правовой семьи в правовой системе Японии отражает традиционный образ жизни японцев, не предполагающих проявлений индивидуализма, присущему западноевропейской цивилизации. Вместе с тем Конституция содержит предписания, гарантирующая сохранение прав и свобод человека, что можно выделить как элемент англосаксонской или американской правовой семьи, так как данные положения были включены в основной закон только в середине XIX века под влиянием американских оккупационных войск. Однако, несмотря на данные нормы, нельзя утверждать, что с момента их принятия менталитет японцев, склонных к коллективному, а не индивидуалистическому поведению претерпел сильные изменения: многовековые традиции продолжают превалировать над формальным подчинением и реализации данных норм на межличностном уровне.

Стоит упомянуть, что после вступления в силу Конституции 3 мая 1947 года поправки в нее не вносились.

Говоря о поправках, напомним, что все Конституции делятся на жесткие, мягкие и смешанные. В случае, если не предусмотрена возможность внесения изменений в положения Конституции, такая Конституция называется жесткой. Второй подход заключается в том, что перемены социально-экономической и политической жизни страны неизбежно влияют на текст основного закона. Третий подход, который реализован в Конституции России предполагает существование жесткой части Конституции, пересмотр которой предусматривает весьма сложную конституционную процедуру, и часть конституционных положений, для которых возможно внесение поправок и изменений в конституционные положения.

Конституция Японии относится к категории исключительно жестких. В соответствии с положениями ст. 96 Конституции Японии, устанавливающей порядок ее пересмотра, за поправку должно проголосовать не менее 2/3 от списочного состава депутатов двух палат Японского Парламента, после этого поправка может быть вынесена на всенародный референдум или ее должен утвердить парламент нового созыва, проголосовав за нее квалифицированным (не менее 2/3 голосов списочного состава) большинством. Основная проблема кроется в разнообразии идеологических взглядов парламентариев, что делает практически невозможным преодоление порога в 2/3 голосов. Иным обстоятельством, препятствующим внесению в Конституцию поправок, служит нежелание Японии обострения политических и экономических отношений с государствами Западной Европы и США.

Вопрос о внесении изменений в Конституцию является важным для перемен в государственном устройстве любой страны. Для современной правовой системы Японии, которая сформировалась, объединив в себе элементы традиционной, романо-германской и англосаксонской право-

вых семей, что предопределяет своеобразие японской конституционной модели, эта тема также является актуальной.

Правящая в Японии Либерально-демократическая партия традиционно предлагает концепцию пересмотра действующей с 1947 года Конституции Японии. Эта позиция на протяжении нескольких десятилетий с разной степенью интенсивности вбрасывается в политико-правовую область японской жизни.

Проблема пересмотра Конституции особенно остро обсуждалась в период празднования ее шестидесятилетия. Один из главных аргументов в пользу проведения конституционной реформы видится в несоответствии экономического статуса Японии как мирового лидера и невозможности реального ее участия в международной политике.

Один из возможных проектов новой Конституции был предложен в 2005 году на съезде Либерально-демократической партии Японии (далее ЛДПЯ), которая являлась и является правящей партией на данный момент. В новой Конституции, по их мнению, должны присутствовать отсылки на историю и культуру Японии, в том числе отдельно упомянуто об институте императора. Касательно же ст. 9, неизменной оставлена часть, где закреплён отказ от войны, как средства урегулирования международных споров. Однако значительным изменениям подверглась часть, фиксирующая право государства на Силы самообороны (Японская Армия), во главе с верховным главнокомандующим (им будет являться премьер-министр) и, кроме того, возможность Сил самообороны принимать участие не только в оборонительных, но и в международных военных действиях. Также в проекте присутствует и положение о возможном смягчении порядка внесения поправок в конституцию в дальнейшем. Так, вместо 2/3 голосов в двух палатах парламента, принятие новой поправки допускается простым большинством и затем подтверждением на общенациональном референдуме.¹

В 2007 году премьер-министру Японии Синдзо Абэ удалось добиться принятия Парламентом закона о референдуме, подготовка которого шла в течение трех лет. Данный закон предусматривает проведение референдума исключительно по вопросам Конституции. Однако согласно опросу общественного мнения, проведенного в 2007 году, 34,5% японцев высказываются против внесения любых изменений в Конституцию. 44,5% опрошенных японцев желают изменить статью 9. Ключевым предложением премьер-министра стало дополнение ст. 9 третьим абзацем, который официально бы закрепил статус Сил самообороны страны.²

Тем не менее, влияние англосаксонской правовой модели прослеживается в вопросе о толковании содержания конституционных норм. В качестве иллюстрации можно напомнить, что в июле 2014 года японское

---

¹ Горячева Е.А. О пересмотре Конституции Японии. / Е.А. Горячева, В.В. Кожевников // Россия и АТР. 2018. № 1 (99). С. 134-135.

² 日本憲法70年 [Special news report of the NHK "70th anniversary of the Constitution"]. URL: <https://www3.nhk.or.jp/news/special/kenpou70/%20yoron2017.html> (дата обращения 15.06.2019). (In Jap.)

Правительство предложило новое толкование положений ст. 9, предоставляющее возможность Силам самообороны защищать союзников Токио от внешней агрессии.¹ Это видение положений ст. 9 поддержало, согласно статистическим данным, более половины опрошенных японцев. Таким образом Правительство одобрило новую интерпретацию пацифизма действующей Конституции.

Кроме того, в японском обществе распространилась точка зрения, согласно которой ст. 9 оказалась в конституции в послевоенное время, так как была некая уверенность в том, что Японии не угрожает никакая соседняя страна. Но сейчас это уже не совсем так, поскольку Японии угрожает Китай (в ситуации с островами Сэнкаку, например), а также КНДР (из-за наличия ракетно-ядерной программы). По этой причине политике говорят о том, что изменение 9 статьи будет являться необходимой мерой, которую должна предпринять Япония, чтобы суметь в необходимый момент защититься от очевидных внешних угроз.

Исходя из такого подхода предполагается, что, вопреки принципу верховенства закона, базового для романо-германской правовой семьи, можно не меняя нормы законы изменить норму права ее толкованием. Вместе с тем, по заявлению премьер-министра и главы Либерально-демократической партии Синдзо Абэ 2020 год, когда в стране пройдут Олимпийские игры, должен стать годом вступления в силу новой Конституции.²

Подводя итоги, можно говорить о том, что на данный момент, наиболее очевидным прообразом правовой системы Японии является романо-германская правовая семья, так как для Японии характерно кодифицированное законодательство, отсутствие нормотворческой прерогативы суда, а также нормативный акт как главный источник права. В то же время, наличие неких правовых принципов, обычаев, традиций, которые выливаются во внесудебные способы урегулирования общественных отношений также имеют влияние на правосознание граждан и правопорядок, что отражает влияние традиционной правовой семьи. И наконец, широкое применение толкования содержания правовых норм вместо внесения поправок в нормативные акты и тот факт, что в разработке Конституции 1947 года принимали участие американские оккупационные войска говорит о том, что на правовую систему Японии несомненно оказывает влияние и англо-саксонская правовая семья. Именно такая совокупность особенностей и различных элементов позволяют выделять многим учёным (например, Л.А. Морозовой) японскую правовую систему в отдельную правовую семью – дальневосточную. Правомерное поведение граждан и их отношение к праву в Японии формировалось на протяжении несколь-

---

¹ Кошкин А. Запрещенная армия Японии — одна из сильнейших в мире // REGNUM.RU: официальный сайт информационного агентства «Regnum». 12.09.2017. URL: <https://regnum.ru/news/2321089.html> (дата обращения 15.06.2019)

² Гатинский А. Абэ заявил о планах внести изменения в «мирную» статью Конституции Японии // RBC.RU: официальный сайт информационного агентства «РБК». 03.05.2017. URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/05/2017/59097bf69a79474818408111> (дата обращения 15.06.2019)

ких веков под воздействием трансформации правовой системы и привело к возникновению уникального и неповторимого правопорядка, который сейчас является одной из главных особенностей страны восходящего солнца не только в правовом, но в социально-культурном плане.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ерёмин В.Н. История правовой системы Японии. / В.Н. Ерёмин. М.: РОСПЭН. 2010. 293 с.
2. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник. / Л.А. Морозова. - 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Эксмо, 2010. - 384 с.
3. Гатинский А. Абэ заявил о планах внести изменения в «мирную» статью Конституции Японии // RBC.RU: официальный сайт информационного агентства «РБК». 03.05.2017. URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/05/2017/59097bf69a79474818408111> (дата обращения 15.06.2019)
4. Горячева Е.А. О пересмотре Конституции Японии. / Е.А. Горячева, В.В. Кожевников // Россия и АТР. 2018. № 1 (99). С. 133-147.
5. Давид Р. Основные правовые системы современности / Давид Р., Жоффре-Спинози К.; Пер. с фр. В.А. Туманова. М.: Международные отношения, 2009. 456 с.
6. Ивановская Н.В. Медиация в Японии // Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире : сборник статей Межвузовской конференции. - Москва: РУДН, 2015. - 232 с.
7. Ивановская Н.В. Тенденции развития применения медиации в странах азиатско-тихоокеанского региона // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 6. С. 59 - 61.
8. Конституция Японии 1947 г. [Текст] // Конституции зарубежных государств / Сост. В.В. Маклаков. - 2-е изд. исправл. И доп. - М.: БЕК, 1999. - 584 с.
9. Кошкин А. Запрещенная армия Японии — одна из сильнейших в мире // REGNUM.RU: официальный сайт информационного агентства «Regnum». 12.09.2017. URL: <https://regnum.ru/news/2321089.html> (дата обращения 15.06.2019)
10. Небратенко Г. Г. Доктрина правовой семьи традиционного (обычного) права: современное состояние и перспективы модернизации // Философия права. 2010. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doktrina-pravovoy-semi-traditsionnogo-obychnogo-prava-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-modernizatsii> (дата обращения: 26.05.2019)
11. Ночвина Б.А. Трансформация конституционного права Германии и Японии после Второй мировой войны. // Преподаватель XXI век. 2017. №2. С. 298-306.
12. Родионова А.А. Культурные особенности Японии как фактор формирования корпоративной этики // Ассоциация японоведов. 2013. URL: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=277&Itemid=68 (дата обращения: 26.05.2019)
13. Тенилова Т.Л. Преемственность как гарантия эффективности действия права. // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 469-474.
14. 日本憲法70年 [Special news report of the NHK "70th anniversary of the Constitution"]. URL: <https://www3.nhk.or.jp/news/special/kenpou70/%20yoron2017.html> (дата обращения 15.06.2019). (In Jap.)

ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК

Николай Александрович Цепляев

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Преступления среди несовершеннолетних в Российской Федерации являются на протяжении нескольких десятилетий одной из главных проблем общества. Так, согласно portalу правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации, выявлено несовершеннолетних лиц, совершивших преступления в 2015 г. – 55993, в 2016 г. – 48589, в 2017 г. – 42504, в 2018 г. – 40860¹.

Причинами данной преступности являются негативные социальные изменения: распад СССР, начало кризиса во многих общественных отношениях, проблемы социально – экономического характера в России. Несовершеннолетние в свою очередь характеризуются уязвимостью в силу своего возраста и внушаемости, особенно, по замечанию Н. Д. Мальцова, это влияние в настоящее время происходит с помощью СМИ (хотя в СМИ не входит сеть «Интернет», однако, с учетом развития электронных и цифровых технологий, согласно Закону Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации»², данное воздействие на сознание и поведение подростков осуществляется в значительной степени данной сетью), склонностью молодежи к мятежному поведению, что наглядно демонстрирует нам ряд стран мира, когда именно молодые люди, включая несовершеннолетних, выходят на улицы и площади с определенными лозунгами и требованиями по различным общественным и политическим вопросам³.

При этом на преступность несовершеннолетних влияет не столько незнание законов, сколько юношеский максимализм, а в некоторых случаях они выступают соучастниками преступления, что может нарушать права несовершеннолетних. Это представлено групповыми правонарушениями, появлением в общественных местах в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, совершением мелкого хулиганства, нарушением правил дорожного движения, и т.д. Кроме того, на преступность несовершеннолетних в немалой степени оказывает влияние падение нравственности в обществе, что, по замечанию исследователей, является основополагающим при совершении противоправных деяний⁴, в том числе и несовершеннолетними лицами.

---

¹ Выявлено несовершеннолетних лиц, совершивших преступления // Портал правовой статистики. Генеральная прокуратура Российской Федерации: [сайт]. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 13.03.2019).

² О средствах массовой информации : закон Рос. Федерации от 27 дек. 1991 г. № 2124-1 (ред. от 06.06.2019) // Рос. газ. – 1992. – 8 февр.; 2019. – 10 июня.

³ Мальцов И. Д. Основные причины преступности среди несовершеннолетних // Вестник Чеченского государственного университета. 2018. № 1 (29). С. 104.

⁴ Тасаков С. В. Общественная нравственность и ее роль в преодолении кризиса // Российская юстиция. 2009. № 5. С. 47-50 ; Осокин Р. Б. Общественная нравственность как особо ценный объект охраны // Вестник Московского университета МВД

Путем анализа работ ученых были установлены и обобщены причины несовершеннолетней преступности применительно к нашей теме исследования.

В первую очередь во внимание берется такой социальный институт как семья. Здесь необходимо сделать акцент на неблагополучных семьях, в которых родители страдают алкогольной либо наркотической зависимостью. В таких семьях дети предоставлены сами себе, буквально брошены на произвол судьбы, со стороны родителей отсутствует какой-либо контроль за их деятельностью. Либо наоборот – родители принуждают заниматься своих детей кражами, проституцией, нападениями на граждан в целях завладения чужим имуществом либо денежными средствами.

Также существуют семьи с чрезмерной опекой и контролем за своим ребенком, лишением его всякой возможности принимать решения. Оттого несовершеннолетние нередко нагло совершают преступления, чтобы хоть как-то отстоять свою позицию перед родителями.

Еще одной причиной совершенно точно можно назвать отсутствие систематического досуга, который был бы организованным и индивидуально подобранным для каждого ребенка. С одной стороны, бесцельное времяпрепровождение, отсутствие увлечений, хобби, наряду с которыми преобладают уличные прогулки в компании друзей, чаще всего влекут за собой повышенную вероятность совершения преступлений несовершеннолетними. С другой стороны – бесконтрольное проведение досуга, которое, к слову, должны регулировать сами родители, подталкивает подростков на мысль о совершении общественно опасных деяний.

При этом нельзя ни в коем случае приводить доводы, что преступления в несовершеннолетнем возрасте в значительном числе случаев совершаются лицами из неблагополучных семей, так как и в полных семьях подростки тоже порой готовы пойти на совершение преступления. Вызвано это чувством вседозволенности и безнаказанности, возможно, желанием привлечь родительское внимание¹.

России. 2011. № 7. С. 167 ; Закарин А. М. Кризис духовно-нравственного воспитания молодежи // Научный поиск. 2012. № 4.3. С. 17-19 ; Осокин Р. Б. К вопросу о криминализации изготовления или распространения произведений, пропагандирующих насилие и жестокость // Публичное и частное право. 2014. № 1. С. 70-71 ; Осокин Р. Б. Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 3.

¹ Гусейнов А. Б. Детерминация правонарушений несовершеннолетних в России // Теория и практика общественного развития. 2008. № 1. С. 84-90 ; Рябцев Г. В. Причины и условия преступности несовершеннолетних // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2015. № 1 (6). С. 169-175 ; Иванова Л. М., Корягина С. А. Преступность несовершеннолетних и проблемы ее раннего предупреждения // Социальная компетентность. 2016. Т. 1. № 2 (2). С. 35-41 ; Антонян Ю. М., Гончарова М. В. Состояние и причины преступности несовершеннолетних в России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 87-100 ; Лобачева П. Л. Причины и условия возникновения преступности несовершеннолетних // Образование и наука в России и за рубежом : [сайт]. URL: <https://www.gyrfnal.ru/statyi/ru/879/> (дата обращения: 23.05.2019)

Неспроста среди первопричин возникновения и развития подростковой преступности выделяют институт семьи. Разумеется, речь идет о деформированных семьях, которые не оказывают влияния на подростка либо вовсе оказывают отрицательное воздействие.

В свою очередь, внимание к профилактике преступлений, совершаемых несовершеннолетними, посягающими на охраняемые государством общественные отношения, связанные с обеспечением общественного порядка, обусловлено тем, что в случае совершения данных деяний нарушается работа учреждений и организаций публичного характера, а также нарушаются отношения между людьми с учетом общепринятых норм морали, нравственности и законности¹.

В настоящее время, согласно теории уголовного права, к данным преступлениям относятся две статьи уголовного закона, расположенные в разделе IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» гл. 24 «Преступления против общественной безопасности» ст. 213 «Хулиганство» и ст. 214 «Вандализм», на которые приходится несовершеннолетних осужденных в 2015 г. и в 2016 г. по 30 человек ежегодно (только по ст. 213 УК РФ), в 2017 г. – 28 лиц (только по ст. 213 УК РФ), 2018 г. – 41 человек².

Согласно технико-юридическому конструированию данных статей уголовного закона, отличительными признаками данных деяний является то что при хулиганстве происходит грубое нарушение общественного порядка, выражающееся в явном неуважении к обществу и которое может быть совершено с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, или по экстремистским мотивам либо на железнодорожном и ином другом транспорте общего пользования. При вандализме совершается осквернение зданий и иных сооружений, порча имущества в общественных местах.

Поэтому можно отметить, что данные статьи УК РФ отграничиваются по интенсивности совершаемых действий виновными лицами, а также масштабом наступающих последствий в ходе совершаемого каждого из этих преступлений.

Примерами из судебной практики по совершению преступлений, посягающих на общественный порядок несовершеннолетними лицами, может быть приговор Индустриального районного суда г. Хабаровска по де-

---

¹ Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. М. : Статут, 2012. С. 400-401; Коротких А. Г. О сути и значении понятий «общественный порядок» и «общественная безопасность» // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 3. С. 40 ; Хомяков И. Д. Проблемы понятия охраны общественного порядка как формы реализации правоохранительной функции государства // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4-5. С. 148 ; Алимпиева Т. Г., Нурлин А. К., Молдабаев Е. Б., Алимпиев А. А. Проблема догматического и специально-юридического толкования понятия «общественный порядок» // Молодой ученый. 2015. № 4 (84). С. 439-442.

² Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 27.05.2019).

лу № 1-1412/2005. С. был осужден за хулиганство, то есть грубое нарушение общественного порядка, проявленное в явном неуважении к обществу, сопровождающемся применением насилия к гражданам, угрозой его применения, совершенном группой лиц, связанном с сопротивлением лицу, пресекающему нарушение общественного порядка, с применением предмета, используемого в качестве оружия, и совершением данного деяния в несовершеннолетнем возрасте. Однако постановление Президиума Хабаровского краевого суда от 27 мая 2013 г. № 44у-77/2013 исключило из осуждения С. указание на совершение преступления группой лиц, а также признало в качестве смягчающего обстоятельство совершение данного преступления в несовершеннолетнем возрасте¹.

В ином случае приговором Лобненского городского суда Московской области по уголовному делу № 1-57/2010 было заключено, что у И. внезапно возник умысел совместно с группой лиц повредить пластиковые щиты пешеходного моста, относящегося к ОАО «РЖД», то есть умысел порчи имущества в общественном месте. Реализуя его, И. и Р., действовали совместно и согласованно, из хулиганских побуждений, нанесли каждый множественные удары ногами в обуви по четырем пластиковым щитам указанного моста, чем повредили их и привели в негодность, нарушив при этом общественный порядок и причинив имущественный вред ОАО «РЖД», в связи с чем были признаны виновными по ч. 2 ст. 214 УК РФ².

В Конституции Российской Федерации прописано: «Материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Защита о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей»³. В силу этого государству необходимо постоянно уделять повышенное внимание поддержке материнства и детства при противодействии несовершеннолетней преступности, противодействию вовлечения подростков в антисоциальные группы и ведению антинаркотической и антиалкогольной пропаганды, так как именно под воздействием данных веществ и после употребления алкоголя несовершеннолетними лицами зачастую совершаются подобные преступления.

Кроме того, на территории России действует специальный Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ре-

---

¹ Постановление Президиума Хабаровского краевого суда от 27 мая 2013 г. по уголовному делу № 44у-77/2013 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [сайт]. URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html#id=9767038bae4c42078a2117cc702ce531&shard> (дата обращения: 27.05.2019).

² Приговор Лобненского городского суда Московской области от 17 мая 2010 г. по уголовному делу № 1-57/2010 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [сайт]. URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html#id=fbbfda8c8ffe7d9babe8aa44491c6454&shard> (дата обращения: 27.05.2019).

³ Конституция Российской Федерации : принята на всенародном голосовании 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2014. - № 31, ст. 4398.

бенка в Российской Федерации»¹, направленный на реализацию основных прав, свобод и законных интересов данных лиц. Этому способствует и принятие Указа Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства»², планируемого с 2018 по 2027 гг.

При этом подтверждением проблем несовершеннолетней преступности стало принятие отечественным законодателем Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»³, в котором подчеркивается среди основных направлений профилактики правонарушений: предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних.

Поэтому можно сказать, что именно профилактике должна отводиться основополагающая роль, так как она направлена на возвращение положительных начал у несовершеннолетнего лица, при этом именно на ранних стадиях профилактика позволит скорректировать и устранить социальную девиацию у подростка до возникновения у него умысла на совершение противоправного деяния, запрещенного УК РФ, в частности предусмотренного ст.ст. 213 и 214.

Профилактика преступности несовершеннолетних, в том числе в рамках предупреждения совершения ими преступных посягательств на общественный порядок, не должна возлагаться только на органы государственной власти и управления. В решении проблемы борьбы с подростковой преступностью должны участвовать учреждения всех уровней. При всей очевидной значимости семейного воспитания и профилактической деятельности государственных органов роль образовательных учреждений не менее важна. Они являются для несовершеннолетнего одной из основных сфер жизнедеятельности, где происходит формирование личности обучающегося, его нравственно-психологических основ поведения, обеспечивается физическое, социальное и интеллектуальное развитие.

К основным задачам учреждений образования относятся разработка и реализация методик с целью формирования правомерного поведения; проведение комплексных психолого-педагогических обследований для определения необходимых форм обучения и воспитания; выявление обучающихся, пропускающих занятия, и своевременное принятие мер по

---

¹ Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ (ред. от 27.12.2018) : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 3 июля 1998 г. : одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 9 июля 1998 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 1998. - № 31, ст. 3802; 2018. - № 53, ч. I, ст. 8488.

² Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства : указ Президента Рос. Федерации от 29 мая 2017 г. № 240 // Рос. газ. - 2017. - 30 мая

³ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 10 июня 2016 г. : одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 15 июня 2016 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2016. - № 26, ч. I, ст. 3851.

нормализации процесса обучения; содействие семьям в воспитании и обучении детей; организация досуга несовершеннолетних¹.

В настоящее время профилактикой преступности несовершеннолетних - в том числе по предупреждению преступлений, посягающих на общественный порядок - занимаются правоохранительные органы в лице МВД, деятельность которого не может быть эффективной без взаимодействия с учебными заведениями, а также органами государственной власти и местного самоуправления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алимбиева Т. Г., Нурлин А. К., Молдабеков Е. Б., Алимбиев А. А. Проблема догматического и специально-юридического толкования понятия «общественный порядок» // Молодой ученый. 2015. № 4 (84). С. 439-442.

2. Антонян Ю. М., Гончарова М. В. Состояние и причины преступности несовершеннолетних в России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 87-100.

3. Выявлено несовершеннолетних лиц, совершивших преступления // Портал правовой статистики. Генеральная прокуратура Российской Федерации : [сайт]. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 13.03.2019).

4. Гусейнов А. Б. Детерминация правонарушений несовершеннолетних в России // Теория и практика общественного развития. 2008. № 1. С. 84-90.

5. Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 27.05.2019).

6. Закарин А. М. Кризис духовно-нравственного воспитания молодежи // Научный поиск. 2012. № 4.3. С. 17-19.

7. Иванова Л. М., Корягина С. А. Преступность несовершеннолетних и проблемы ее раннего предупреждения // Социальная компетентность. 2016. Т. 1. № 2 (2). С. 35-41.

8. Конституция Российской Федерации : принята на всенародном голосовании 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2014. - № 31, ст. 4398.

9. Коротких А. Г. О сути и значении понятий «общественный порядок» и «общественная безопасность» // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 3. С. 37-42.

10. Лапина Л. А., Машкова М. А. Методические аспекты профилактики преступности несовершеннолетних в организациях среднего профессионального образования // Научное сообщество студентов. Междисциплинарные исследования : электронный сборник статей по материалам XXII студенческой международной научно-практической конференции. Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2017. С. 174-179.

---

¹ Лапина Л. А., Машкова М. А. Методические аспекты профилактики преступности несовершеннолетних в организациях среднего профессионального образования // Научное сообщество студентов. Междисциплинарные исследования : электронный сборник статей по материалам XXII студенческой международной научно-практической конференции. Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2017. С. 174-179.

11. Мальцагов И. Д. Основные причины преступности среди несовершеннолетних // Вестник Чеченского государственного университета. 2018. № 1 (29). С. 104-107.
12. О средствах массовой информации : закон Рос. Федерации от 27 дек. 1991 г. № 2124-1 (ред. от 06.06.2019) // Рос. газ. – 1992. – 8 февр.; 2019. – 10 июня.
13. Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства : указ Президента Рос. Федерации от 29 мая 2017 г. № 240 // Рос. газ. – 2017. – 30 мая
14. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 10 июня 2016 г. : одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 15 июня 2016 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2016. - № 26, ч. I, ст. 3851.
15. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ (ред. от 27.12.2018) : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 3 июля 1998 г. : одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 9 июля 1998 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. - № 31, ст. 3802; 2018. - № 53, ч. I, ст. 8488.
16. Лобачева П. Л. Причины и условия возникновения преступности несовершеннолетних // Образование и наука в России и за рубежом : [сайт]. URL: <https://www.gyurnal.ru/statyi/ru/879/> (дата обращения: 23.05.2019)
17. Осокин Р. Б. К вопросу о криминализации изготовления или распространения произведений, пропагандирующих насилие и жестокость // Публичное и частное право. 2014. № 1. С. 70-73.
18. Осокин Р. Б. Общественная нравственность как особо ценный объект охраны // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 7. С. 167-169.
19. Осокин Р. Б. Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 47 с.
20. Постановление Президиума Хабаровского краевого суда от 27 мая 2013 г. по уголовному делу № 44у-77/2013 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [сайт]. URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html#id=9767038beae4c42078a217cc702ce531&shard> (дата обращения: 27.05.2019).
21. Приговор Лобненского городского суда Московской области от 17 мая 2010 г. по уголовному делу № 1-57/2010 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [сайт]. URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html#id=fbbfda8c8ffe7d9babe8aa44491c6454&shard> (дата обращения: 27.05.2019).
22. Рябцев Г. В. Причины и условия преступности несовершеннолетних // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2015. № 1 (6). С. 169-175.
23. Тасаков С. В. Общественная нравственность и ее роль в преодолении кризиса // Российская юстиция. 2009. № 5. С. 47-50.
24. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. Ф.П. Сундурова, М.В. Талан. М. : Статут, 2012. 943 с.
25. Хомяков И. Д. Проблемы понятия охраны общественного порядка как формы реализации правоохранительной функции государства // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4-5. С. 146-153.

ПРАВОПОРЯДОК СЕГОДНЯ

Игорь Валерьевич Ширин
*Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

Правопорядок сегодня – достаточно сложная, комплексная и важная категория. И хотя сейчас ему присущи различные особенности и нетипичные по сравнению с ранними историческими периодами признаки, тем менее основное его значение раскрывается, на мой взгляд, в соотношении таких явлений как свобода и принуждение.

Сегодня же соотношение этих понятий рассматривается, как правило, через призму законодательства как базового элемента современной отечественной правовой системы. Однако роль законодательства в происходящих ежедневно в процессе развития общества социальных переменах становится все более туманной и искажаемой, а современные представления о функциях законодательства все более спорными.

Практически во всех правовых системах современного мира отмечается тенденция, связанная с растущим значением законодательства в регулировании общественных отношений. Что интересно, такую тенденцию можно увидеть как в континентальных странах, которые буквально тонут в ежедневном огромном потоке законодательных актов, так и в государствах, унаследовавших англосаксонскую правовую традицию обычного и судебного права, постепенно утрачивающего свою актуальность в связи с расширением права статутного.

Сегодня всё чаще решение всех проблем видят именно в законодательстве, порой даже грубо и полностью отождествляя его с правом, не обращая внимания на то, что, возможно, законодательство не является панацеей, действуя слишком жестко, быстро и непредсказуемо, а кроме того, оно часто связано с мнениями несоизмеримо маленькой группы людей, так называемых народных представителей.¹

Однако даже когда какие-либо негативные последствия всё-таки замечают, критика обычно направлена на отдельные законодательные акты, но не на современную законодательную систему в целом, в связи с чем решение проблемы ищут, как правило, в принятии новых улучшенных законов, вместо поиска каких-либо альтернативных решений, которые, например, были актуальными у несовременных обществ различных исторических этапов.

Сторонники же законодательства как панацеи, как правило говорят о том, что многие современные проблемы, в том числе правовые, порождены уровнем развития общества и научно-техническим прогрессом, в связи с их новизной поэтому невозможно подходить к их решению, будучи вооруженным старыми правовыми идеями.

Тем не менее до сих трудно найти достаточно убедительные доказательства, свидетельствующие о том, что современное общество имеет

---

¹ Свобода и закон. Бруно Леони.

лучшие инструменты для решения обсуждаемых проблем, по сравнению с обществами предыдущими, которые так опрометчиво не приравнивали право и законодательство.

Наше нынешнее представление о законодательстве находится под большим влиянием того, какое значение мы придаём законодательной функции и воле других людей, через нее выражающейся.

И возникающие постоянно вопросы по поводу отдельных ограниченных прав и свобод на самом деле уже постепенно становятся вопросом о совместимости свободы и современной системы законодательства, которая практически отождествляется с системой правовой.

К счастью, для иллюстрации обсуждаемых вопросов нам не нужно разрабатывать какую-то абстрактную утопическую модель. Так, например, можно рассмотреть правовые системы древнего Рима и Англии, с точки зрения того, насколько независимы от законодательства были эти системы в период своего расцвета. Как римляне, так и англичане считали, что закон надо как бы «открыть», а не просто ввести в действие чьей-то волей. В свою очередь таким открытием занимались юрисконсульты и судьи.

В течении веков на континенте правовая традиция не сводилась лишь к законодательству как самостоятельному институту. По мнению известных юристов, зарождавшиеся законодательные акты должны были иметь целью кратко и четко обобщить выявленные на практике и как бы открытые законы, прослеживающиеся во многочисленных несистематизированных судебных решениях, а конституции – закрепить принципы, найденные таким же образом, т.е. просто материально выразить объективный закон, а не чью-либо волю.

Замена же законодательством обычного права оправдана только в случае крайней неопределенности обычного регулирования, либо его высокой социальной вредоносности, которой законодательство позволит избежать, сохранив все преимущества ранее существовавшей системы.

Тем не менее законодатели вряд ли следуют таким установкам, считая, что законодательство – благо само по себе, перекладывая бремя доказывания обратного на тех, кто с этим не согласен. В связи с этим возможно стоит отказаться от законодательства во всех случаях, когда его используют исключительно как средство подчинения меньшинств, а также в случаях, когда люди сами могут урегулировать свои отношения, вне зависимости от решений каких-либо групп и без принуждения их тому, что они сами не стали бы никогда делать без принуждения. Также от законодательства стоит отказываться, даже когда появляется хоть тень сомнения относительно того, окажет ли оно какой-либо положительный эффект по сравнению с существующим не законодательным регулированием.

Минус законодательства также заключается в том, что оно может разрушить уже сложившееся традиционное регулирование и договоренности, которые соблюдались по добровольному согласию. Таким образом в том числе принижается и их роль, и доверие к ним, однако наоборот искусственно завышается авторитет закона, хотя он в свою очередь тоже может меняться, еще больше подрывая социальную стабильность.

Обычаи, неписанные правила и договоренности в свою очередь еще ждут момента своего открытия, наиболее рационально возможность такого открытия доверять юристам и судьям, которые во-первых, вмешаются, только когда их просят об этом заинтересованные во вмешательстве и согласные на это вмешательство люди, решение в отношении которых тем самым не ограничивает права и интересы иных лиц; во-вторых, такие решения редко могут быть найдены без обращения к сходным ситуациям и решениям, тем самым участники процесса находятся в косвенном сотрудничестве со всеми заинтересованными сторонами как в прошлом так и в настоящем, и будущем.

Таким образом у авторов решений нет той неограниченной власти над неопределенным кругом лиц, которая есть у них сейчас. Сопоставив таким образом современных законодателей с судьями в такой ситуации, мы увидим, насколько неограниченная власть у них есть сейчас. В данной ситуации уместно сравнение правового регулирования со свободным рынком.

Плохо же это связь прослеживается из-за крайне редкого сотрудничества экономистов и юристов.

Однако всё не так просто и с правом.

С большой долей вероятности общепризнанным является понимание права, как самостоятельного и независимого института. Таким же традиционным является мнение о том, что в праве воплощаются самые благородные идеи истины, доброты, равенства и справедливости. Однако, что если предположить обратное? Рассмотрим далее достаточно спорную в некоторых аспектах, но дающую ответы на многие вопросы, концепцию понимания права, его сущности.

Что если мы рассмотрим право как специально разработанный социумом механизм для нивелирования несовершенства прежде всего культурной, а также социальной и экономической сферы жизни общества. То есть право было создано и стало существовать в качестве инструмента для латания многочисленных дыр в стене, олицетворяющей уровень культуры сначала в различных конкретных обществах на ранних исторических этапах, а сейчас вследствие глобализации и масштабного международного взаимодействия во всем мировом сообществе.

Вот, что я имею в виду. Любой человек – это совокупность всех встреченных им людей, это то общество, в котором он живёт, та культура, которая на него влияет. Именно культура, как продукт социума, оказывает решающее влияние на человека, на то, как он живёт, мыслит и поступает. Таким образом, нет ни одного индивидуума, который не оказался бы подвержен воздействию культуры.¹

Такие абстрактные категории, как истина, доброта, равенство и справедливость, также являются продуктами культуры, которая, однако может быть неодинаковой у разных обществ, как и вышеприведённые категории. Так, например, если мы возьмём ребёнка из какой-либо современ-

---

¹ Цикл лекций о Проекте Венера. Жак Фреско. [Интернет ресурс] URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLtrvASf11KW7VOYRKjglcagQzWLoxIncl>

ной аристократической и интеллигентной семьи и отдадим его в племя аборигенов, не знающих развитого мира, а затем вернёмся к нему, когда он уже вырастет, то на вопрос: «Беспокоит ли его что-либо относительно того, что он и его соплеменники каждый день убивают или даже питаются другими людьми?», он, вероятно, ответит, что его действительно кое-что смущает. Например, то, что на его поясной повязке вражеских скальпов гораздо меньше, чем у соплеменников или вождя. Для него такая жизнь является абсолютно обычной, справедливой и истинной.

Мы же в противовес этому, вероятно, можем похвастаться тем, что мы посредством разных формулировок адекватно закрепили обсуждаемые категории в таких якобы важных документах, как конституции. Тем не менее сам факт того, что их до сих пор приходится закреплять, говорит о том, что они очевидны далеко не всем, и для их понимания все ещё требуется обозначение в столь значимых документах. Иными словами, это означает, что и с нашей культурой все далеко не идеально.

Данное предположение подтверждается и состоянием экономической сферы жизни общества. Полки и стеллажи в гипермаркетах ломятся от невероятного количества пищи, во многих странах происходят кризисы перепроизводства, а в России и более того целенаправленно под тракторными гусеницами уничтожаются тысячи тонн продуктов питания, в то время как по всему миру миллионы людей каждый день умирают от голода, в том числе и прямо под стенами таких супермаркетов. Где же тут свобода, справедливость, добро и равенство? Уже сейчас, к примеру, предоставив многие ресурсы в общемировое пользование, мы сможем обеспечить всех нуждающихся всеми необходимыми для удовлетворения первичных потребностей ресурсами. А при поддержке современных технологий, в том числе средств связи, системы транспорта, возможностей статистики и автоматизации производства, которая с каждым днём позволяет заменить на слабо развивающих личность, механических производственных профессиях всё больше людей, тем самым лишая их работы, зарплаты, потребительских возможностей, обеспечивающих спрос, который в свою очередь в тысячи, если не в миллионы раз уменьшит необходимость высокого предложения, объёма производства и нерационального использования ресурсов. Так и давно устаревшая денежная система также придёт в негодность. А те огромные массы освобождающихся людей получат столь же огромное количество времени, которое они тратили на работу и на добычу необходимых ресурсов. Это время они как раз смогут потратить на саморазвитие и повышение своего культурного уровня.

Возникает закономерный вопрос: как долго при такой системе будет существовать необходимость права как такового? С повышением того самого культурного уровня, уже не таким ценным станет конституционное право, и людям достаточно будет, например, того же императива И. Канта. С кардинальным изменением функционала государства атрофируется и право административное. С введением ресурсо-ориентированной экономики, а также появлением такого состояния, при котором основные потребности каждого будут в достаточно высокой степени удовлетворены, высвободив

время на воспитание и развитие, редуцируется уголовное право, в силу отпадения необходимости совершать преступления, а с ним и право гражданское, которое даже сейчас слишком «императивно зарегулировано», хотя по своей сути таковым быть не должно, поскольку суть гражданского оборота состоит в обмене и договорённости автономных субъектов о таком обмене, который тем более сведётся к минимуму при вышеописанной системе, а необходимые договорённости станут гораздо более аутентичны и потому менее связаны с необходимостью быть урегулированными извне.

Многочисленные современные отечественные правовые и законодательные институты также сегодня не вступают в конфронтацию с достижениями и знаниями, имеющимися у человечества на данный момент благодаря научно-техническому прогрессу.

Примеры тому можно найти в различных отраслях права.

Так, автор статьи столкнулся с достаточно интересной проблемой в области уголовного права. Наказание в виде пожизненного лишения свободы или в виде смертной казни в соответствии с Уголовным Кодексом Российской Федерации не применяется к в частности к женщинам, однако, что если после преступления, за совершение которого предусмотрены данные виды наказания лицо сменит пол с мужского на женский, что же в таком случае делать с ним?¹

Другой пример также из отрасли уголовного права. Что делать с лицом, которое совершает преступление в состоянии гипноза. В соответствии с действующим законодательством оно чаще всего будет привлечено к ответственности, поскольку гипноз считается преодолимым психическим принуждением, однако уже существуют данные, свидетельствующие о том, что определенные виды гипнотического воздействия способны полностью «отключить» волю человека. Соответственно он не может осознавать свои действия и руководить ими.²

Достаточно суровым является регулирование в области наркотических средств, в том числе ответственность предусмотрена за употребление наркотиков, тем не менее в соответствии с многочисленными международными исследованиями указанное регулирование уже давно себя не оправдывает, что подтверждается и практикой ряд иностранных государств, проводящих политику легализации, декриминализации и заместительной терапии.³

Отечественное «антиэкстремистское» законодательство сегодня направленно совсем не на борьбу с экстремизмом, а нормы статей УК РФ являются инструментами для политических репрессий, на что обращает внимание ряд отечественных и зарубежных правозащитных организаций.⁴

---

¹ Уголовный Кодекс Российской Федерации.

² Орешкина Т.Ю. Система обстоятельств, исключаящих преступность деяния // Lex russica. 2015. N 3. С. 73 - 85.

³ Статья Анны Саранг, сотрудницы фонда Андрея Рылькова, занимающегося популяризацией идей вдумчивой наркополитики. URL: <http://www.furfur.me/furfur/culture/culture/214349-dzhanki-kak-amsterdam-nauchilsya-zhit-s-narkotikami>

⁴ <https://lenta.ru/news/2012/06/25/venice/> (Венецианская комиссия раскритиковала российские законы о ФСБ и экстремизме)

Запрещена эвтаназия, что вкупе с чрезвычайно суровым наркотическим регулированием не оставляет ни малейшего шанса для людей, страдающих от тяжелых, мучительных, смертельных болезней, на гуманное окончание их жизненного пути, а также распоряжение тем, что принадлежит им как ничто другое – своей жизнью.

Чрезвычайно проблемным является вообще весь институт наказания в отечественном уголовном праве сегодня, поскольку те цели, которые зафиксированы в УК РФ если и достижимы, то только в каких-либо единичных исключительных случаях.

Современные научно-технические вызовы оставляют след и на других отраслях. Для иллюстрации утверждения обратимся к таким современным областям как интеллектуальное, авторское и патентное права. Нормы данных правовых сфер все чаще становятся значительным препятствием на пути общечеловеческого развития, особенно в области медицины, науки и технологий, не позволяя ведущим ученым из различных стран объединиться для решения многочисленных острых проблем постиндустриального мирового сообщества.¹ Тем не менее бомбой замедленного действия для указанных отраслей является развитие технологии 3-D печати, которая позволит в ближайшем будущем неограниченному количеству людей создавать для себя практически все возможные и необходимые материальные блага. И очень трудно будет предсказать, как на это отреагирует право.

Подводя итоги, мы можем задать вопрос о действительной ценности института права как такового. Ведь может быть всё-таки право нужно лишь постольку, поскольку оно нарушается, таким образом, становясь по большей части дополнительной санкцией, существующей в силу искаженности культуры современного общества и практически всех социальных взаимодействий? А прогресс и развитие данного общества только сильнее демонстрирует его несовершенство, что уж говорить о законе, как еще более порочном отражении этого права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. [Интернет ресурс] URL: <https://lenta.ru/news/2012/06/25/venice/> (Венецианская комиссия раскритиковала российские законы о ФСБ и экстремизме)
2. Видеоматериал, Пираты цифровой сети: Мертвецы не слушают mp3. [Эл. ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DzTIW2ykEmk>
3. Орешкина Т.Ю. Система обстоятельств, исключающих преступность деяния // Lex russica. 2015. N 3. С. 73 - 85.
4. Леони Б. Свобода и закон / пер. с англ. В. Кошкина. – М.: ИРИСЭН, 2008.
5. Саранг А. Счастливы вместе: как Амстердам научился жить с наркотиками? – URL: <http://www.furfur.me/furfur/culture/culture/214349-dzhanki-kak-amsterdam-nauchilsya-zhit-s-narkotikami>
6. Уголовный Кодекс Российской Федерации.
7. Цикл лекций о Проекте Венера. Жак Фреско. [Интернет ресурс] URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLtrvASf1KW7VOYRkJgicagQzWLoxIncl>

---

¹ Видеоматериал, Пираты цифровой сети: Мертвецы не слушают mp3. [Эл. ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DzTIW2ykEmk>

**НОРМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО И ЗАРУБЕЖНОГО УГОЛОВНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИЕ УГОЛОВНУЮ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВО НА ЖИЗНЬ И ЗДОРОВЬЕ ЛИЦ,
ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ПРАВОСУДИЕ ИЛИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ
РАССЛЕДОВАНИЕ**

Иван Сергеевич Якушин

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Право на жизнь относится к естественным правам человека, которые были официально провозглашены в период буржуазных революций и в настоящее время отражаются в некоторых международных актах¹, а также закреплены в ст. 20 Конституции Российской Федерации². Однако данное положение не означает, что жизнь человека не охранялась ранее. Уже в нормах первого законодательного акта «Краткая редакция. Текст по Академическому списку. Правда Роськая» предусматривалась ответственность за убийство человека³.

Уголовное законодательство дифференцирует ответственность в зависимости от посягательства на охраняемые общественные отношения, наступление уголовно-правовых последствий, характера и степени общественной опасности деяния и лица, его совершившего.

На общепризнанном и национальном уровнях у нас провозглашено, что все равны, но законодатель дифференцирует ответственность в зависимости от должностного положения потерпевшего в нормах Уголовного кодекса, что в немалой степени обусловлено тем, что подобные лица наделены определенными правомочиями и действуют от имени и в интересах государства, общества и личности. Поэтому совершение посягательства на данных лиц вызывает общественный резонанс.

В связи с этими обстоятельствами считаем необходимым проанализировать особенности регламентации подобной уголовной ответственности в ряде зарубежных стран, относящихся к постсоциалистической (характеризуется тем, что данная семья была образована на основе социалистической, куда входили СССР и иные страны, в основе которых при проведении своей государственной политики выбрали марксистско-ленинские взгля-

---

¹ Всеобщая декларация прав человека от 10 дек. 1948 г. // Рос. газ. – 1998. – 10 дек. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 дек. 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1976. - № 17, ст. 291 ; Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 нояб. 1950 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2001. - № 2, ст. 163.

² Конституция Российской Федерации : принята на всенародном голосовании 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2014. - № 31, ст. 4398.

³ Краткая редакция. Текст по Академическому списку. Правда Роськая // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Законодательство Древней Руси. М. : Юрид. лит., 1984. Т. 1. С. 47-49.

ды) и романо-германской (отличается тем, что страны имеют законы основополагающей юридической силы, а также имеет место кодифицированное законодательство) правовым семьям, что позволит выявить общий и отличительный перечень лиц, подлежащих уголовно-правовой охране в той или иной стране, и возможному заимствованию позитивного зарубежного опыта при технико-юридическом конструировании отечественного законодательства, на что в той или иной степени обращают внимание в своих исследованиях многие ученые-криминалисты¹.

Так в УК РФ предусмотрена в частности ст. 295 УК РФ «Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование»², где акцентируется именно «посягательство», под которым понимается - согласно Толковому словарю - попытка сделать что-нибудь³.

---

¹ Осокин Р. Б., Курсаев А. В. Ответственность за похищение имущества с тел умерших или мест их захоронения по уголовному законодательству зарубежных стран и проблемы совершенствования ст. 244 УК РФ «Надругательство над телами умерших и местами их захоронений» // Международное публичное и частное право. 2011. № 4. С. 38-41 ; Волколупова В. А. О дифференциации ответственности за насильственные преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности по законодательству некоторых скандинавских стран: компаративистский аспект // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2014. Т. 4. № 8. С. 109-113 ; Волоколупова В. А., Сенцов А. С. Компаративистские аспекты противодействия взяточничеству в странах Европы с наименьшим уровнем восприятия коррупции // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 4 (31). С. 37-42 ; Осокин Р. Б. Сравнительно-правовой анализ состава жестокого обращения с животными по уголовному законодательству стран постсоциалистической правовой семьи // Несовершеннолетний как потерпевший и субъект преступных посягательств: уголовно-правовые, криминологические, уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные аспекты материалы общероссийской научно-практической конференции. Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. С. 89-96 ; Осокин Р. Б., Кокорев В. Г. О совершенствовании технико-юридического конструирования ст. 148 УК РФ «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий» с учетом международных договоров и опыта некоторых зарубежных стран // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика : материалы VII Международной научно-практической конференции. Тамбов : Державинский, 2018. С. 167-177 ; Осокин Р. Б., Кокорев В. Г. Сравнительно-правовой анализ уголовно-правовой охраны предметов религиозного почитания по законодательству России и некоторых зарубежных стран // Актуальные проблемы защиты социально-экономических прав человека в России, СНГ и странах Европейского Союза : материалы международной научной конференции. Волгоград : Изд-во ВолгГМУ, 2018. С. 255-260 ; Коняхин В. П., Трузян Э. В. Зарубежный опыт уголовно-правового противодействия организованным преступным группам и перспективы его использования в российском уголовном законодательстве // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 1 (63). С. 95-103.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.05.2019) : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 1996. - № 25, ст. 2954; 2019. - № 22, ст. 2668.

³ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : А ТЕМП, 2007. С. 571.

Тем самым можно сказать, что независимо от наступивших последствий, если виновное лицо совершило посягательство на судью, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия (например, арбитражных заседателей¹), прокурора, следователя, лица, производящего дознание, защитника, эксперта, специалиста, судебного пристава, судебного исполнителя, а равно их близких (дается толкование этих лиц в п. 3 ст. 5 УПК РФ²), то его действия будут квалифицироваться по ст. 295 УК РФ при условии, что оно достигло 16-летнего возраста; в ином случае его действия будут квалифицироваться в зависимости от наступивших последствий по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга) или п. «а» ч. 2 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга), либо п. «б» ч. 2 ст. 112 УК РФ (умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга).

Под осуществлением служебной деятельности следует понимать действия лица, входящие в круг его обязанностей, вытекающих из трудового договора (контракта) с государственными, муниципальными, частными и иными зарегистрированными в установленном порядке предприятиями, деятельность которых не противоречит действующему законодательству, а под выполнением общественного долга – осуществление гражданином как специально возложенных на него обязанностей в интересах общества или законных интересах отдельных лиц, так и совершение других общественно полезных действий³.

Квалификация, как правило, зависит от возраста субъекта преступления и занимаемой должности потерпевшего.

В свою очередь криминализация анализируемого нами деяния в небольшой степени обусловлена обеспечением функционирования государственной власти, в которую входит и судебная власть (ст. 10 Конституции России), и органы предварительного расследования, которые вместе входят в систему правоохранительных органов. Поэтому, учитывая конфликтность интересов участников судебного процесса, государство обеспечивает повышенную уголовно-правовую охрану данных лиц от преступных посягательств.

---

¹ Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. Ф. Р. Сундурова, М. В. Талан. М. : Статут, 2012. С. 761.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 1.04.2019) : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 нояб. 2001 г. : одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 дек. 2001 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. - № 52, ч. 1, ст. 4921; 2019. - № 14, ч. 1, ст. 1459.

³ О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 27 янв. 1999 г. № 1 (ред. от 03.03.2015) // Рос. газ. – 1999.- 9 февр. ; 2015. – 6 марта.

При этом, обращая внимание на некоторые страны постсоциалистической правовой семьи, в частности Республику Беларусь¹ и Республику Казахстан², хотелось бы отметить, что в уголовных законах данных государств предусматривается дифференциация уголовной ответственности в зависимости от занимаемой должности потерпевшего. Например, в Республике Беларусь предусматривается ответственность за угрозу и насилие в отношении судьи или народного заседателя и их близких (ст.ст. 388 и 389). Таким образом, УК Республики Беларусь не выделяет в качестве дополнительного объекта жизнь лица, осуществляющего правосудие. Вместо этого при возникновении данного состава преступления действия преступника квалифицируются по ст. 139 (убийство лица или его близких в связи с осуществлением им служебной деятельности или выполнением общественного долга) либо по ст. 147 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в отношении лица или его близких в связи с осуществлением им служебной деятельности или выполнением общественного долга) УК Беларуси. Тем самым можно сказать, что УК РФ в данном случае, как нами было подчеркнуто ранее, предусматривает подобный квалифицирующий признак в статьях Особенной части.

В свою очередь УК Республики Казахстан содержит более определенный перечень лиц: судья, присяжный заседатель, прокурор, лицо, осуществляющее досудебное расследование, защитник, эксперт, судебный пристав, судебный исполнитель, а равно их близкие (ст. 408). Кроме того, санкции в ст.ст. 408 и 99 (убийство лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности либо выполнением профессионального или общественного долга) практически идентичны. Отличие состоит лишь в том, что в ст. 99 присутствует конфискация имущества.

Также казахский законодатель - как и российский с белорусским - предусмотрел в качестве квалифицирующих признаков при причинении вреда здоровью лиц совершение в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением профессионального или общественного долга (ст.ст. 106 и 107). Таким образом, УК Республики Казахстан по сравнению с иными анализируемыми нами странами данной правовой семьи отразил в этих нормах (включая и ст. 99) отличительный признак, выражающийся в исполнении профессионального долга, под которым можно понимать выполнение лицом своих профессиональных обязанностей согласно требованиям (правилам), сформированным профессиональной деятельностью.

Подобная схожесть УК данных стран с отечественным обусловлена тем, что УК этих государств имеют общую историю, на территории которых действовало дореволюционное право, а в период СССР принимались Общие

---

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (в ред. 17.07.2018) // Параграф : [сайт]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984 (дата обращения: 24.03.2019).

² Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03 июля 2014 г. № 226-V (в ред. 19.01.2019) // Параграф : [сайт]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 24.03.2019).

начала уголовного законодательства¹, в соответствие с которыми каждая республика принимала свой УК, а после распада СССР наблюдалась заинтересованность этих государств в объединении усилий в области борьбы с преступностью. С этой целью был принят 17 февраля 1996 г. Модельный Уголовный кодекс для государств-участников СНГ², в соответствии с которым уже разрабатывались уголовные законы каждой из этих стран.

Обращая внимание на особенности регламентации уголовной ответственности за совершение данного деяния по некоторым УК стран, входящих в романо-германскую правовую семью (Франция и Испания), следует сказать, что в УК Франции ответственность за посягательство на жизнь лиц, осуществляющих правосудие, играет немаловажную роль. Примером этого служит ст. 222-3, которая предусматривает наказание в виде заключения под стражу сроком на 20 лет, если преступнику был известен статус потерпевшего. Особый интерес вызывают статьи 434-8, где имеется цель воздействовать на лицо, заседающее в каком-либо судебном органе путем любых угроз и актов устрашения³. Исходя из этого, мы можем заметить, что законодатель распределил статьи в зависимости от того, каким способом и на что направлены действия обвиняемого при воспрепятствовании правосудия, то есть, сделан ли акцент на объект, разграничив его на два основных, что отсутствует в УК РФ.

УК Испании предусматривает ответственность за покушение на жизнь лица, осуществляющего правосудие, если обвиняемый насилем или запугиванием попытается воздействовать на заявителя, адвоката, обвиняемого, прокурора, эксперта, переводчика или свидетеля, чтобы тот изменил свое решение. Лицу, совершившему данное преступление, назначается наказание в виде тюремного заключения сроком от 6 до 24 месяцев. Следует отметить, что тот же самый срок обвиняемый понесет и за действия, посягающие на жизнь лиц, указанных ранее, за их служебную деятельность, осуществляемую в процессе расследования какого-либо преступления⁴.

Таким образом, можно говорить о присутствии общих черт по уголовно-правовой охране данных лиц от преступных посягательств в рассмат-

---

¹ Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик: утв. Постановлением ЦИК СССР от 31 окт. 1924 г. // Собрание законов СССР. – 1924. - № 24, ст. 205 ; Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик : закон СССР от 25 дек. 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1959. - № 1, ст. 6.

² Модельный Уголовный кодекс для государств - участников СНГ: принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ от 17 февр. 1996 г. // Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ. 1997. № 10.

³ Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л. В. Головки, Н. Е. Крыловой ; пер. с франц. и предисловие Н. Е. Крыловой. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. С. 179-181, 413.

⁴ Уголовный кодекс Испании // Федеральный правовой портал «Юридическая Россия» : [сайт]. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1247923&subID> (дата обращения: 16.05.2019).

риваемых нами странам постсоветского пространства. Кроме того, следует отметить, что единой мировой практики регламентации ответственности за анализируемое нами деяния ещё не выработано, что обусловлено как историческим опытом, так и особенностями проводимой уголовной политики конкретного государства по охране данных лиц.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Волколупова В. А. О дифференциации ответственности за насильственные преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности по законодательству некоторых скандинавских стран: компаративистский аспект // *Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире*. 2014. Т. 4. № 8. С. 109-113.
2. Волоколупова В. А., Сенцов А. С. Компаративистские аспекты противодействия взяточничеству в странах Европы с наименьшим уровнем восприятия коррупции // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2014. № 4 (31). С. 37-42.
3. Всеобщая декларация прав человека от 10 дек. 1948 г. // *Рос. газ.* – 1998. – 10 дек.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 нояб. 1950 г. // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* – 2001. – № 2, ст. 163.
5. Конституция Российской Федерации : принята на всенародном голосовании 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* – 2014. – № 31, ст. 4398.
6. Коняхин В. П., Трузын Э. В. Зарубежный опыт уголовно-правового противодействия организованным преступным группам и перспективы его использования в российском уголовном законодательстве // *Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации*. 2018. № 1 (63). С. 95-103.
7. Краткая редакция. Текст по Академическому списку. Правда Роськая // *Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Законодательство Древней Руси*. М. : Юрид. лит., 1984. Т. 1. С. 47-49.
8. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 дек. 1966 г. // *Ведомости Верховного Совета СССР.* – 1976. – № 17, ст. 291.
9. Модельный Уголовный кодекс для государств - участников СНГ : принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ от 17 февр. 1996 г. // *Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ*. 1997. № 10.
10. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 27 янв. 1999 г. № 1 (ред. от 03.03.2015) // *Рос. газ.* – 1999. – 9 февр. ; 2015. – 6 марта.
11. Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик : закон СССР от 25 дек. 1958 г. // *Ведомости Верховного Совета СССР.* – 1959. – № 1, ст. 6.
12. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : А ТЕМП, 2007. 944 с.
13. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик : утв. Постановлением ЦИК СССР от 31 окт. 1924 г. // *Собрание законов СССР.* – 1924. – № 24, ст. 205.
14. Осокин Р. Б. Сравнительно-правовой анализ состава жестокого обращения с животными по уголовному законодательству стран постсоциалистической правовой семьи // *Несовершеннолетний как потерпевший и субъект преступных по-*

святательств: уголовно-правовые, криминологические, уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные аспекты материалы общероссийской научно-практической конференции. Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. С. 89-96.

15. Осокин Р. Б., Кокорев В. Г. О совершенствовании технико-юридического конструирования ст. 148 УК РФ «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий» с учетом международных договоров и опыта некоторых зарубежных стран // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика : материалы VII Международной научно-практической конференции. Тамбов : Державинский, 2018. С. 167-177.

16. Осокин Р. Б., Кокорев В. Г. Сравнительно-правовой анализ уголовно-правовой охраны предметов религиозного почитания по законодательству России и некоторых зарубежных стран // Актуальные проблемы защиты социально-экономических прав человека в России, СНГ и странах Европейского Союза : материалы международной научной конференции. Волгоград : Изд-во ВолгГМУ, 2018. С. 255-260.

17. Осокин Р. Б., Курсаев А. В. Ответственность за похищение имущества с тел умерших или мест их захоронения по уголовному законодательству зарубежных стран и проблемы совершенствования ст. 244 УК РФ «Надругательство над телами умерших и местами их захоронений» // Международное публичное и частное право. 2011. № 4. С. 38-41.

18. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. Ф. Р. Сундурова, М. В. Талан. М. : Статут, 2012. 943 с.

19. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 1.04.2019) : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 нояб. 2001 г. : одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 дек. 2001 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. - № 52, ч. I, ст. 4921; 2019. - № 14, ч. I, ст. 1459.

20. Уголовный кодекс Испании // Федеральный правовой портал «Юридическая Россия» : [сайт]. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1247923&subID> (дата обращения: 16.05.2019).

21. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (в ред. 17.07.2018) // Параграф : [сайт]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984 (дата обращения: 24.03.2019).

22. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03 июля 2014 г. № 226-V (в ред. 19.01.2019) // Параграф : [сайт]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 24.03.2019).

23. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.05.2019) : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. - № 25, ст. 2954; 2019. - № 22, ст. 2668.

24. Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л. В. Головкин, Н. Е. Крыловой; пер. с франц. и предисловие Н. Е. Крыловой. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. 650 с.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОХРАНЫ ПРАВОПОРЯДКА И ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Алина Геннадьевна Яркина
Воронежский государственный университет

Аннотация: В статье раскрывается содержание правопорядка и общественно-го порядка, дается их определение, исследуется процесс взаимосвязи правопорядка с общественным порядком, рассматриваются возможности реализации правовой активности граждан в охране правопорядка.

Ключевые слова: правопорядок, общественный порядок, охрана общественного порядка.

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF LAW ENFORCEMENT AND PUBLIC ORDER IN THE RUSSIAN STATE

Alina Yarkina
Voronezh State University

Abstract: The article reveals the content of law and order and public order, gives their definition, explores the process of the relationship of law and order with public order, considers the possibility of implementing the legal activity of citizens in the protection of law and order.

Keywords: legal order, public order, protection of public order.

Одним из ключевых показателей эффективности государственной власти является высокий уровень правового порядка в стране. Обычно правопорядок определяют как порядок, основанный на праве. На сегодняшний день многие сферы правопорядка и его роль в развитии государства и общества в юридической науке изучены недостаточно полно, а основные работы ученых, посвященные данному вопросу, равно как и усилия практиков сосредоточены на борьбе с правонарушениями. Но ситуация изменилась, и сейчас возникла необходимость переосмысления большинства теоретических и практических аспектов данного вопроса.

Несомненно, что правопорядок является государственно-правовым явлением. Он возникает и существует тогда и там, где и когда возникает государственная власть, которая в нем заинтересована. Она устанавливает и поддерживает его, охраняет от нарушений, а в необходимых случаях защищает имеющейся в ее распоряжении принудительной силой. Без этого невозможна реализация государственных задач, осуществление сущности, формы и функций власти, решение государственных дел¹.

Правапорядок есть тот юридический результат, к которому стремится государственная власть и все субъекты права, используя разнообразные приемы и пути. В этом социальном результате органически сливаются объективные потребности в упорядоченности жизни с деятельностью

---

¹ Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. М.Н. Марченко. - М. : Зеркало, ТЕИС, 2016. - С. 98.

людей по урегулированию их поведения и поступков¹. Можно сказать, что правопорядок – это система правовых отношений, отвечающая интересам государства и общества, выраженным в нормах права.

Правопорядок также означает реальное обеспечение и реализацию субъективных прав, соблюдение юридических обязанностей всеми гражданами, должностными лицами, органами и организациями. Следует отметить, что действия граждан по осуществлению своих законных возможностей не должны нарушать права и обязанности других лиц. Обобщая существующие определения правопорядка², под этим термином будем понимать основанную на законности и праве организацию общественной жизни, отражающую качественное состояние общественных отношений или состояние фактической упорядоченности общественных отношений, выражающих реальное, практическое осуществление требований законности³.

Для более полного понимания института правопорядка необходимо кратко рассмотреть вопрос о соотношении правопорядка и общественно-го порядка.

Понятие «общественный порядок» широко используется, как в юридической литературе, так и в законодательном процессе, и в правоприменительной практике, но его четкой и единообразной трактовки не существует. Это говорит не только о сложности этого социально-правового явления, но и о существенном пробеле в российском праве.

Все известные в настоящее время определения данного понятия, имеют достаточно высокую степень неопределенности и не могут в полной мере отвечать потребностям практического применения.

Наиболее оптимальное понятие общественного порядка при всей сложности и высокой степени оценочности было сформулировано И. Н. Данишиным. Исследователь предлагает считать общественным порядком систему общественных отношений, сложившихся на основе соблюдения норм права, направленных на поддержание общественного спокойствия и нравственности, взаимного уважения, надлежащего поведения граждан в общественных местах, отношений в сфере социального общения⁴.

По мнению Б. П. Кондрашова, под общественным порядком в широком смысле понимается «установившаяся в результате соблюдения социальных норм (норм права, морали, обычаев, традиций и т.п.) система обще-

---

¹ Келдибеков Р.Ж. К вопросу о взаимосвязи правопорядка с общественным порядком и законностью // Р. Ж. Келдибеков // Вестник КазНУ. – 2016. – № 4. – С. 69-71.

² Алексеев С.С. Теория государства и права / С.С. Алексеев. – М. : Экспо, 2006. – С.235; Шабуров А.С. Законность и правопорядок // Теория государства и права: Учебник / А.С. Шабуров. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2009. – С.457.

³ Денисенко В.В. Легитимация права с позиции иррациональности в теории юридического постмодернизма // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Право. 2015. №1. С.69-78.

⁴ Алимбиева Т. Г., Ким Н. В., Урбисимова Н. Е. Проблема разграничения понятий «общественная безопасность» и «общественный порядок» // Т. Г. Алимбиева, Н. В. Ким, Н. Е. Урбисимова / Молодой ученый. - 2017. - №5. - С. 463-465.

ственных отношений, неприкосновенность которой гарантируется всей политической системой государства»¹.

И.И. Веремеенко утверждает, что общественный порядок представляет собой «порядок отношений в общественных местах, который обусловлен потребностями общества, обеспечивает личную и общественную безопасность и тем самым гарантирует обстановку спокойствия, согласованности и ритмичности общественной жизни»².

Особенностью приведенных определений является то, что охрана общественного порядка направлена на упорядочение общественных отношений в общественных местах. То есть словосочетание «общественное место» является основой в данных определениях и именно оно обладает наибольшей степенью неясности, так как полного содержания понятия «общественное место» на сегодня в российском законодательстве и в доктрине нет. В некоторых законодательных актах (например, в Кодексе РФ об административных правонарушениях РФ, ст. 20.1 и 20.20) содержится лишь ограниченный перечень общественных мест, но этот перечень не является исчерпывающим, в результате чего в правоприменительной практике имеются проблемы в идентификации места совершенного правонарушения, т.е. является или не является оно общественным местом.

Учитывая вышесказанное, наиболее предпочтительной при определении понятия «общественный порядок» можно считать позицию исследователей, определяющих общественный порядок как порядок в обществе, т.е. порядок, при котором все участники общественных отношений соблюдают социальные нормы, независимо от места их нахождения.

Таким образом, необходимо различать понятия «правовой порядок» и «общественный порядок». Они соотносятся как часть и целое, последнее понятие несколько шире первого. Если правопорядок, как сказано выше, основывается на праве и является конечным итогом его реализации, то общественный порядок предполагает соблюдение не только правовых, но и всех иных социальных норм, действующих в обществе (моральных, корпоративных, обычаев, традиций и т.д.). Это - результат общесоциальной регуляции, которая, конечно, включает в себя и правовую.

Заметим, что на уровне сознания большинства людей общественный порядок понимается несколько узко, а именно как порядок в общественных местах - на улицах, площадях, в парках, зонах отдыха, стадионах, в общественном транспорте и т.д. Такое представление в принципе верно, но неполно, так как в действительности общественный порядок предполагает социальную упорядоченность всех общественных отношений, а не какой-то их части³.

---

¹ Кондрашов Б.П. Общественная безопасность и административно-правовые средства ее обеспечения/Б.П. Кондрашов. – М. : Щит-М, 2012. – С. 59.

² Ястребова А.И. Соотношение понятий «общественный порядок», «правопорядок», «конституционный порядок». Конституционно-правовые аспекты/А.И. Ястребова//Закон и право. – 2016. - №2. – С.28-31.

³ При этом упорядочение не обязательно происходит принудительно (см.: Беляев М.А. Самоуправление и саморегулирование в постсоветских государствах /

Существуют весьма значимые различия между правопорядком и общественным порядком, которые можно сформулировать следующим образом:

- явления не совпадают по своему происхождению: если общественный порядок исторически возникает вместе с возникновением и становлением человеческого общества как его органическая часть и условие существования, то правопорядок в качестве политико-юридического явления зарождается гораздо позже, а именно когда возникают публичная власть, право, законы;

- разная нормативная основа: если правопорядок базируется на праве и является, в конечном счете, результатом его реализации, то общественный порядок есть следствие соблюдения не только правовых, но и всех иных социальных норм общества;

- по-разному обеспечиваются: если правопорядок опирается на особый аппарат принуждения, то общественный порядок - на силу общественного мнения, меры негосударственного воздействия; за первым стоит мощь государства, за вторым - влияние (давление) всего общества;

- разные последствия нарушения: при нарушении правопорядка - могут быть применены юридические санкции, при нарушении общественного порядка - также меры морального характера.

Таким образом, рассматриваемые понятия тесно взаимосвязаны, но не тождественны. Они соотносятся как причина и следствие: есть законность - есть и правопорядок, нет законности - нет и правопорядка.

В правовом государстве приобретает особое значение знание действующего законодательства и порядка его применения. Характерным для действующего законодательства является то, что многие вопросы порядка связаны с охраной правопорядка и общественного порядка.

Различие между «обеспечением» и «охраной», состоит в том, что обеспечение законности, правопорядка связано с гарантированием положительной реализации законов, с их упрочением, профилактикой возможных правонарушений, а охрана правопорядка - с нарушениями последних, с восстановлением законности, правопорядка. «Охрана правопорядка» - понятие более узкое, чем общепринятое понятие «охрана общественного порядка».

В борьбе за образцовый общественный порядок и ликвидацию правонарушений наряду с правоохранительными органами активное участие принимают как общественные организации, так и российские граждане.

Принцип широкого участия граждан в укреплении правопорядка вытекает из самой природы Российского государства, и взаимодействие органов правопорядка и общественности в данном вопросе имеет большой исторический опыт. Отечественный исторический опыт подобного взаимодействия с полным основанием можно оценивать как важнейшую

М.А. Беляев // Проблемы постсоветской теории и философии права: перспективы свободного общества: сб.ст. Московская высшая школа социальных и экономических наук. – М.: Юрлитинформ, 2018. С. 24 и сл.).

предпосылку выстраивания новой практики сотрудничества населения и институтов гражданского общества.

Так, например, добровольные народные дружины возникли в Москве в 1881 году. Их основная задача заключалась в поддержании правопорядка при проезде высочайших особ по улицам столицы, во время коронаций и связанных с ними массовых мероприятий. Однако уже к 1905 году численность этой организации достигла 80 000 человек, что свидетельствовало о востребованности данного общественного формирования правоохранительной направленности. Уже к 1913 году Департамент полиции распространил этот опыт Москвы на всю Россию, и народные дружины стали превращаться в постоянно действующую организацию¹.

В советский период, определяя главное направление государства, правящая коммунистическая партия указывала, что активное участие всех граждан в управлении государством, в руководстве хозяйственным и культурным строительством, улучшении работы государственного аппарата и усилении народного контроля над его деятельностью есть главное направление развития государственности.

В настоящее время в развитие ст. 132 Конституции РФ Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» предусмотрел два вопроса местного значения, касающихся общественного порядка: 1) п. 8 ч. 1 ст. 15 и п. 9 ч. 1 ст. 16 - организация охраны общественного порядка на территории муниципального района и городского округа муниципальной милицией; 2) п. 33 ч. 1 ст. 14 и п. 37 ч. 1 ст. 16 - создание условий для деятельности добровольных формирований населения по охране общественного порядка.

Следовательно, законодатель закрепил два способа охраны общественного порядка на своей территории: профессиональными органами и силами общественности.

Охрана общественного порядка силами общественности осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка», который устанавливает принципы и основные формы участия граждан в охране общественного порядка, участия граждан в поиске лиц, пропавших без вести, особенности создания и деятельности общественных объединений правоохранительной направленности, целью которых является участие в охране общественного порядка, порядок и особенности создания и деятельности народных дружин, а также правовой статус народных дружинников.

Граждане, участвующие в охране общественного порядка, не вправе выдавать себя за сотрудников органов внутренних дел (полиции) или иных правоохранительных органов, а также осуществлять деятельность,

---

¹ Чекалин А.А. Взаимодействие милиции с общественными объединениями - важный фактор укрепления правопорядка //А.А. Чекалин. - Вестник Моск. ун-та МВД России. - 2016. - № 3. - С. 14.

отнесенную законодательством Российской Федерации к исключительной компетенции этих органов.

Особое внимание в законе уделено порядку создания и деятельности народных дружин. Народная дружина - основанное на членстве общественное объединение, участвующее в охране общественного порядка во взаимодействии с органами внутренних дел (полицией) и иными правоохранительными органами, органами государственной власти и органами местного самоуправления.

Таким образом, сегодня многие граждане активно участвуют в охране общественного порядка. Учитывая изменение социально-экономической и политической ситуации в стране, участие общественности в охране порядка нуждается в соответствующем правовом регулировании. В этом отношении в субъектах Российской Федерации ведется достаточно эффективная правотворческая работа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеев С.С. Теория государства и права/С.С. Алексеев. - М. : Экспо, 2006. - 618с.
2. Алимпиева Т. Г., Ким Н. В., Урбисина Н. Е. Проблема разграничения понятий «общественная безопасность» и «общественный порядок» / Т. Г. Алимпиева, Н. В. Ким, Н. Е. Урбисина // Молодой ученый. - 2017. - №5. - С. 463-465.
3. Беляев М.А. Самоуправление и саморегулирование в постсоветских государствах / М.А. Беляев // Проблемы постсоветской теории и философии права: перспективы свободного общества: сб.ст. Московская высшая школа социальных и экономических наук. - М.: Юрлитинформ, 2018. С. 24-44.
4. Денисенко В.В. Легитимация права с позиции иррациональности в теории юридического постмодернизма // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Право. 2015. №1. С.69-78.
5. Келдибеков Р.Ж. К вопросу о взаимосвязи правопорядка с общественным порядком и законностью /Р. Ж. Келдибеков //Вестник КазНУ. - 2016. - № 4. - С. 69-71.
6. Кондрашов Б.П. Общественная безопасность и административно-правовые средства ее обеспечения/Б.П. Кондрашов. - М. : Шит-М, 2012. - 394с.
7. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. М.Н. Марченко. - М. : Зеркало, ТЕИС, 2016. - 374с.
8. Чекалин А. А. Взаимодействие милиции с общественными объединениями - важный фактор укрепления правопорядка //А.А. Чекалин. - Вестник Моск. ун-та МВД России. - 2016. - № 3. - С. 14.
9. Шабуров А.С. Законность и правопорядок //Теория государства и права: Учебник/А.С. Шабуров. - Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2009. - 673с.
10. Ястребова А.И. Соотношение понятий «общественный порядок», «правопорядок», «конституционный порядок». Конституционно-правовые аспекты / А.И. Ястребова // Закон и право. - 2016. - №2. - С.28-31.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анникова Виктория Андреевна, студент 3 курса бакалавриата Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Березин Алексей Алексеевич, студент 2 курса бакалавриата Воронежского государственного университета

Бородин Егор Павлович, студент 2 курса бакалавриата Воронежского государственного университета

Бражникова Таисия Владимировна, студент 2 курса бакалавриата Воронежского государственного университета

Булгакова Дарья Владимировна, ассистент кафедры уголовного права и процесса Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Виноградова София Алексеевна, студент бакалавриата 1 курса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Глебова Валерия Константиновна, аспирант кафедры теории государства и права, международного права и сравнительного правоведения Воронежского государственного университета

Глебова Дарья Александровна, студент бакалавриата 2 курса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Гончарова Анна Александровна, аспирант кафедры конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета

Донских Ангелина Александровна, студент 2 курса бакалавриата Воронежского государственного университета

Жожевникова Виктория Павловна, студент 3 курса бакалавриата Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Кокорев Владимир Геннадьевич, ассистент кафедры уголовного права и процесса Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Котова Алёна Игоревна, магистрант Воронежского государственного университета

Курова Карина Николаевна, студент 2 курса бакалавриата Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Маргарян Владлен Арсенович, студент бакалавриата 1 курса Воронежского государственного университета

Недиков Вячеслав Борисович, студент бакалавриата 2 курса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Переславцева Елизавета Максимовна, студент бакалавриата 4 курса Воронежского государственного университета

Пожилых Анастасия Игоревна, студент 2 курса бакалавриата Воронежского государственного университета

Севрюков Ярослав Игоревич, аспирант кафедры теории государства и права, международного права и сравнительного правоведения Воронежского государственного университета

Сенюков Антон Николаевич, студент 2 курса бакалавриата Воронежского государственного университета

Скрынников Руслан Андреевич, аспирант кафедры административного и административного процессуального права Воронежского государственного университета

Федоров Александр Сергеевич, студент бакалавриата 1 курса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Цепляев Николай Александрович, студент 3 курса бакалавриата Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Ширин Игорь Валерьевич, студент бакалавриата 2 курса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Якушин Иван Сергеевич, студент 3 курса бакалавриата Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Яркина Алина Геннадьевна, студент 1 курса бакалавриата Воронежского государственного университета

Научное издание

Правопорядок и его институциональные основы

**Сборник трудов молодых ученых –
участников международной научной конференции**

(Воронеж, 31 мая – 1 июня 2019 г.)

АНО «НАУКА-ЮНИПРЕСС»
394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86Б, 2

Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 10,125. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ИП Алейникова О.Ю.
394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86Б, 12.